

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

ФАКУЛЬТЕТ ЭКОНОМИКИ И ФИНАНСОВ

**КАФЕДРА ОБЩЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ
И ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ**

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИКИ
ЕВРАЗИЙСКИХ СТРАН
В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Санкт-Петербург

15 апреля 2024 г.

*Под редакцией доктора экономических наук,
профессора Т.А. Селищевой*

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2024**

ГРНТИ 06.01

ББК 65.5

T65

T65 **Трансформация** экономики евразийских стран в условиях неопределенности : сборник научных статей / под ред. д-ра экон. наук, проф. Т.А. Селищевой. – СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2024. – 195 с. – EDN : POPYBO.

ISBN 978-5-7310-6488-0

Сборник научных статей представляет собой отчет кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли в рамках проводимой под руководством д-ра экон. наук, профессора Миропольского Д.Ю. инициативной НИР на тему: «Государство и рынок: евразийская доминанта развития в условиях формирования многополярного мира» и по итогам выполнения инициативной НИР и научно-исследовательской конференции профессорско-преподавательского состава и аспирантов факультета экономики и финансов СПбГЭУ.

В статьях рассмотрены актуальные проблемы политической экономики, теория развития хозяйственных систем евразийского типа и их цифровая трансформация; особенности развития российской хозяйственной системы на современном этапе.

Сборник адресован преподавателям, научным сотрудникам, аспирантам, студентам и всем, кто интересуется проблемами развития хозяйственных систем евразийского типа.

ГРНТИ 06.01

ББК 65.5

Рецензенты:

профессор кафедры международных экономических отношений Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», д-р ист. наук, проф. **А.Ф. Завгородний**

профессор кафедры экономики предприятия и управления производственными комплексами СПбГЭУ, д-р экон. наук, проф. **И.М. Алиев**

ISBN 978-5-7310-6488-0

© СПбГЭУ, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ	6
<i>Грошев В.А.</i> Экономическое поведение: специфика целей и средств	6
<i>Дмитриев А.Л.</i> Неоклассика и неорикардизм	12
<i>Миропольский Д.Ю.</i> Дж. Ю. Стиглиц о государственном секторе экономики	19
<i>Плотников В.А., Ушкова Т.В.</i> Креативные индустрии: анализ теоретической сущности категории	25
<i>Родионова Т.Н., Семерова Е.А.</i> Кулишер И.М. об историческом процессе развития прибавочного продукта и прибыли	30
<i>Селищева Т.А.</i> Тенденция к росту органического строения капитала в цифровой экономике	41
<i>Федотов В.А.</i> Сложность в определении уровня конкурентоспособности национальной экономики	45
<i>Фейгин Г.Ф.</i> Экономика России: поиск места в системе мирохозяйственных связей на современном этапе	53
Глава 2. ТЕОРИЯ РАЗВИТИЯ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СИСТЕМ ЕВРАЗИЙСКОГО ТИПА	61
<i>Зубатов М.А.</i> Проблемы устойчивости региональных социально-экономических систем в современных условиях хозяйствования (на примере рынков медицинских услуг)	61
<i>Иванова А.Ю.</i> Влияние финансиализации на усиление противоречия между финансовым и реальным секторами экономики	65
<i>Колесник Е.Г.</i> Социально-экономическое неравенство и бедность: поиск решения в странах евразийского типа	71
<i>Макеева Е.С.</i> Специфика использования опросных методов в исследованиях экономики счастья	75
<i>Медынская И.В., Гао Лэй.</i> Анализ влияния экономических преобразований Китая на мировую торговлю сырьевыми товарами	81
<i>Пиеничникова С.Н.</i> Поведение домохозяйств как фактор социально-экономического развития России	92
<i>Якшибаева Г.В.</i> Регулирование движения рабочей силы (трудовой миграции) на региональном уровне	100
Глава 3. ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ	106
<i>Асалханова С.А.</i> Некоторые аспекты формирования цифрового пространства в условиях цифровой экономики	106

<i>Афанасенко И.Д., Борисова В.В.</i> Цифровые технологии в циркулярной цепочке создания ценности	109
<i>Баева Е.В., Матвеева Н.П.</i> Возрастающее использование искусственного интеллекта в торговле	114
<i>Дугина Е.Л., Доржиева Е.В., Дареев Г.Е.</i> Цифровизация и ее роль в системе продовольственного обеспечения населения России	120
<i>Дятлов С.А.</i> Энтропийно-синергичный управленческий подход к классификации видов искусственного интеллекта в нейроцифровой экономике	125
<i>Ильина О.П.</i> Искусственный интеллект как компонент системы образования	130
<i>Миэринь Л.А., Еремеев М.А.</i> Трансформация института заработной платы в цифровой экономике.....	135
Глава 4. ЭКОНОМИКА РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	141
<i>Боркова Е.А., Ватлина Л.В.</i> Типология регионов в контексте пространственной поляризации	141
<i>Гаврилов А.Н., Фролова Е.В.</i> Проблемы формирования технологического суверенитета России в условиях глобальной трансформации	147
<i>Мышкина Н.В.</i> Государственное регулирование пропорций реального сектора экономики (на примере строительной отрасли).....	154
<i>Павлова Е.Е.</i> Санкции как неотъемлемая часть современной экономики	160
<i>Пшеничникова С.Н., Лукьянова А.И., Титова Е.А.</i> Влияние прямых иностранных инвестиций на экономическое развитие Российской Федерации как принимающей стороны	165
<i>Пшеничникова С.Н., Молодцова А.И., Магомедов Д.А.</i> Гравитационная модель внешней торговли России с дружественными странами.....	171
<i>Спиридонова Н.В.</i> Рынки углеродных единиц в мире и Евразийском регионе: проблемы и перспективы	176
<i>Русина Н.Э.</i> Экономическое направление отчетности об устойчивом развитии группы «Газпром Энергохолдинг»: цели и результаты	182
<i>Сопина Н.В.</i> Проблема нехватки трудовых ресурсов в российской промышленности.....	187
<i>Судова Т.Л.</i> Инвестиции во внуков	191

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник статей является отчетом по выполнению инициативной НИР кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли на тему: «Государство и рынок: евразийская доминанта развития в условиях формирования многополярного мира».

В издании рассмотрены дискуссионные проблемы соотношения государства и рынка в условиях геоэкономической и геополитической нестабильности и формирования альтернативных полюсов развития, место экономики России в системе мирохозяйственных связей на современном этапе.

Большое внимание в статьях уделено актуальным проблемам евразийской политической экономии, в том числе теоретическим основам развития хозяйственных систем евразийского типа. Исследуются специфика моделей развития экономик евразийских стран и их трансформация в условиях санкционного давления западных стран и развития импортозамещения. Рассмотрены проблемы устойчивости развития евразийских экономик. В статьях обозначены острые проблемы обеспечения национальной безопасности евразийских стран в условиях геополитической нестабильности и показаны возможные пути ее укрепления. Особый интерес представляет проблема технологического суверенитета и интеллектуальной безопасности.

Авторы статей широко выявляют основные тенденции цифровой трансформации экономик евразийских стран; показаны проблемы и острая необходимость цифровизации в регионах Российской Арктики; исследуются проблемы введения цифровых валют в евразийских странах; доказана возрастающая роль искусственного интеллекта и его неоднозначные последствия применения в современной экономике и социальной сфере.

Также рассматриваются проблемы формирования технологического суверенитета России в условиях глобальной дефрагментации и геополитической нестабильности. Особое место уделено проблемам санкций по отношению к российскому реальному сектору экономики и возможностям сглаживания их последствий. Исследована проблема нехватки трудовых ресурсов в российской промышленности.

Важным аспектом изучения явилось рассмотрение экологических проблем и устойчивого развития стран Евразийского региона, государственного регулирования сферы природопользования, развития экономики замкнутого цикла и других.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

УДК 330.1

В.А. Грошев

*Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: groshevvector@yandex.ru*

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ: СПЕЦИФИКА ЦЕЛЕЙ И СРЕДСТВ

Аннотация. Статья посвящена идентификации экономического поведения как особой формы целенаправленной активности субъекта в сфере экономики. Обосновываются признаки экономического поведения, его специфические цели и средства реализации.

Ключевые слова: экономическое поведение, рациональность, мотивы, цели, ресурсы.

V.A. Groshev

*St - Petersburg State University of Economics
Saint Petersburg, Russian Federation
E-mail: groshevvector@yandex.ru*

ECONOMIC BEHAVIOR: THE SPECIFICS OF GOALS AND MEANS

Annotation. The article is devoted to the identifying economic behavior as a special form of purposeful activity of a subject in the field of economics. The signs of economic behavior, its specific goals and means of implementation are substantiated.

Keywords: economic behavior, rationality, motives, goals, resources.

Категориальный аппарат экономической науки содержит целый ряд базовых терминов, до настоящего времени не имеющих четкого и однозначного определения. К их числу следует отнести и такое понятие, как «экономическое поведение». Стандартная экономическая теория трактует экономическое поведение как форму активности рационально действующего субъекта, преследующего сугубо эгоистические цели. Такое его восприятие вносит неопределенность в понимание границ теоретического анализа экономических процессов, а также самой экономики как объекта этого анализа. Более того, оно способствует превращению экономической науки из специфической области социальных знаний в дисциплину, претендую-

шую на универсализм в исследовании и раскрытии сути любых социальных явлений и процессов, тем самым ведет к размыванию, выхолащиванию ее собственного содержания.

Экономическое поведение – лишь одна из целого ряда особых форм социальной активности, классификация которых может базироваться на самых разных признаках действий: обдуманности, наличия цели, адекватности ситуации, адаптивности к изменениям обстоятельств и др. Идентификация экономического поведения как специфичной формы этой активности должна исходить из особых критериев, не применимых к любым иным формам. Выделение в качестве таковых рациональности и эгоизма, принятое в стандартной теории, этому требованию не отвечает. Рациональность в широком ее понимании как разумность, обоснованность действий присуща в той или иной степени любому адекватному поведению нормального субъекта, преследующего собственные цели, в какой бы области это поведение не осуществлялось.

Попытка выделить некую особую форму «экономической» рациональности как стремление получить максимум выгод при минимуме затрачиваемых усилий проблему не снимает. Реальность показывает, что подобное стремление не ограничивается областью экономических отношений и обнаруживается в целом ряде иных сфер деятельности, непосредственно с экономикой не ассоциируемых. То, что в этих сферах стремление получить максимум выгод при минимуме затрачиваемых усилий, как правило, не реализуется в полной мере, не является свидетельством наличия какой-то особой экономической рациональности. И в экономической сфере абсолютная реализация такого стремления – явление достаточно редкое. Не случайно в лексиконе экономической науки сегодня прочно закрепилось понятие ограниченной рациональности.

Не способствует обоснованию особой экономической формы рациональности отсутствие единого внятного признака ее измерения и оценки. В научном обороте можно встретить самые разные оценочные ее показатели, такие как «выгоды», «выигрыш», «доход», «наилучший результат», «удовлетворение», «предпочтительная альтернатива», «достижение цели» и ряд других. Некоторые из этих показателей (выгоды, удовлетворение, выигрыш и др.) трудно отнести к числу специфически экономических, поскольку они вполне применимы в оценке проявлений человеческой активности, к экономике непосредственного отношения не имеющих. Искусственная их привязка к сфере экономических взаимодействий посредством наделения дополнительным свойством (экономические выгоды, экономический выигрыш) принципиально проблему не решает, но в свою очередь ставит вопрос о содержании признака «экономический». Попытка ответить на этот вопрос, как показывает опыт, оборачивается либо генерированием

тавтологических определений, либо отсылкой к широкому набору ситуативных состояний. Другие показатели, такие как, например, «доход» или «прирост благосостояния», не вызывают сомнения в их экономической природе, однако порождают свои вопросы, от ответа на которые напрямую зависит их аналитическая ценность. Прежде всего, требует четкого и однозначного ответа на вопрос, что следует понимать под доходом и благосостоянием, и в каких формах проявляются эти феномены. Современная экономическая наука такого ответа пока что дать не готова.

Трудно признать исключительным атрибутом экономической формы человеческой активности и такое ее свойство, как следование субъекта собственным эгоистическим интересам. Причин тому несколько.

Во-первых, согласно З. Фрейду, эгоизм как поведенческая черта, представляет своеобразный инстинкт, который заложен в человека природой и является следствием борьбы за выживание, рождающей стремление удовлетворить собственные потребности. Воздействие разных обстоятельств в ходе развития личности может, конечно, изменять силу его воздействия на поведение, однако невозможно выделить общественно значимые обстоятельства, которые аннулируют это воздействие в областях, непосредственно с экономикой не ассоциируемых, и абсолютизируют его именно в границах области экономических процессов. Не случайно направленность на собственный интерес и абсолютизацию индивидуальных оценок мы встречаем в самых разных сферах социального поведения. Они обнаруживаются и в процессе поиска партнера для создания семьи, и в воспитании детей, и в отношениях с близкими, и в обмене информацией, и в защите индивидуальных идейных позиций и в политических взаимодействиях, и во многих иных ситуациях.

Во-вторых, эгоизм как предпосылка поведения, в основе которой лежит приоритет личных целей, допускает неоднозначную трактовку и сведение к этому понятию внешне качественно отличных, подчас противоположных, типов реакции субъекта на сходные события. Не случайно в рамках институционального экономического анализа выделяются разные формы следования собственному интересу: эгоизм в его классическом понимании, оппортунизм и послушание. Этот перечень может быть в принципе дополнен и альтруизмом, поскольку социально значимые поступки субъекты часто совершают, ориентируясь не на общественное их одобрение, а на личные приоритеты, на внутреннее побуждение обеспечить удовлетворение интересов других людей. С учетом сказанного отнесение эгоизма к основополагающим критериям экономического поведения нуждается в четком обосновании специфической формы эгоизма, инициирующей исключительно экономические действия.

Обоснование специфики экономического поведения не ограничивается выделением фундаментальных характеристик, принципиально отличающих его от иных форм человеческой активности и не воспроизводимых в любых действиях неэкономической природы. Решение этой задачи требует также уточнения природы такого рода поведения. Важно ответить на вопрос: любые ли действия субъекта, делающие его участником тех или иных процессов распределения и использования ограниченных ресурсов, однозначно должны рассматриваться как проявления экономического поведения? Так, например, меняет ли использование субъектом денег в осуществлении им каких-либо действий ритуального характера природу самих этих действий, превращая их из ритуальных в экономические? Иными словами: являются ли синонимами понятия «экономическое поведение» и «поведение в экономике»?

Ответ на этот вопрос полагает отход от чрезмерно абстрактного восприятия участника экономической деятельности, свойственного разным моделям экономического субъекта и фокусирующего внимание лишь на одном из множества способов его бытия. Продуктивнее воспринимать его в качестве многопланового феномена, реализующего, как правило, в своем поведении ряд не совпадающих по задачам и средствам функций. В рамках подобного восприятия определяющим моментом в понимании природы конкретного набора действий субъекта становится их функциональная структура. В ее рамках какая-либо функция приобретает доминирующее значение, определяя общую целевую направленность действий, остальные же функции носят подчиненный характер, служат средством реализации ведущей. Такое разграничение дает основания установить, является ли включение субъекта в те или иные экономические процессы главным ориентиром его активности или же оно – лишь вмененная обстоятельствами форма проявления этой активности, главные задачи которой с экономикой прямо не связаны.

Отказ от отождествления экономического поведения с любой активностью субъектов, так или иначе связанной с распределением и использованием ограниченных ресурсов, позволяет сконцентрировать внимание на действиях, в которых доминирование экономической функции является очевидным. К таковым можно отнести трудовое, потребительское инвестиционное, сберегательное, предпринимательское, страховое, рыночное и ряд других видов. Все элементы этого многообразия – особые проявления экономического поведения как такового, каждый из них по-своему отражает его общие фундаментальные признаки. Поэтому раскрытие сущности экономического поведения требует выделения этих признаков.

Сходство разных проявлений экономического поведения обнаруживается в широком наборе присущих им общих характеристик. Вместе с

тем не все эти характеристики можно отнести к числу специфических атрибутов именно экономического поведения, поскольку они свойственны многим видам деятельности, не имеющим явной и однозначной связи с экономической активностью. В частности, нет оснований считать специфическими свойствами экономического поведения такие общие для разных его форм признаки, как опосредованность действий социальной средой; обоснованность, отражающая структуру значимых для субъекта мотивов поведения и обстоятельства их актуализации; ограниченность возможностей субъекта по реализации актуализированных мотивов; альтернативный характер выбора способа действий, предполагающий осмысленное решение в плане наилучшего сочетания мотивов субъекта и его возможностей и т.п.

Для выделения признаков, общих для разных проявлений экономического поведения и одновременно невоспроизводимых в иных формах действий субъектов, как представляется, следует выяснить особенности принятия решений экономической направленности. Все эти проявления реализуют единую в своей основе модель обоснованного поведения, которая в общем виде отражает фундаментальную связь между целями поведения, диктуемыми иерархической структурой мотивов субъекта, и способами реализации этих целей, выбираемыми им с учетом располагаемых возможностей и сопутствующих обстоятельств. Сама по себе эта модель не является специфичной именно для экономической формы поведения, присуща любым обоснованным действиям. Исключительные свойства экономического поведения следует искать в особенностях адекватных ему мотивов, в их природе и предпосылках актуализации в качестве целей деятельности. Способы реализации актуализированных мотивов в данном случае не имеют решающего значения, поскольку являются вторичными по отношению к целям и существующим обстоятельствам их реализации. Соответственно, рациональность и любые иные свойства, характеризующие способ целенаправленных действий субъекта, отходят на второй план.

Поскольку мотив субъекта порождается воздействием на него определенных стимулов, отвечающих его интересам, качественную особенность экономических действий следует увязывать со спецификой преследуемых субъектом интересов. Иными словами, вычленять из всего множества интересов те, которые значимы исключительно для формирования целей экономического характера и лежат в основе любых возникающих целей такого рода. Стандартная экономическая теория, рассматривая разные типы экономического поведения, его мотивационную основу, сводится по существу к присвоению субъектами каких-либо актуальных ценностей, которые могут принимать форму жизненных благ, прибыли, ренты и других

факторов. В рамках такого понимания субъект экономического поведения в экономическом кругообороте позиционируется, прежде всего, как фигура, включаемая в него в качестве потенциального приобретателя какой-либо ценности. Условия приобретения ценности являются при этом вторичными, определяются ресурсными возможностями субъекта в складывающихся обстоятельствах. Но такая позиция присуща любому обоснованному поведению нормального субъекта практически во всех областях жизнедеятельности, и это объяснимо. Человек – носитель широкого круга самых разнообразных по природе и форме потребностей, и их удовлетворение является естественной основой его жизнедеятельности. Потому рассмотрение нацеленности субъекта на присвоение чего-либо в качестве специфического метамотива, детерминирующего цели исключительно экономического поведения, общие и одинаково значимые для всех его разнообразных проявлений, вряд ли приемлемо.

Однако важно учесть, что в рамках экономического кругооборота его участники выступают не только потенциальными приобретателями ценностей, но и источниками разного рода ресурсов. Распоряжение ресурсами вне зависимости от его оснований создает для субъекта потенциальную возможность роста его благосостояния. Поскольку максимизация благосостояния составляет суть экономической жизни общества, реализацию этих возможностей правомерно рассматривать как самостоятельный мотив их обладателя. Так как свойства ресурсов допускают обычно альтернативные варианты применения, указанные возможности оказываются неоднозначными. Поэтому намерение их реализовать для субъекта не сводится к простому принятию решения об включении ресурсов в хозяйственный оборот, но предполагает также о выбор формы использования.

Если во главу угла модели поведения, выражающей фундаментальную зависимость между целью и способом действий, поставить мотив использования располагаемых субъектом ресурсов, эта модель приобретает особые черты, не присущие иным способам человеческой активности. В этом качестве ее можно рассматривать как модель именно экономического поведения. Согласно ей, целью экономического поведения субъекта становится такая реализация свойств находящегося в его распоряжении ресурса, которая обеспечит в рамках его индивидуальной системы приоритетов максимально возможное увеличение частного благосостояния. Средством достижения этой цели является включение ресурсов в экономический оборот. При этом форма такого включения изначально не predetermined. Она является продуктом выбора, который при существующих обстоятельствах в наибольшей мере отвечает задаче максимизации благосостояния субъекта в соответствии со структурой его предпочтений. В зависимости от субъективного выбора направления активизации ресурса его обладатель приобре-

тает специфическую функциональную роль в хозяйственном процессе, становясь либо потребителем, либо производителем, либо инвестором, либо посредником, либо иным участником этого процесса. Соответственно, его действия с ресурсом в каждом конкретном случае приобретают одну из особых форм экономического поведения.

Следует отметить, что в рамки подобного восприятия модели экономического поведения органически укладываются предпосылки эгоизма и рациональности, укоренившихся в основном течении экономической мысли. И формирование у субъекта намерения активизировать располагаемые ресурсы и определение им направления наилучшего их размещения отражают его индивидуальные предпочтения и их структуру. Избрание же предпочтительного способа включения ресурсов в хозяйственный оборот на деле претворяет в жизнь рациональный подход к реализации главной экономической цели субъекта – обеспечить наилучшее размещение собственных ресурсов.

УДК 339.9

А.Л. Дмитриев

*Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: dmitr7171@mail.ru*

НЕОКЛАССИКА И НЕОРИКАРДИАНСТВО

Аннотация. В работе рассмотрены ключевые положения неоклассического и неорикардianского направления в экономической теории. Показано, что эти направления тесно связаны между собой, но если представители первого придавали большое значение как микроуровню, так и макроуровню, сконцентрировав внимание на поведении отдельных экономических агентов, то второе является более макроэкономическим, где в центре внимания уровень цен. Неорикардianство, имея импульс развития в связи с работой П. Сраффы (1960), постепенно стало распространяться, получая новых сторонников. Маржинализм же сформировался еще в 1870-х гг. и оказал существенное влияние на неоклассическое направление, став в нем центральным пунктом.

Ключевые слова: неоклассика, неорикардianство, маржинализм, теория цены, теория ценности, классическая школа политической экономии.

A.L. Dmitriev

*St. Petersburg State University of Economics
Saint Petersburg, Russian Federation
E-mail: dmitr7171@mail.ru*

NEOCLASSICAL AND NEO-RICARDIAN

Abstract: The paper examines the key provisions of the neoclassical and neo-Ricardian schools of economic theory. It is shown that these schools are closely related to each other, but if the representatives of the first gave great importance to both the micro and macro levels, concentrating on the behavior of individual economic agents, the second is more macroeconomic, where the focus is on the price level. Neo-Ricardianism, having received an impetus for development in connection with the work of P. Sraffa (1960), gradually began to spread, gaining new supporters. Marginalism was formed back in the 1870s and had a significant impact on the neoclassical school, becoming its central point.

Keywords: neoclassicism, neo-Ricardianism, marginalism, price theory, value theory, classical school of political economy.

Современное направление в экономической теории (мейнстрим) часто называют неоклассическим. Напомним, что *неоклассика* – это собирательное название, объединяющее несколько течений в экономической теории, связанных с методологией, заложенной еще в конце XIX столетия. Сам термин «неоклассический» впервые был введен в оборот американским ученым Т. Вебленом (1857–1929) в 1900 г. для характеристики британского экономиста А. Маршалла (1842–1924) и маршаллианской экономической теории [1, с. 617]¹. Позже, в 1920–1930-х гг., этот термин стал использоваться более широко в качестве демонстрации преемственности идей Маршалла классической школе.

Современные экономисты-теоретики, большей частью полагают, что рубеж в развитии экономической теории приходится на начало 1870-х гг. В этот период получают широкую известность идеи *предельного анализа*, основанного на использовании дифференциального исчисления применительно к функциональным зависимостям, которые описывают поведение отдельных хозяйствующих субъектов (индивидов и фирм). «Маржиналистская революция», как она была названа позже, коренным образом изменила облик экономической науки, ее предмет и метод. Эта революция была связана с почти одновременным выходом в свет работ британского ученого У.С. Джевонса (1835–1882) «Теория политической экономии» (1871), австрийского экономиста К. Менгера (1840–1921) «Основания политической экономии» (1871) и швейцарского Л. Вальраса (1834–1910) «Элементы чистой политической экономии» (1874, 1877). Большое значение для становления неклассической парадигмы сыграла работа А. Маршалла «Принципы

¹ М. Добб (1900–1976) еще в 1924 г. отмечал, что неоклассическое направление освободило классическую политическую экономия от заметных упрощений, разорвало ее связь с философией естественного права и сформулировало ее в терминах дифференциального исчисления.

экономической науки» (1890). Примерно с середины 1890-х гг. маржиналистская теория в вариантах А. Маршалла и Л. Вальраса стала в большинстве стран господствующей. В различных версиях – австрийской, лозаннской, англо-американской, маржинализм имел свои некоторые особенности, которые позже обогатили микроэкономический анализ [2, с. 175].

В отличие от экономистов классической школы (А. Смит, Д. Рикардо, Дж.С. Милль и др.), которые видели основную экономическую проблему в определении причин богатства наций и экономического роста и в распределении дохода между общественными группами (классами), представители маржинализма ставили во главу вопросы оптимального (эффективного) размещения ограниченных ресурсов. Такая постановка закладывалась в основание маржиналистской концепции. Ее методологические особенности можно свести в несколько пунктов².

1. *Методологический индивидуализм.* По сравнению с холистическим подходом меркантилистов и классиков, которые оперировали такими понятиями, как «государство», «класс», «страны», маржиналисты придерживались индивидуализма и объясняли поведение отдельных экономических агентов своими интересами и принципами максимизации своих функций.

2. *Статический подход.* Маржиналисты ставили во главу угла статический аспект экономики, не сам процесс, а архитектонику. Динамика трактовалась как определенная последовательность дискретных статических состояний (сравнительная статика по аналогии со статикой в классической механике).

3. *Равновесный подход.* Во главу угла ставилось равновесное состояние системы, которое устойчиво по отношению к краткосрочным возмущениям в этой системе.

4. *Экономическая рациональность.* По утверждению маржиналистов, индивид находится в состоянии равновесия тогда, когда в данных условиях оно для него оптимально с точки зрения критерия максимизации его функции полезности. У маржиналистов в качестве важнейшей предпосылки выступает возможность описания экономических агентов с помощью функций (полезности – для индивида, прибыли или издержек – для фирмы, общественного благосостояния – для государства).

5. *Предельный анализ.* Центральным местом в экономическом анализе выступают предельные величины, которые характеризуют дополнительное (или бесконечно малое) изменение благ, дохода, затрат и т.п. С помощью предельного анализа конкретизируется исследование целевой функции экономических агентов.

² Здесь мы пользуемся классификацией, сформулированной В.С. Автономовым в [2, с. 178–179].

6. *Математизация.* Использование принципа максимизации (минимизации) позволяет описывать экономические проблемы в терминах условного экстремума и использовать аппарат дифференциального и интегрального исчисления.

Эти пункты анализа применялись для исследования различных вопросов, в частности – вопроса меновой ценности благ. Она решалась с помощью теории предельной полезности, объясняя ценность блага с помощью полезности их дополнительной единицы, соединяя принцип ценности с принципом редкости. Маржинализм проник и в другие разделы теории: производство, распределение дохода, экономику благосостояния. Этот подход был противоположен подходу экономистов классической школы, поскольку последние выводили ценность из издержек производства, которые, в свою очередь, определялись в сфере производства и распределения. Поэтому в центре внимания классиков стоял капиталист-предприниматель, а в центре маржиналистов – потребитель, который практически игнорировался в построениях классиков. Преимуществом маржиналистской концепции был ее универсализм.

Отметим, что мейнстрим экономической теории в лице неоклассической школы, постоянно сталкивался с другими направлениями. В 1960 г. была опубликована работа британского экономиста итальянского происхождения П. Сраффы (1898–1983) «Производство товаров посредством товаров»³, которая вскоре привлекла внимание экономистов⁴. Эта работа Сраффы побудила экономистов сформулировать трудовую теорию стоимости в терминах модели «затраты–выпуск» В.В. Леонтьева (1905–1999).

Основная идея Сраффы состояла в следующем: теоретические основы определения рыночной цены через кривые спроса и предложения в самом общем случае являются неверными. В центре анализа Сраффы находится экономическая система, основанная на разделении труда. В такой системе выпуск (продукт) каждой из отраслей не соответствует ее потребностям в средствах производства – в средствах существования для занятых в работников. Каждая отрасль, если рассматривать ее изолированно, не способна продолжать работу и нуждается в определенных связях с другими отраслями экономики. Это необходимо для получения средств производства для себя в обмен на часть своей продукции. Таким образом, получается цепочка обменов, которая характеризует всю экономическую систему, основанную

³ Работа Сраффы бала издана на русском языке в 1999 г. под редакцией И.И. Елисейевой [3].

⁴ П. Сраффа в 1930 г. приступил к изданию полного собрания сочинений трудов британского экономиста-классика Д. Рикардо (1772–1823), которым занимался почти четверть века. Эта работа стала основой для критического пересмотра оснований политической экономии и созданию *неорикардианской* концепции.

В системе уравнений параметры A_{ij} , A_i и L_i известны, неизвестными являются цены, норма прибыли и ставка зарплаты. Число уравнений равно n , а число неизвестных $n + 2$. В качестве дополнительного уравнения вводится условие – стоимость набора товаров, формирующих национальный продукт равен 1:

$$\begin{aligned} & [A_1 - (A_{11} + A_{12} + \dots + A_{1n})]p_1 + \\ & [A_2 - (A_{21} + A_{22} + \dots + A_{2n})]p_2 + \\ & [A_n - (A_{n1} + A_{n2} + \dots + A_{nn})]p_n = 1. \end{aligned}$$

Система Сраффы является открытой, она описывает рикардианскую зависимость между нормой прибыли и ставкой зарплаты. Конкретное решение этой системы можно получить, если зафиксировать одну из переменных, поскольку число неизвестных больше числа уравнений. Маркс полагал, что заработная плата есть величина заданная, определяемая стоимостью рабочей силы. Если же заработная плата задается вне системы (экзогенно), то становится возможным найти все неизвестные. У Сраффы ставка зарплаты задается реальной корзиной потребительских товаров, что делает равным число неизвестных числу уравнений и позволяет получить единственное решение. В результате уравнения в модели Сраффы приближаются к ценам производства К. Маркса.

В условиях простого воспроизводства (когда производится ровно столько, сколько необходимо для поддержания жизни) товары производятся отдельными отраслями и обмениваются на рынке. В результате возникает набор меновых стоимостей, который восстанавливает первоначальное распределение продуктов и делает возможным повторение данного процесса.

Если же рассматривается экономическая система с расширенным воспроизводством (производство с некоторым излишком), то распределение прибавочного продукта должно определяться через такой же механизм, что и цены товаров. В случае превышения зарплатой прожиточного минимума, относительные цены могут быть определены совместно, при условии, что задан технологический уровень: чем выше зарплата, тем ниже прибыль.

Особый аналитический инструмент, предложенный Сраффой, – понятие стандартного товара, с помощью которого возможно решение проблемы неизменной меры ценности. Стандартный товар – это комбинация товаров (набор товаров, в определенной пропорции). Он составляется в таких же пропорциях, что и совокупность собственных средств производства. Таким образом, в абстрактной экономической системе, где продукт состоит из определенных количеств стандартного товара, совокупность средств производства соответствует определенному количеству стандартного товара. В результате норму прибыли можно определить как соотношение

между двумя физически однотипными количествами (количеством стандартного товара, который получен в результате вычитания средств производства из общего количества продукта и средствами производства, авансированными капиталистами).

Таким образом, работа в концепции Сраффы была предложена как теория цен производства, возвращавшая экономическую теорию к классикам и, прежде всего, Д. Рикардо. Она позволяла критиковать маржиналистскую теорию ценности и распределения. Вклад П. Сраффы заключался в том, что он 1) реконструировал классически подход, дав ему современную интерпретацию и изложение, 2) сформулировал базовые принципы критики маржиналистской теории, 3) сформулировал принципы анализа ценности и распределения, которые базировались на классическом понимании функционирования экономической системы.

У Сраффы возникла целая школа последователей (сраффианство). Они создали различные подходы к реконструкции классической политической экономии. Среди них выделяется итальянский экономист Л.Л. Пазинетти (1930–2023), опубликовав в 1981 г. книгу «Структурные изменения и экономический рост». В этой работе, основываясь на подходе Рикардо, Пазинетти предложил «создать на основе всех недавних разработок в области экономической науки единую всеобъемлющую теорию», которая соединяла бы положения Дж. М. Кейнса, М. Калецкого, В. Леонтьева и П. Сраффы [4, с. 535]. По его мнению, такая теория должна быть нейтральной по отношению к институциональной организации общества и фокусироваться на «первичных и естественных характеристиках любой экономической системы» [4, с. 536].

В духе Сраффы реконструкцию классической политической экономии осуществлял и П. Гареньяни (1930–2011). Он позиционировал себя марксистом и предлагал новое аналитическое ядро в системе отношений, связанных с ценами производства и параметрами распределения в построениях Сраффы. Как указывал Гареньяни, заработная плата, общественный продукт и технические условия производства заданы и образуют ядро. В рамках этого ядра все параметры распределения, кроме зарплаты, определяются как остаток – такое определение подразумевает установление относительных ценностей товаров.

Литература

1. Аспромурнос Т. Неокласический // Экономическая теория / под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена; пер. с англ. М.: Инфра-М, 2004. С. 617–618.
2. История экономических учений: учебное пособие / под ред. В.С. Автономова. М.: Инфра-М, 2000. 784 с.
3. Сраффа П. Производство товаров. М.: ЮНИТИ, 1999. 159 с.
4. Ронкалья А. Богатство идей: пер. с англ. М.: Издат. дом ВШЭ, 2018. 665 с.

Д.Ю. Миропольский

*Санкт-Петербургский государственный
экономический университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация,
E-mail: miropolskiy1959@mail.ru*

**Дж. Ю. СТИГЛИЦ
О ГОСУДАРСТВЕННОМ СЕКТОРЕ ЭКОНОМИКИ**

Аннотация. В статье критически анализируется маржиналистская теория государственного сектора экономики в лице ее ведущего представителя Дж. Ю. Стиглица. Автор показывает, что, во-первых, маржиналистская концепция не имеет исчерпывающего объяснения работы чистого рынка, так как не может раскрыть природу цены и игнорирует присущую рынку экономическую переменную, противоположную цене, а именно объем. Во-вторых, теория функционирования государственного сектора рыночной экономики строится на совершенно нереалистичных посылах методологического индивидуализма и рыночного поведения индивидов. Из них вытекает, что каждый индивид может осуществить осознанный выбор выгодного для себя соотношения частных и общественных товаров, а затем эти выборы могут быть каким-то образом агрегированы. Автор полагает, что в реальности государственный сектор рыночной экономики и тем более плановой экономики, где государство абсолютно доминирует, функционирует на основе противоположных рыночным номенклатурно-объемных отношений.

Ключевые слова: государственный сектор, оптимум по Парето, цена, объем, эффективность.

D.Y. Miropolsky

*St. Petersburg State University of Economics,
St. Petersburg, Russian Federation,
E-mail: miropolskiy1959@mail.ru*

J. Y. STIGLITZ ON THE PUBLIC SECTOR OF THE ECONOMY

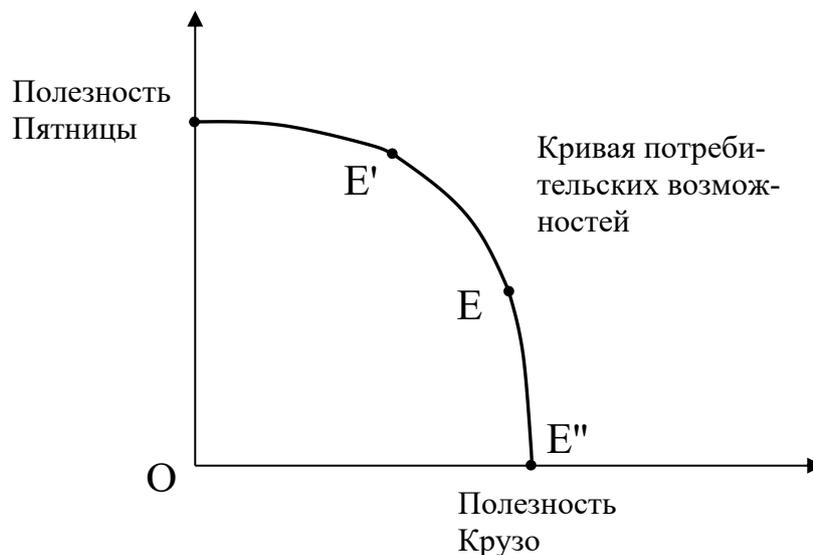
Abstract: the article critically analyzes the marginalist theory of the public sector of the economy in the person of its leading representative J. Y. Stiglitz. The author of the article shows that, firstly, the marginalist concept does not have an exhaustive explanation of the operation of a pure market, since it cannot reveal the nature of price and ignores the economic variable inherent in the market, the opposite of price, namely volume. Secondly, the theory of the functioning of the state sector of the market economy is based on completely unrealistic assumptions of methodological individualism and market behavior of individuals. It follows from them that each individual can make an informed choice of a favorable ratio of private and public goods, and then these choices can be aggregated in some way. The author believes that in reality, the public sector of a market economy, and even more so of a planned economy, where the state absolutely dominates, operates on the basis of opposite market nomenclatures.

Keywords: public sector, Pareto optimum, price, volume, efficiency.

В экономике любой капиталистической страны есть государственный сектор. Бюрократия этим государственным сектором управляет. Каким образом она это делает? Без ответа на данный вопрос никакой удовлетворительной экономической теории быть не может. Экономическая теория призвана показать экономику как системное целое. Если из этого целого выпадает кусок в виде государственного сектора, это уже не теория.

Посмотрим, как отвечает на вопрос о механизме функционирования государственного сектора такой признанный авторитет, как Дж. Ю. Стиглиц. В данной статье мы опираемся на его работу «Экономика государственного сектора» [1]. Достоинством книги является то, что изложение построено логически, без затемнения вопроса сложной математикой. Это дает возможность исследовать фундаментальные основания маржинализма в области теории государственного сектора.

Сначала Стиглиц ставит вопрос, почему рынок, если ему ничто не мешает, работает эффективно. И пытается на него ответить. Автор заявляет, что конкурентные рынки приводят экономику к состоянию эффективному по Парето. В качестве иллюстрации этого принципа Стиглиц демонстрирует известную кривую потребительских возможностей для упрощенного сообщества, состоящего только из Робинзона и Пятницы (рисунок).

Кривая потребительских возможностей [1, с. 68]

В связи с этой кривой сразу возникают вопросы. Под полезностью Робинзона и Пятницы Стиглиц понимает уровень их обеспеченности материальными благами? Это некая категория, выходящая за рамки общей полезности? Она отражает обеспеченность всеми благами, которые позволяют человеку нормально воспроизводиться. Она явно не может возникать из некой субъективной предельной полезности конкретного, отдельного товара. Но

чем она тогда определена? Маржинализм здесь натывается на некую объемную величину, существующую объективно и самостоятельно и не вытекающую из субъективных предельных величин. Однако, наткнувшись, ничего об этой величине не говорит. Экономика, приходящая в Парето-оптимальное состояние, продолжает Стиглиц, не определяет, как распределяются блага между Крузо и Пятницей: «При конкурентном равновесии Робинзон Крузо может быть очень хорошо обеспеченным, в то время как Пятница живет в ужасающей нужде (как в точке E)» [1, с. 69]. Однако кривая потребительских возможностей допускает существование и точки E" (см. рис.). Интересно, какова будет жизнь Пятницы в этой точке, если точка E для него уже ужасающая нужда? Видимо, его потребительские возможности окрасятся в кладбищенские тона. Мы опять сталкиваемся с каким-то таинственным объемом полезности, теперь уже минимальным, не имея которого человек погибает.

В связи с тем, что эффективность, по Парето, допускает любое распределение потребительских возможностей между членами общества, Стиглиц делает любопытное заявление о необходимости государственного перераспределения ресурсов в условиях чистого рынка [1, с. 69]. Государственное перераспределение ресурсов, конечно, – еще не государственный сектор, но выходит, что даже самый совершенный рынок порождает государственное регулирование как свою противоположность. А значит, даже в рамках теории чистого рынка необходима теория государственного регулирования, показывающая, как оно устроено. Хочется сразу обратить внимание, что государство, перераспределяя ресурсы, регулирует их объем, а отнюдь не цену. То есть опять вылезает этот непонятный объем.

Провозгласить, что рыночная экономика достигает Парето-оптимального состояния, еще не значит это доказать. Как Стиглиц обосновывает свою идею? Обосновывает при помощи функции спроса и предложения. Рынок приводит экономику к эффективному, по Парето, состоянию, «потому что, решая, какое количество определенного товара купить, люди приравнивают предельную (дополнительную) полезность, которую они получают при потреблении добавочной единицы продукции, к предельным (дополнительным) издержкам покупки добавочной единицы товара ...» [1, с. 70]. Приравнивание предельной полезности к предельным издержкам и приводит Робинзона с Пятницей на кривую потребительских возможностей, изображенную на рисунке.

Выдвигая подобный аргумент, Стиглиц, вслед за всеми маржиналистами, во-первых, не может объяснить происхождение ключевой величины, посредством которой осуществляется приравнивание полезности и издержек, – цены: «Рыночное равновесие возникает тогда, когда рыночный спрос равен предложению. ... В этой точке предельная полезность равняется цене, а предельные издержки равны ей же ...» [1, с. 72].

Во-вторых, Стиглиц не отвечает на вопрос, каким образом измерены предельные издержки. Очевидно, предельные издержки измерены все теми же ценами, которые неизвестно откуда взялись. Между тем цена является ключевой величиной, определяющей Парето-эффективное состояние экономики.

В рассматриваемой монографии Дж. Ю. Стиглиц приводит более развернутый вариант объяснения того, как в условиях совершенного рынка достигается эффективность по Парето. Предельные нормы замещения любой пары товаров для всех потребителей – участников рынка должны быть едиными, предельные нормы технологического замещения для всех производителей также должны быть одинаковыми и предельные нормы замещения любой пары товаров должны равняться предельной норме трансформации.

Выполнение первого условия (равенство предельных норм замещения) обеспечивается равенством относительных цен для всех потребителей в условиях совершенной конкуренции. Для случая безденежной экономики Робинзона и Пятницы, которые потребляют только апельсины и яблоки, для выполнения названного первого условия их кривые безразличия в коробке Эджворта–Боули должны коснуться друг друга в одной точке [1, с. 90]. Но проблема в том, что это касание кривых безразличия в качестве предпосылки имеет тот факт, что в распоряжении Робинзона и Пятницы изначально имеются определенные объемы апельсинов и яблок. Если эти изначально заданные объемы начнут меняться, то и положение точки касания тоже будет изменяться как следствие изменения объемов. Собрав все возможные варианты объемов апельсинов и яблок, мы получим кривую потребительских возможностей (см. рисунок).

Если изначально заданные объемы апельсинов и яблок не соответствуют точке касания кривых безразличия, между Робинзоном и Пятницей начинается рыночный обмен, который корректирует эти объемы. Но рыночный обмен (и соответственно цены) эти объемы не задает, он их всего лишь корректирует.

Если рассмотреть два оставшихся условия эффективности рынка по Парето, то и там мы сразу наткнемся на объективно существующие объемы ресурсов, о которых не говорится ни слова.

Таким образом, даже рынок совершенной конкуренции – это экономическая система, где наряду с ценами необходимо формируются и существуют объемы. Просто условия совершенного рынка таковы, что цены почти автоматически выстраивают необходимые обществу объемы производства и потребления. Но выстраивание объемов ценами совсем не означает, что объемов нет, и теория имеет право ничего о них не говорить.

Посмотрим теперь, как Дж. Ю. Стиглиц встраивает в систему совершенного рынка государственный сектор. Для решения этой задачи Стиг-

лиц вместе со всеми маржиналистами переходит от индивидуальной к общественной кривой безразличия. Однако этот переход, по его же собственной оценке, весьма непросто для представителей методологического индивидуализма: «... Мы не имеем общепринятого способа «сложения вместе» предпочтений различных индивидуумов в обществе для получения функций общественного благосостояния» [1, с. 112]. Но даже если предположить, что такой общепринятый способ утвердился (утилитаристский, ролсианский ...), возникает еще одна проблема, на наш взгляд, более серьезная. Стиглиц пишет: «Поскольку мы складываем полезности Крузо и Пятницы, в результате мы исходим из того, что каким-то образом можем сравнить в значимом количественном выражении их уровни полезности» [1, с. 113]. Но сама идея кривой безразличия состоит в том, что полезность измерять не надо. Таким образом, маржинализм, со своими субъективно-индивидуальными оценками явно заходит в тупик. Однако игнорируя в конечном счете это обстоятельство, Стиглиц считает общественные кривые безразличия удобным способом теоретического анализа деятельности государства [1, с. 114].

Не имея возможности проанализировать все исследуемые Стиглицем причины возникновения государственного сектора, мы останавливаемся на общественных товарах. Как определить, что выбор данного сообщества между общественными и частными товарами эффективен? Общественные товары поставляются в количестве, отвечающем требованию эффективности в том случае, если сумма индивидуальных предельных норм замещения равна предельной норме трансформации. Чтобы иллюстрировать данный принцип, Стиглиц опять обращается к упрощенному примеру с Робинзоном и Пятницей, которые решают вопрос о размерах национальной обороны. Автор исходит из допущения, что национальная оборона – это только пушки, и когда производство пушек увеличивается на одну, то производство масла сокращается на фунт. Далее Стиглиц делает предположение о том, что Крузо готов отказаться от одной трети фунта масла в обмен на дополнительную пушку. Пятница готов пожертвовать двумя третями фунта масла ради одной пушки. Если сложить готовность жертвовать маслом Крузо и Пятницы, то как раз хватит на одну пушку. Получилось, что суммарная предельная норма замещения масла пушками сравнялась с предельной нормой трансформации масла в пушки.

Видно, что условный пример с Робинзоном и Пятницей выглядит совершенно фантастически. Фантастическим его делает то, что в реальности конкретный индивидуум не способен соотносить фунты масла и штуки пушек. И тем более он не способен соотносить какие-то единицы своего благосостояния, далеко выходящего за пределы масла, с единицами сложных вооружений, о которых он понятия не имеет. Картина не изменяется, когда

Дж. Ю. Стиглиц вводит понятие так называемой налоговой цены. Смысл налоговой цены состоит в том, что индивид за каждую дополнительную единицу общественного товара выплачивает дополнительную сумму налогов и может соотнести две эти величины [1, с. 133].

Ограниченный объем статьи не позволяет нам более подробно рассмотреть маржиналистскую теорию экономики государственного сектора. Однако даже проделанный анализ позволяет уверенно заключить, что данная теория пытается «напялить» маржиналистские принципы рыночного поведения индивида на поведение всего общества и бюрократии. Именно это насильственное «напяливание» и является причиной той научной фантастики, которую мы наблюдаем в работе Дж. Ю. Стиглица. Картина принципиально не меняется, когда на место индивида в «свободном» обществе ставится «диктатор» [2, 3]. Государственный сектор в рыночной экономике и тем более государственная плановая экономика работают не на основе товарно-денежных отношений (понимай их хоть по-маржиналистски, хоть по-марксистски), а на основе номенклатурно-объемных отношений. Номенклатурно-объемные отношения формируются в экономике тогда, когда в силу определенных условий цены не могут выстроить необходимые обществу объемы производства и потребления [4, 5]. В такой ситуации объем выдвигается на первое место, и цены начинают определяться по плану в зависимости и в соответствии с объемом. Только когда номенклатурно-объемные отношения будут включены в современную экономическую теорию, она приобретет системный и, следовательно, научный вид.

Статья выполнена в рамках инициативной НИР Санкт-Петербургского государственного экономического университета «Государство и рынок: евразийская доминанта развития в условиях формирования многополярного мира».

Литература

1. Стиглиц Дж. Ю. Экономика государственного сектора. М.: Изд-во МГУ: ИНФРА-М, 1997. 720 с.
2. Мюллер Д. Общественный выбор III [текст]. М.: ГУ ВШЭ, 2007. 1000 с.
3. Заостровцев А.П. Теория общественного выбора: анализ диктатур // Человеческие качества и человеческое поведение в экономической науке: сборник материалов II Октябрьской Международной научной конференции по проблемам теоретической экономики, 18–19 мая 2020 г. СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 2022. 258 с.
4. Миропольский Д.Ю. Очерки теории продукта: потенциальные формы капитала и плана эпохи до разделения труда. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2015. 278 с.
5. Миропольский Д.Ю. Очерки теории продукта: номенклатура и товар на аграрной стадии. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2022. 210 с.

В.А. Плотников

*Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: plotnikov.v@unicon.ru*

Т.В. Ушкова

*Международный банковский институт
им. Анатолия Собчака
Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: ibispb@ibispb.ru*

КРЕАТИВНЫЕ ИНДУСТРИИ: АНАЛИЗ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ КАТЕГОРИИ

Аннотация. Развитие практики хозяйствования дает толчок для экономической теории, в которой появляются новые категории, призванные объяснить изменившиеся реалии хозяйственной жизни человека. Одна из таких категорий – креативные индустрии. Они активно изучаются современными исследователями, а также получают формальное институциональное закрепление, что позволяет осуществлять публичное управление их формированием, развитием и функционированием. Анализ показывает, что общепринятого обобщенного, сущностного определения креативных индустрий, достаточно операбельного для использования в теоретических исследованиях и в практике хозяйствования, пока что не предложено. На современном этапе теоретического осмысления креативных индустрий более операбельной является их «перечислительная» трактовка. Несмотря на присущие ей недостатки, она более адекватно описывает рассматриваемую категорию. При этом авторами сделан вывод, что креативные индустрии следует относить к сфере услуг.

Ключевые слова: креативные индустрии, экономическая теория, сектор экономики, фактор производства, сфера услуг.

V.A. Plotnikov

*St. Petersburg State University of Economics
Saint Petersburg, Russian Federation
E-mail: plotnikov.v@unicon.ru*

T.V. Ushkova

*International Banking Institute named after Anatoly Sobchak
St. Petersburg, Russian Federation
E-mail: ibispb@ibispb.ru*

CREATIVE INDUSTRIES: ANALYSIS OF THE THEORETICAL ESSENCE OF THE CATEGORY

Abstract: The development of business practice gives impetus to economic theory, in which new categories appear, designed to explain the changed realities of human economic life. One of these categories is creative industries. They are actively studied by modern re-

searchers, and also receive formal institutional consolidation, which allows for public management of their formation, development and functioning. The analysis shows that a generally accepted, generalized, essential definition of creative industries, operational enough for use in theoretical research and in business practice, has not yet been proposed. At the present stage of theoretical understanding of creative industries, their “enumerative” interpretation is more operational. Despite its inherent shortcomings, it more adequately describes the category under consideration. At the same time, the authors concluded that creative industries should be classified as services.

Keywords: creative industries, economic theory, economic sector, factor of production, service sector.

В последние годы в отечественной и зарубежной литературе появилось довольно много публикаций, посвященных проблематике креативных индустрий [1–3 и др.]. При этом сама эта категория не имеет достаточно четко обозначенных границ, в теоретическом смысле, по нашему мнению, она требует дальнейшей проработки. Это тем более важно, что понятие креативных индустрий (КИ) появилось и в официальном обороте (см., например, утвержденную Распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2021 г. № 2613-р «Концепцию развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года» – далее Концепция), что требует понимания сути этого понятия.

Заметим, что во многих литературных источниках даются трактовки КИ, которые не конкретны, расплывчаты, мы бы сказали, неоперабельны (на их основе нельзя проводить прикладной экономической анализ, а также строить систему теоретических экономических рассуждений). Например, в статье Глушковой Ю.О. и Бабаян И.В. [2] указано: «Проблематика креативных индустрий включает в себя исследования на стыке понимания проблем – социокультурной модернизации и креативной экономики регионов, занятости, творческих профессий, человеческого капитала, творческого бизнеса». Указание взаимодействующих с КИ областей человеческой деятельности, по нашему мнению, не раскрывает сущности этой категории.

Интересный анализ проведен в работе Вейнмейстер А.В. и Ивановой Ю.В. [1], которые сравнивают феномены «культурные индустрии» и «креативные индустрии» и приходят к выводу, что они «в значительной степени схожи. Обе дефиниции противоречивы по своей сути, требуют междисциплинарного подхода для своего комплексного изучения и отражают современный этап развития культуры развитых западных обществ ... Совокупность креативных индустрий может быть рассмотрена ... как модальность культурного производства в отличие от классической культуры и искусства как результата творчества». И в этом случае приведенная трактовка не дает, по нашему мнению, недостаточно информативна. Она дает довольно общее представление о КИ.

В работе Зеленцовой Е.В. [3] используется более ориентированный на каноны экономической теории прием: делается попытка рассмотреть КИ через призму приоритетности используемых в них факторов производства. «Понятие креативные (творческие) индустрии ... связало традиционные формы культуры..., дизайн, моду, рекламу и информационные технологии, поскольку главным ресурсом, порождающим их продукт, являются не бумага, не краски, не мрамор и не разнообразные вспомогательные инструменты, а творческая способность человека». Но и такой подход нам представляется спорным. Поясним далее, почему.

Во-первых, как известно из современной теории факторов производства, они представляют собой необходимые для осуществления производства элементы, в отсутствие которых производство невозможно (или, в некоторых случаях, можно признать его возможным, но результаты этого производства, созданный по итогу продукт, не будет удовлетворять предъявляемым требованиям в силу недостаточности потребительских свойств). С этой точки зрения выделить «главный ресурс» затруднительно, так как в любой системе все элементы значимы, отсутствие любого из них изменяет свойства системы, т. е. все их можно признавать «главными».

Во-вторых, даже если предположить, что удалось с помощью какого-либо методического приема упорядочить ресурсы (факторы производства) по важности (степени «главности»), возникает вопрос относительно меры этой важности. Сравнить можно лишь качественно однородные величины, которые измеримы общеизвестными и доступными для использования способами. Но нам сложно предложить, чем именно измерить разные виды творчества в количественном отношении. В экономической теории для этого применяют перевод показателей расхода ресурсов в стоимостной вид путем введения категории «издержки». Но творчество, зачастую, уникально, его результатом является конкретный единичный продукт (например, картина, написанная художником), в этой связи объективных механизмов ценообразования на его результат пока что не разработано. Поэтому определять степень «главности» через денежный измеритель, конечно, можно, но ценность такого способа измерения, с теоретических позиций, по нашему мнению, сомнительна.

В-третьих, любая хозяйственная деятельность осуществляется исключительно с участием человека, в отсутствие человека экономика тоже исчезает. И теоретически, как это показано Бодруновым С.Д. [4], такая ситуация возможна как следствие гиперразвития технологий и вытеснения из производственных отношений человека машинами. Это будущее устройство общества получило название «ноономика». Но сроки перехода к ноономике пока не ясны, это – отдаленная перспектива, к которой человечество еще

будет двигаться достаточно долго. В современных же условиях (и в обозримой перспективе) определяющая роль человека в экономике сохранится. А человек не может не применять (в большей или меньшей мере – это определяется огромным числом ситуационных и фундаментальных факторов) своих творческих способностей.

Продолжая анализ последнего тезиса, отметим, что мы придерживаемся позиции [5], что по мере развития экономики, перехода к ее более сложной организации, повышению уровня ее инновационности, степень креативности труда непрерывно возрастает, что определяется усложнением процессов хозяйственной деятельности, необходимостью более сложной их координации. То есть креативизация экономики – фундаментальная тенденция ее развития. В этой связи сложно выделить те элементы экономики, которые следует отнести именно к КИ.

Нам представляется продуктивным подход, который избран в Концепции для определения того, что следует относить к КИ. Заметим, что само определение этого понятия в Концепции довольно невнятное и походит на те, что приводятся в процитированных нами выше источниках. Согласно Концепции, «творческие (креативные) индустрии – сферы деятельности, в которых компании, организации, объединения и индивидуальные предприниматели в процессе творческой и культурной активности, распоряжения интеллектуальной собственностью производят товары и услуги, обладающие экономической ценностью, в том числе обеспечивающие формирование гармонично развитой личности и рост качества жизни российского общества».

Но далее в Концепции приводится отраслевой состав видов деятельности, относимых к КИ. «К творческим (креативным) индустриям относятся в том числе: индустрии, основанные на использовании историко-культурного наследия (народно-художественные промыслы и ремесла, музейная деятельность); индустрии, основанные на искусстве (театр, музыка, кино, анимация, живопись, деятельность галерей и др.); современные медиа и производство цифрового контента (кино-, видео-, аудио-, анимационное производство, обработка данных и разработка программного обеспечения, виртуальная и дополненная реальность, компьютерные и видеоигры, блоггерство, печатная индустрия, средства массовой информации, реклама и пр.); прикладные творческие (креативные) индустрии (архитектура, промышленный дизайн, индустрия моды, гастрономическая индустрия и т.п.)».

В этом перечислении появляется конкретика, такая трактовка является операбельной. На ее основании становится возможным, что в теоретических исследованиях, что на практике, определить – при рассмотрении конкретной сферы хозяйствования или организации – относится ли рас-

смаатриваемая подсистема экономической системы к креативным индустриям или нет. Конечно, и в этом случае могут возникать сложности. Они вытекают из того факта, что многие конкретные виды хозяйственной деятельности являются комплексными, в них сочетаются элементы и креативности, и традиционности.

Кроме того, по мере развития процессов разделения труда изначально отнесенные к КИ виды деятельности могут, формально говоря, выходить из состава КИ, по сути, оставаясь их элементом. Приведем один простой пример (их можно привести больше, но, нам представляется, что его будет достаточно). Музейная деятельность относится в Концепции к КИ. В составе этой деятельности есть и деятельность по осуществлению охраны экспонатов, хранимых в музеях. Этот внутренний процесс физической защиты внутреннего пространства музея от злоумышленников, исключения несанкционированного доступа в музей посторонних лиц и т.д. не отделим от музейной деятельности. Но в случае передачи этой охранной деятельности сторонней организации в рамках аутсорсинга [6], физически те же процессы, что описаны выше, уже не являются элементом КИ.

То есть трактовка границ сектора КИ в экономике даже при выборе подхода к определению КИ на основе перечисления конкретных видов экономической деятельности дает не вполне надежный результат. Это тем более значимо с учетом изменения (вследствие социального и научно-технического развития [7]) состава видов экономической активности людей. Например, упомянутые в вышеприведенной цитате из Концепции «дополненная реальность» и «блогерство», сравнительно недавно (несколько десятилетий назад) попросту не существовали. Это означает, что трактовки КИ на основе перечисления входящих в этот сектор экономики видов экономической деятельности всегда будут ситуационными, конкретно-историческими и институционально-специфичными.

В то же время рассмотрение состава видов деятельности, которые принято относить к КИ (помимо приведенных в Концепции, в литературе встречаются и иные аналогичные перечни), позволяет утверждать, что в результате этой деятельности производятся, преимущественно, не материальные блага, а услуги (музейные, кинопрокат, видеоигры, гастрономические и др.). Это означает, что креативные индустрии следует относить к сфере услуг, а их бурное развитие соответствует наблюдаемой с XX в. тенденции «постиндустриализации», которая проявляется в количественном увеличении в совокупном (валовом) производстве нематериально, услуговой доли.

Статья выполнена в рамках инициативной НИР Санкт-Петербургского государственного экономического университета «Государство и рынок: евразийская доминанта развития в условиях формирования многополярного мира».

Литература

1. Вейнмейстер А.В., Иванова Ю.В. «Культурные индустрии» и «креативные индустрии»: границы понятий // Международный журнал исследований культуры. 2017. № 1 (26). С. 38–48.
2. Глушкова Ю.О., Бабаян И.В. Теоретические подходы к анализу креативных индустрий // Beneficium. 2019. № 3 (32). С. 14–24.
3. Зеленцова Е.В. Государственная поддержка креативных индустрий // Международный журнал исследований культуры. 2017. № 1 (26). С. 73–80.
4. Бодрунов С.Д. Ноономика: монография. М.: Культурная революция, 2018. 432 с.
5. Попов А.И., Плотников В.А. Инновационно-креативный потенциал – основа наукоемкой экономики // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2011. № 4 (70). С. 134–136.
6. Курбанов А.Х., Плотников В.А. Аутсорсинг в России: социальное содержание и экономические условия применения // Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления. 2011. № 3 (43). С. 123–131.
7. Вертакова Ю.В., Алпеева Е.А., Рябцева И.Ф. Прогресс и инновации: анализ системной взаимообусловленности: монография. М.: Инфра-М, 2013. 137 с.

УДК 330.82

Т.Н. Родионова

*Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: rtn12@bk.ru*

Е.А. Семерова

*Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: semerova.7@gmail.com*

КУЛИШЕР И.М. ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ ПРИБАВОЧНОГО ПРОДУКТА И ПРИБЫЛИ

Аннотация. В статье рассматривается творчество И.М. Кулишера, его роль в сборе исторических материалов и исследовании развития хозяйства передовых стран. Особое внимание уделено его выводам о сущности и закономерностях эволюции прибавочного продукта и промышленной прибыли по мере осуществления промышленного переворота и дальнейшего развития и совершенствования ведущих отраслей производства. Показаны выделяемые им этапы, источники и причины формирования прибавочного продукта и прибыли на каждом историческом этапе.

Ключевые слова: И.М. Кулишер, прибавочный продукт, добавочный продукт, прибыль, источник прибыли, история хозяйства, историческая школа.

T.N. Rodionova

St. Petersburg State Economic University

St. Petersburg, Russian Federation

E-mail: rtn12@bk.ru

E.A. Semerova

St. Petersburg State Economic University

St. Petersburg, Russian Federation

E-mail: semerova.7@gmail.com

KULISHER I.M. ON THE HISTORICAL PROCESS OF DEVELOPMENT OF SURPLUS PRODUCT AND PROFIT

Abstract. The article examines the work of I.M. Kulischer, his role in collecting historical materials and studying the development of the economy of advanced countries. Particular attention is paid to his conclusions about the essence and patterns of evolution of surplus product and industrial profit as the industrial revolution was carried out and the leading branches of production were further developed and improved. The stages he identifies, the sources and reasons for the formation of surplus product and profit at each historical stage are shown.

Keywords: I.M. Kulisher, surplus product, additional product, profit, source of profit, economic history, historical school.

Долгое время имя Иосифа Михайловича Кулишера пребывало в забвении и было известно только специалистам [1, с. 81–82]. С 1990-х гг. память о нем стала возрождаться, что открыло нам путь к его обширному научному наследию, способному пролить свет на многие интересные для нас вопросы.

И.М. Кулишер родился в 1878 г. в Киеве. Его отец Михаил Игнатьевич Кулишер был адвокатом, но его интересы и деятельность простирались гораздо шире. Он также занимался журналистикой и издательским делом, изучал историю права, семьи, политического строя, собственности. Его работы были изданы отдельной книгой в 1887 г. В научных кругах России и Европы его знали как этнографа и историка культуры [2, с. 6].

Иосиф, подрастая, получил прекрасное образование в Петербурге: окончил гимназию с золотой медалью, затем юридический факультет Санкт-Петербургского университета с дипломом первой степени. В процессе обучения сформировался его интерес к историко-экономическому направлению. Овладев немецким, английским и французским языками, он получил доступ в том числе к зарубежным источникам. В дальнейшем в процессе обобщения и критического осмысления изученного материала создавалась его собственная научная концепция.

На воззрения И.М. Кулишера, с одной стороны, большое воздействие оказали научные убеждения его отца. С другой стороны, он испытал влия-

ние известных представителей историко-экономической школы и кафедрального социализма [1, с. 79–80; 3], так как продолжал обучение в Германии и Австрии, слушал лекции, знакомился с научными трудами, и, в конечном счете, сам работал в рамках данного направления [1, с. 81–82], защищая его устои от критических нападок противников. В противоположность революционно настроенным авторам историко-экономики предпочитали либеральный путь (делали упор на развитие фабричного законодательства, профессиональных союзов, страхования и т.п.), т. е. достижение «классового мира» в рамках капитализма [4, с. 132]. Они видели перспективу в реформировании экономики, совершенствовании социальной политики, участвовали в создании «Социально-политического союза» и инициировали Конгресс по социальным вопросам для нахождения консенсуса интересов, состоявшийся впервые в 1872 г. (в результате чего и были названы кафедральными или по-немецки «катедер-социалистами») [5, с. 63].

Будучи сторонником эволюционного подхода, для выяснения сути исследуемых вопросов он считал недостаточным построение выводов на основе лишь дедуктивного метода. Прежде всего он пытался прояснить истинное положение вещей в соответствующие периоды хозяйствования, стремился не упустить важные нюансы и подробности.

Его знания были по достоинству оценены на Родине: по возвращении в 1905 г. в Петербург И.М. Кулишер как ценный специалист был принят в состав приват-доцентов университета с разрешением читать курс истории экономического быта, кроме того, был причислен к отделу торговли Министерства торговли и промышленности и утвержден высочайшим приказом в чине коллежского секретаря. По заданию Министерства в ближайшие годы изучал и представил обзор истории развития кооперативного законодательства России и восьми ведущих стран Западной Европы. В 1907 г. Кулишер был переведен на службу в Министерство финансов чиновником особых поручений с оставлением его приват-доцентом университета [2, с. 7].

Остается поражаться колоссальной работоспособности И.М. Кулишера. По его текстам видно, что он осваивал огромные объемы материала из предшествующих и современных ему источников; на основе сравнительного анализа этой информации составлял целостную историческую картину развития хозяйства и производства ряда ведущих стран. Результатом его исследований стали статьи, обзоры, монографии, содержащие его итоговые выводы. Вероятно, не все исследователи будут солидарны с Кулишером, но ценным является уже просто обзор разнообразных материалов, которые дают возможность составить представление о различных периодах хозяйствования и отсылают к огромному количеству конкретных источников.

С 1899 г. И.М. Кулишер издавал в видных немецких журналах серии статей, посвященных истории развития дохода с капитала, а затем промышленному перевороту конца XVIII – начала XIX в. Современники Кулишера в России и за рубежом высоко ценили эти работы, выделяя ряд достоинств, и ссылаясь на них.

Он также публиковал свои труды в ряде отечественных периодических изданий на протяжении первого десятилетия XX в. («Вестник права», «Русское экономическое обозрение», «Журнал Министерства народного просвещения» и др.), а затем и в начале 1920-х гг. («Экономист», «Труд в России»).

Он исследовал историю таможенной политики, развитие экономического быта, формы промышленности и торговли в Западной Европе начиная с XIII в.; состояние рабочего класса и условия его труда. Ряд вопросов интересовал его в преломлении к выяснению характера промышленной прибыли. Исследовав европейский опыт, Кулишер занимался также вопросами истории развития народного хозяйства России и будущего нашей внешней торговли.

Некоторые его труды переиздавались неоднократно: к 1925 г. «Обзор мирового хозяйства с начала войны до начала» был дополнен и вышел в третий раз, а в 1926 г. в седьмой раз была переиздана «История экономического быта Западной Европы».

Одним из вопросов, которым он занимался на протяжении ряда лет, снова и снова возвращаясь к нему, была природа промышленной прибыли и ее трансформация по мере развития производства. Этому посвящены его «Очерки из истории форм промышленности в Западной Европе с XIII до XVIII ст. в связи с изучением вопроса о характере прибыли в промышленности этого периода» (СПб., 1906), а также двухтомник «Эволюция прибыли с капитала в связи с развитием промышленности и торговли в Западной Европе» (СПб., 1906; 1908). Думается, что именно это направление исследований было на тот момент и остается, применительно к тому периоду развития, одним из наиболее актуальных.

В первом томе работы «Эволюция прибыли с капитала...» [6] Кулишер отвел центральное место обзору развития промышленности и торговли вплоть до XVIII в. В то время предпринимательский доход мог быть представлен какими-либо вариациями процента, торговой или промышленной прибыли. Теоретические моменты, касающиеся прибыли, он представил лишь как конечные выводы для соответствующих исторических периодов, чем заслужил критические упреки со стороны М.И. Туган-Барановского в том, что проведенные им изыскания очень мало характеризуют общий уровень капиталистической прибыли в конкретных странах, а это как раз должно было бы составлять интерес историка хозяйства. Говорилось, что

автор приводит примеры чудовищной прибыли в области международной торговли, но он не исследовал колебания ссудного процента [7, с. III–IV].

Отвечая на эти замечания в предисловии ко второму тому, Кулишер объясняет: по итогам исследований он пришел к выводу, что в то время еще не существовало условий, в результате которых прибыль стремилась бы к некоторому общему уровню, что позднее назвали средней прибылью. Колебания же ссудного процента, приводимые в подтверждение своей позиции Туган-Барановским, по убеждению Кулишера, несостоятельны, так как являются собой максимальный процент, который допускался законодательными постановлениями соответствующего времени. А в Средние века взимание процента было и вовсе запрещено. Но в действительности во все времена взываемый процент всегда был значительно выше допускавшегося законодательно. В этом и состоит сложность исследования данного реального явления. И поясняет, что в Средние века он включался в капитальную сумму или выражался в каких-либо дополнительных «подарках» или «расходах», а позднее действительный размер дохода уже маскировался различными условиями, включаемыми в сделку. Он подчеркивал, что в результате большинство сделок не дают представления о действительных размерах «выговоренного» процента [7, с. IV]. В дальнейшем, по Кулишеру, уже имелись данные о действительных размерах процента, но касались они преимущественно государственного или частного потребительского кредитования, позднее – земельного. Но это не имело отношения к кредиту в области промышленности и крупной торговли, где до XVII–XVIII вв. кредит почти не применялся, а проблема недостатка средств решалась за счет разнообразных ассоциаций.

Имеющиеся же сведения о ссудном проценте в сфере коммерческого кредита не всегда позволяли делать вывод о размерах прибыли, выручаемой на предприятии, так как государства предоставляли монополию немногим крупным компаниям (ассоциациям), которые и получали огромные торговые прибыли. Иные же лица не находили применения для своих капиталов и уступали их за небольшой процент более успешным предпринимателям. Кулишер лишь заключает, что в первом томе в 8–9 главах им было установлено, что эксплуатация рабочего в XVI–XVIII вв. уже приняла весьма значительные размеры [6; 7, с. 100].

Второй том, по словам самого автора, уже всецело посвящен вопросу о характере прибыли в XIX в., притом именно и только прибыли промышленной. Кулишер пишет, что промышленная прибыль является наиболее важным видом прибыли с капитала в XIX в. И именно она стала предметом исследований и споров в экономической науке. При ее анализе разнообразные вопросы хозяйственной жизни затрагивались лишь в той мере, в которой он считал это важным для выяснения характера прибыли, и не имели самостоятельного значения.

Во втором томе для прояснения истинного уровня и природы прибыли он ставил задачу ответить на вопросы о том, возросла или сократилась с применением машин и появлением фабрик в XIX в. производительность собственного труда рабочего, выражающаяся в продолжительности рабочего дня и интенсивности труда, а с другой стороны, возросла или снизилась та часть продукта, которую рабочий получал в виде заработной платы [7, с. 100]. Из соотношения того и другого он предполагал определить, является ли труд рабочего источником прибыли в данный период, и как изменилось количество прибыли, извлекаемой из этого источника. В качестве дополнительных подробностей он изучал применение считавшегося малоценным женского и детского труда: как изменилась их эксплуатация с введением машин.

Наиболее важным, центральным во втором томе Кулишер считал свое доказательство сформулированного им положения об источнике прибыли, согласно которому прибыль в XIX в. возникает не только и не столько в результате физического или исполнительного труда рабочего, но также и, прежде всего, из творческого труда изобретателя. Этот творческий труд воплощен в оборудовании, применяемом на производстве: машины, двигатели, аппараты, разнообразные улучшения и усовершенствования техники. Он характеризует XIX в. как век изобретений. Он придает большое значение наращиванию в результате изобретений как практического богатства ввиду удешевления товаров, так и созданию предпринимательской прибыли. Изобретения он рассматривал как самостоятельный источник прибыли и утверждал, что наряду с ним продолжает отчасти существовать и такой источник, как труд рабочего.

Согласно Кулишеру, эволюция прибыли включает 4 фазы: первая – возникновение ее как результата насильственного захвата имущества; вторая – получение прибыли за счет перераспределения ценности из дохода потребителя ввиду его слабой позиции на рынке (мы это называем сегодня рынком продавца); третья фаза – извлечение прибыли хозяином производства из труда рабочего, условием чего является фактическая и юридическая власть над рабочими, подкреплённая впоследствии поддержкой со стороны государства и более сильной позицией хозяев производства на рынке труда. И только в XIX в. наступает четвертая фаза, когда источником прибыли становится творческий труд изобретателя. Кулишер уточняет: в каждый период указанный источник прибыли выступает как наиболее значимый, но не является единственным, поскольку наряду с ним продолжают существовать и доставлять доход прежние источники прибыли, бывшие характерными и преобладающими в предшествующие периоды.

В обоснование своих выводов Кулишер привлек и изложил обширнейшие историко-экономические материалы по целому ряду отраслей хо-

зяйства, развивавшихся в Европе и на Американском континенте. Он исследовал свободную конкуренцию и новую технику производства в прядении, ткачестве, развитии шоссейных дорог, железнодорожных сетей, океанского пароходства. В подробностях с описанием сути изобретений и указанием имен изобретателей Кулишер показывает содержание переворота в области техники производства начиная с XVIII в., ход его осуществления в Англии, возникновение и последующее решение технических проблем и вопросов. Попутно он полемизирует с рядом авторов-экономистов исторической школы [1, с. 79–80, 81]. Рассматривая ситуацию введения машин и как бы «деятельности машины», Кулишер прямо ставит вопрос о том, кем конкретно создан «добавочный продукт». Он фиксирует момент появления творческого изобретательского труда, рассматривая его как источник добавочного продукта и заявляя о двойной роли труда в XIX в. Он возвращается к условиям творческого труда до XIX в., к ситуации запрета новшеств в рамках цехового производства, борьбе цехов, хранению секретов производства и, наконец, к возникновению патентного права в Англии в начале XVII в.

Во второй главе Кулишер подробно разбирает технические изобретения в первые две трети XIX в., результаты их применения в области прядильного и ткацкого производства, в частности при производстве льняных и шелковых тканей, затем прослеживает участие творческого труда в металлургической промышленности и показывает, кто воспользовался результатами технических новшеств.

Читая Кулишера, надо быть готовым к тому, что в то время язык категориального аппарата был другой, и это не говорит о недостаточно четком понимании сути происходящих процессов. Под прибылью он понимает в целом возникающий прирост от какой-либо деятельности (начиная с захватов и продолжая собственно предпринимательством: коммерцией, развитием и функционированием производства), как бы он ни распределялся, и кому бы он ни доставался. Он одинаково использует термины добавочного и прибавочного продукта, но отличает их от прибавочной ценности, так как прибавочный продукт может стать, а может и не стать прибавочной ценностью, которую в итоге выручит предприниматель в качестве своей предпринимательской прибыли. Употребляя термин «ценность производства», он явно имеет в виду не то, что Маркс называл ценой производства, не делает акцента на межотраслевой конкуренции и формировании средней прибыли, но предполагает ту величину, которая соответствовала бы действительно созданной ценности, покрывала бы все затраты и приносила бы некоторую нормальную прибыль (без сверхприбыли), позволявшую производству функционировать и развиваться. Говоря о прибыли с капитала, он подразумевает варианты или составляющие прибыли от предпринимательства в промышленной сфере [7, с. 250].

Интересна реплика Кулишера о том, что фабрикант путем понижения цен передавал потребителю «добавочный продукт», «создаваемый машинами» [7, с. 271], с уточнением: «изобретенными» в конце XVIII – начале XIX в. Думается, что упоминание действия машин здесь не следует понимать как «труд машин» в процессе производства, так как суть вопроса выше многократно была им разъяснена, а именно, что ценность создается трудом в процессе производства: сначала – физическим трудом рабочего, а позднее – творческим трудом изобретателя.

Прослеживая распространение первых машин в Англии, а затем и на континенте, он отмечает возникшую при этом конкуренцию в отношении Англии, выделяет ряд периодов развития этого явления. Он обращает внимание, что с первым применением машин в каждой отрасли производства возникает и новый источник прибавочной ценности, реализуемой предпринимателем – труд изобретателя. Период же всеобщего распространения изобретения, т. е. когда механический способ производства становится преобладающим или уже господствующим в данной сфере, что имеет следствием соответствующее понижение цены, является временем окончательного перехода созданного изобретателем продукта в руки потребителя. Это крайние пункты. А между ними, как замечает Кулишер, целая история.

Причем, созданный изобретателем «добавочный» или «прибавочный» продукт в зависимости от условий может и не стать добавочной ценностью для предпринимателя, т. е. его прибылью. И уровень ее может быть различен. Длительное время цены на производимые товары фабриканты снижали далеко не в соответствии со снижением своих издержек, что способствовало их высокой прибыли и накоплениям. И лишь с распространением машин и возрастанием конкуренции, снижаясь, цена стала приближаться к уровню «ценности производства» (термин Кулишера) [7, с. 79–80].

Он поясняет, что в первый период применение машин и вытеснение ручного труда происходило сначала довольно медленно в Англии, затем позднее и еще медленнее на континенте. Препятствием были предрассудки, непонимание возможной пользы, недостаток информации и капиталов (например, в Германии), сложность приобретения машин, сопротивление населения (порча, сожжение), а также противодействие континентальным странам со стороны Англии и ее попытки сохранить монополию в машинном производстве. Англия и минимальное количество предпринимателей на континенте значительное время пребывали в исключительно выгодном монопольном положении. Имея низкие издержки и возможность манипулировать ценой, они путем незначительного понижения цен обеспечивали себе успешный сбыт своих товаров в ряде стран [7, с. 80]. Таким образом, фабриканты долгое время удерживали в свою пользу наибольшую часть созданного изобретателями продукта, который превращался для них в прибавочную ценность – в прибыль.

Второй период начинается с 20–30-х гг. XIX в., когда монополия становится менее интенсивной. Уже не только Англия, но и старые континентальные центры текстильного производства (Санкт-Галлен в Швейцарии и Эльзас во Франции), переоснастив их, выходят на монопольный уровень. Тогда Англия вынуждена переориентироваться на США и другие неконтинентальные страны. Если до 1823 г. весь английский экспорт шел на европейский континент, то с этого времени все более возрастает сбыт в «заокеанских» странах, а на европейском континенте с 30–40-х гг. неуклонно уменьшается [7, с. 85–86]. Распространение фабричного производства становится практически повсеместным.

Третий период Кулишер числит с середины XIX в., когда фабрика становится господствующей системой производства [7, с. 87]. Лишь через полвека после первых изобретений цена пряжи наконец понизилась соразмерно снижению издержек при новом способе производства.

Применительно к первому этапу Кулишер говорит о «фактической» монополии Англии, а применительно ко второму этапу – об «искусственной» монополии, которой удалось достичь некоторым континентальным производствам, благодаря предоставлению им привилегий и финансовой поддержки со стороны своих государств.

Отсюда видно, что квинтэссенцию различий между указанными периодами Кулишер видел в той доле добавочного продукта и добавочной ценности (созданной изобретательским трудом), которую собственник фабричного производства мог оставить за собой: в первый период (до 20–30-х гг. XIX в.) – полностью, во второй период – частично, а в третий (после 40-х гг. XIX в.) – вынужден был уже полностью уступать эту величину потребителю. Из его рассуждений следует, что изначально прибыль в сфере машинного производства являла собой то, что А. Маршалл называл квази-рендой в результате обладания особыми условиями, качествами или достижениями, пока они не распространились по миру.

Применение машин затронуло сначала прядение, затем ткачество; сначала хлопчатобумажное производство, затем льняную, шерстяную, суконную промышленность. В каждой следующей отрасли для лидеров на время открывались монопольные возможности. В середине XIX в. некоторые торговые дома в Аахене преуспевали и получали баснословные прибыли, благодаря непосредственным поставкам сукна в Америку. До 60–80-х гг. продолжалась борьба между машиной и ручным производством в льнопрядильной промышленности, а в сфере ткачества льна и до конца XIX в. [7, с. 92–93].

Ряд последовательных изобретений в производстве железа также на длительный период обеспечили английским производителям монопольное положение. Лишь позднее они стали распространяться во Франции и Гер-

мании. Применение паровых двигателей на европейском континенте также задерживалось и до 1850 г. было незначительно [7, с. 95–97].

Медленное распространение машин означает, что продолжало существовать значительное количество предприятий, которые по-прежнему применяли лишь физический труд рабочего и только из него и могли извлекать прибыль. Кулишер заключает, что кустарное и мануфактурное производства по своему характеру не могут доставлять иного рода прибыли [7, с. 100].

Что касается дохода от применения изобретений, то классическая школа рассматривала его как временную и случайную величину, присоединяемую к нормальной прибыли, причиной которой в ее основе является иной источник. Кулишер же считал, что эта величина с некоторого времени становится явлением постоянного характера, имеющим место почти в каждый момент хозяйственной жизни и являющимся следствием того, что применение новых изобретений по ряду причин распространяется крайне медленно. Поэтому к моменту исчезновения одного изобретения появляется другое, применение которого снова способно в течение продолжительного времени доставлять монопольный доход такого рода. И уточнял, что сначала творческий труд еще не являлся единственным источником прибыли с капитала [7, с. 99].

В пятой главе второго тома Кулишер рассматривает творческий труд как источник прибыли и указывает, что практически никто из изобретателей, чьи творения применялись в производстве, за исключением Уатта и отчасти Аркрайта, с начала и до 60-х гг. XIX в. не получали материальной выгоды от их внедрения. Во второй половине XIX в. крупные изобретения стали обильным источником прибыли с капитала как постоянное явление, происходящее то в одной, то в другой отрасли промышленности. По Кулишеру, «оно является самой характерной особенностью современного промышленного строя», и «глубоко отражается на положении всех классов» [7, с. 250]. Среди проявлений: зависимое положение изобретателей ввиду недостатка средств, условий, оборудования для изобретений, усиление конкуренции умственных работников на рынке труда, что имеет следствием сильное понижение оплаты их творческих усилий; отсутствие возникновения их прав на продукт их умственного труда [7, с. 257].

Все эти проявления сливаются в единую тенденцию. В индустрии постоянно все с большей скоростью достигаются очередные улучшения. Прогрессивные изменения идут не скачками, как раньше, а сливаются в равномерный и постепенный процесс при участии сотен тысяч специалистов. Притом, чем крупнее предприятие, тем значительнее выгоды [7, с. 260–261]. Предприятия, запаздывающие с внедрением технических новшеств, уже не могут извлечь из них прибыли.

Далее при продаже готовой продукции на рынке начинает проявляться сила покупателя, возникает давление с его стороны. В результате борьба за созданный изобретателем продукт разворачивается между производителем и потребителем (практически, минуя изобретателя), и в ней по цепочке участвуют все посредники, отделяющие изобретателя от потребителя и пытающиеся всеми возможными методами и ухищрениями перераспределить в свою пользу образующуюся выгоду. Фабрикант как одна из инстанций старается максимально долго сохранять за собой выгоду от изобретений, но конкуренция заставляет его рано или поздно понижать цены. Кулишер приводит материалы о сильном падении цен (иногда с головокружительной быстротой) за последние наблюдаемые им десятилетия и констатирует, что в итоге этой борьбы наибольшая масса результатов творческого труда безвозмездно достается потребителю [7, с. 269–271].

Кулишер остро ставит вопрос также о судьбе прибавочного продукта физического труда в эпоху изобретений. На основе приводимых фактов роста благосостояния работников он делает вывод, что в последнюю четверть XIX в. стала постепенно исчезать часть прибыли на основе труда производственного рабочего, и таким образом постепенно осуществляется право работника на получение им в качестве заработной платы полного продукта его труда [7, с. 286]. Такое изменение было достигнуто по мере повышения нравственного и умственного уровня представителей рабочего населения, в процессе совершенствования рабочего законодательства и, главное, усиления рабочих ассоциаций, к которым общество и государство стали в итоге относиться с уважением [7, с. 287]. Справедливости ради, надо сказать, что он не единственный, кто с воодушевлением отмечал возможность положительного разрешения рабочего вопроса. При этом он констатировал, что такие положительные проявления в условиях и оплате труда возможны лишь на крупных предприятиях. В сфере же сельского хозяйства, кустарного и ремесленного производства по-прежнему налицо сильнейшая эксплуатация рабочих [7, с. 312], но ее плодами опять же пользуется больше всего потребитель и гораздо в меньшей степени предприниматель или посредник [7, с. 345].

Работы Кулишера написаны хорошим языком, их интересно читать. Его наследие изучалось нашим коллегой Сергеем Михайловичем Виноградовым [2]. Его монография облегчает первоначальное знакомство с этим автором. Но творчество Кулишера, способное пролить свет на многие исторические ситуации, изучено не до конца и только еще ждет своих исследователей.

Литература

1. История экономических учений / В.В. Круглов, А.В. Лабудин, Г.В. Нинциева [и др.]. СПб.: СПбГЭУ, 2020. 163 с.

2. Виноградов С.М. Историко-экономические воззрения И.М. Кулишера. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2002. 133 с.
3. История экономических учений / Е.В. Балахонова, А.В. Лабудин, Э.Б. Корицкий [и др.]. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
4. Родионова Т.Н. Об истории рассмотрения социальных проблем в странах Западной Европы // Научно-технический вестник Санкт-Петербургского государственного института точной механики и оптики (технического университета). 2003. № 7. С. 131–133. EDN PADZAV.
5. Влияние характеристик реального сектора на формирование противоположных типов хозяйственных систем / Е.А. Боркова, А.Н. Гаврилов, Р.А. Гаврилова [и др.]. СПб.: СПбГУЭУ, 2022. 353 с.
6. Кулишер И.М. Эволюция прибыли с капитала в связи с развитием промышленности и торговли в Западной Европе. Т. 1. СПб., 1906.
7. Кулишер И.М. Эволюция прибыли с капитала в связи с развитием промышленности и торговли в Западной Европе. Т. 2. СПб., 1908.

УДК 330.1

Т.А. Селищева

*Санкт-Петербургский государственный
экономический университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация,
E-mail: selishcheva@list.ru*

ТЕНДЕНЦИЯ К РОСТУ ОРГАНИЧЕСКОГО СТРОЕНИЯ КАПИТАЛА В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Аннотация. В статье доказано, что открытое К. Марксом понятие «органическое строение капитала» применимо и к современной цифровой экономике. Показан рост технического и стоимостного строения капитала и как следствие этого – тенденция к росту органического строения капитала.

Ключевые слова: капитал, стоимостное строение капитала, техническое строение капитала, органическое строение капитала.

T.A. Selishcheva,

*Saint-Petersburg State University of Economics,
Saint-Petersburg, Russian Federation,
E-mail: selishcheva@list.ru*

THE TREND TOWARDS THE GROWTH OF THE ORGANIC STRUCTURE OF CAPITAL IN THE DIGITAL ECONOMY

Abstract. The article proves that the concept of "Organic structure of capital" discovered by K. Marx is also applicable to the modern digital economy. The growth of the technical

and value structure of capital and, as a consequence of this, the tendency towards the growth of the organic structure of capital are shown.

Keywords: capital, value structure of capital, technical structure of capital, organic structure of capital.

В современном научном мире не угасает интерес к экономическому учению К. Маркса и основным идеям его главного труда «Капитал». В Китае учение марксизма развивается учеными-теоретиками и активно поддерживается на государственном уровне. В России большой вклад в развитие теории современного марксизма внесли ученые Бузгалин А.В., Колганов А.И. и ряд других экономистов. Удивительнее всего, что неомарксизм в последние 30 лет после распада СССР наиболее быстрыми темпами развивается в Англии, США, Франции, Италии и ряде других западных стран, процветание которых зиждется на неэквивалентном взаимодействии с другими странами и неколониальных методах извлечения прибыли из стран глобального Юга. В статье уделено внимание исследованию сформулированного еще К. Марксом в «Капитале» закона роста органического строения капитала и показано, что он действует и в цифровой экономике.

В российской экономической литературе идет оживленная дискуссия об органическом строении капитала как исходном основании всеобщего закона капиталистического накопления: А.А. Голованов [5], И.А. Лунин [8], А.А. Румянцев [10] и др. Вместе с тем, некоторые российские экономисты полагают, что этот закон в условиях цифровой экономики не действует: В.А. Бирюков [1], Е.В. Красникова [7]. Китайский экономист-марксист Чен Эньфу, наоборот, доказывает, что платформенная экономика современного капитализма повышает скорость обращения капитала за счет роста транзакций информационных товаров, и как следствие происходит присвоение избыточной прибавочной стоимости собственниками платформ [11, с. 215–216].

В условиях информационной (цифровой) экономики существует мнение экономистов о том, что выявленная еще в XIX в. К. Марксом тенденция к росту органического строения капитала с развитием цифровой экономики набирает еще более высокие темпы [5; 9; 12]. Это происходит из-за быстрого роста технического строения промышленного капитала, который, помимо денежной, производительной и товарной форм в условиях информационной экономики, принимает также новую форму *цифрового капитала*. Технологический базис цифровой экономики становится более динамичным, что объясняется действием закона Мура, сформулированного им еще в 1965 г.: удвоение процессинговой мощности цифрового чипа происходит каждые полтора года [14, с. 114–117]. Интересна динамика роста производительности труда в мире в зависимости от применяемых новых технологий в разные исторические периоды введения технологических нововведений (таблица).

Рост производительности труда за счет технологических нововведений [13]

Период	Технологические нововведения	Рост производительности труда
1850–1910 гг.	Развитие машинного поточного производства	0,3%
1993–2004 гг.	Механизация и ранняя автоматизация производства	0,4%
1995–2005 гг.	Цифровые технологии	0,6%
2015–2065 гг.	Роботизация производства	0,8–1,4%

Как видно из таблицы, наибольший прирост производительности труда происходит при внедрении технологии 4-й промышленной революции – роботизации производства, которая осуществляется с использованием цифровых технологий и искусственного интеллекта.

Нидерландский ученый Ян ван Дейк выделил три основных элемента технологической составляющей информационной (цифровой) экономики: *техника* (компьютеры, передающие устройства, датчики, передающие устройства, серверы, камеры слежения), *инфраструктура* и *программное обеспечение* [15]. Этот ученый стоит на марксистских позициях, в 1984 г. защитил диссертацию на тему «Западный марксизм в социальных науках».

В ходе цифровизации предприятия традиционных индустриальных отраслей также постепенно превращаются в новый тип, в знаниеемкие производства, которые выводят экономику, по мнению российского экономиста С. Бодрунова и известных американских экономистов Р. Десаи и А. Фримана, на более совершенный технологический уровень. При этом растет число продуктов, в которых интеллектуальная («знаниевая») составляющая превалирует над материальной [2, с. 25–32]. Так, например, в iPhone 7 материальные затраты составляют только 22% [16]. Примерно такое соотношение материальной и интеллектуальной составляющих присутствует и в подавляющем большинстве индустриальных высокотехнологичных товаров. Для цифровых продуктов доля нематериальной составляющей гораздо выше.

Французский исследователь Алан Видо, критик теории марксизма, отмечает, что цифровая революция увеличила производительность труда в 3–10 раз в зависимости от сферы деятельности [4, с. 7]; цифровизация создает новые рабочие места, повышает производительность труда через цифровое обучение работников, т. е. растет техническое строение капитала. Рост производительности труда вследствие внедрения новых технологий способствует уменьшению доли необходимого продукта во вновь созданной стоимости и росту прибавочного, т. е. росту относительной прибавочной стоимости и, соответственно, росту накопления капитала. Особое внимание в настоящее время уделяется технологиям создания интеллекту-

альных машин, интеллектуальных компьютерных программ. На смену Интернету идет сеть Нейронет, которая предполагает появление гибридного интерфейса – соединение мозга человека и компьютера, представляющего собой систему передачи электрических импульсов от нервной системы человека к электронному устройству и обратно.

Подтверждением роста технического строения капитала в информационной экономике также являются такие косвенные данные: «масса, так называемой, “техносферы” по сравнению с доиндустриальной эпохой, когда она не превышала сотых долей грамма на квадратный метр суши, возросла к сегодняшнему времени до 50 кг/м² суши, что в 100000 раз больше, чем количество биомассы всего человечества» [2, с. 77–78]. Кроме того, в «знаниеинтенсивном производстве на единицу “старой” потребности существенно снижается расход материальных ресурсов, при сохранении/увеличении доли знаний в знаниеемком продукте» [2, с. 85].

Что касается стоимостного строения капитала, то можно утверждать, что оно также возрастает. Так, один инвестиционный проект при 5-м технологическом укладе включал в себя следующие параметры: капиталовложения свыше 1 млрд долл., трудоемкость 2 млн чел.-ч на проектирование, 15–25 млн чел.-ч на строительство и монтаж оборудования, длительность реализации 5–7 и более лет. По экспертным данным, для перехода к технологиям 6-го технологического уклада необходим объем инвестиций на порядок больше, чем требовалось для пятого технологического уклада [9, с. 17].

Американский неомарксист Кристиан Фукс в статье «Capitalism, Patriarchy, Slavery, and Racism in the Age of Digital Capitalism and Digital Labour» пишет о том, что в США на один оплачиваемый час рабочего времени приходится 5,8 ч неоплачиваемого труда, т. е. американский капитал платит лишь за один из семи рабочих часов [12, с. 677–702]. Следовательно, растет норма эксплуатации, прибавочная стоимость и, соответственно, та ее часть, которая идет на накопление капитала, т. е. стоимость постоянного капитала («С») имеет потенциальную возможность расти быстрее, чем переменного капитала («V»).

Таким образом, поскольку меняется техническое и стоимостное строение капитала, то в конечном итоге меняется и органическое его строение. При этом доля постоянного капитала в ходе научно-технического прогресса возрастает более быстрыми темпами, чем переменного. Это свидетельствует о том, что выведенный Марксом закон возрастания органического строения капитала действует и в цифровой экономике.

Статья выполнена в рамках инициативной НИР Санкт-Петербургского государственного экономического университета «Государство и рынок: евразийская доминанта развития в условиях формирования многополярного мира».

Литература

1. Бирюков В.А. Как использовать потенциал классической политэкономии капитализма в интересах современной России, или вариант реактуализации «Капитала» Маркса // Журнал экономической теории. 2013. № 2. С. 163–170.
2. Бодрунов С., Десаи Р., Фриман А. По ту сторону глобального кризиса: ноономика, креативность, геополитэкономия: монография. СПб: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2022. 368 с.
3. Бузгалин А., Булавка Л., Колганов А. Маркс online: Будущее марксизма и марксизм будущего. М.: ЛЕНАНД, 2020. 344 с.
4. Видо А. Цена социального мира. Либерализм и наемный труд – современная форма рабства? М.: Изд-во М-П, 2022. 279 с.
5. Голованов А.А. Органическое строение капитала: теория, анализ, практика // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 9-2. С. 132–141. – URL: <https://vaael.ru/ru/article/view?id=1850> (Дата обращения: 24.06.2024).
9. Красильников О.Ю., Хусейн О.Я. Изменение структуры рынка капитала в условиях становления цифровой экономики // Известия Саратовского университета. Серия. Экономика. Управление. Право. 2019. Вып. 4. С. 361–369.
10. Красникова Е.В. Современная эпоха как эпоха завершения истории капитализма. (Продолжение. Начало в № 6 (53) 2019 г.) // Горизонты экономики. 2020. № 1 (54). С. 10–18.
12. Лунин И.А. Изменения в органическом строении производственного капитала в условиях неоиндустриального развития российской экономики // Проблемы развития предприятий: теория и практика. 2020. № 1–2. С. 60–64.
14. Москвин В. На пути к шестому технологическому укладу // Инвестиции в России. 2003. № 1. С. 15–21.
15. Румянцев А.А. Органическое строение капитала: влияние технологического развития // Журнал экономической теории. 2020. Т. 17. № 1. С. 91–100.
16. Селищева Т.А. Цифровая трансформация промышленного капитала в информационной экономике // Проблемы современной экономики. 2024. № 2. С. 70–77.

УДК 330.3

В.А. Федотов

*Санкт-Петербургский государственный
университет промышленных технологий и дизайна
Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: fedotov.vladimir@yahoo.com*

СЛОЖНОСТЬ В ОПРЕДЕЛЕНИИ УРОВНЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. В статье рассмотрены основные подходы к определению уровня конкурентоспособности стран. На примере ряда показателей выявлены недостатки описываемых подходов и предложен альтернативный взгляд на процесс определения уровня конкурентоспособности.

Ключевые слова: конкурентоспособность, показатель конкурентоспособности, нематериальный капитал, национальная экономика, структура экономической системы.

V.A. Fedotov

*Saint Petersburg State University
of Industrial Technologies and Design
E-mail: fedotov.vladimir@yahoo.com*

DIFFICULTY IN DETERMINING THE LEVEL OF COMPETITIVENESS OF THE NATIONAL ECONOMY

Abstract. This article considers the main approaches to determine the level of competitiveness of countries. The shortcomings of the described approaches are identified by means of a number of indicators and an alternative view on the process of determining the level of competitiveness is proposed.

Keywords: competitiveness, index of competitiveness, intangible capital, national economy, structure of economic system.

Различные подходы к ранжированию национальных экономик позволяют экономическим агентам рассчитать рейтинги и оценки в области инвестирования, ожидания издержек, выявления устойчивых конкурентных преимуществ, оценить возможности освоения новых способов производства интересующих стран. В то же время данный подход скрывает в себе ряд сложностей, с которыми может столкнуться заинтересованное лицо при поиске лидеров в процессе конкурентного соревнования. Для формирования всестороннего подхода к определению уровня конкурентоспособности стран необходимо обратиться к этимологии и определению, которое дают отечественные и зарубежные экономисты.

Большинство подходов характеризуют конкурентоспособность национальной экономики как показатель, свойство, способность, критерий, т. е. с позиции возможного его практического использования. А.Л. Карпова, Н.В. Мухаровский, Н.И. Усик определяют конкурентоспособность как способность реализовывать товар на мировых рынках. М.И. Гельвановский характеризует конкурентоспособность как обладание свойствами. Р.А. Фатхудинов говорит о конкурентоспособности как о свойстве объектов [2; 3; 9; 11].

Зарубежные экономисты, трактуя конкурентоспособность национальной экономики, связывают данный показатель с международным разделением труда. Обобщение исследуемых подходов позволяет выделить два направления экономической мысли исследователей в области конкурентоспособности. Первое направление несет в себе развитие заложенных А. Смитом идей свободной конкуренции, дополненных впоследствии Д. Рикардо в теории сравнительных преимуществ, обновленной с разви-

тием торговых отношений теорией Хекшера–Олина и теорий П. Кругмана, объясняющей экспорт и импорт одних и тех же товаров между отраслями различных стран [5; 12]. Исследуемый подход утверждает, что страны при импорте благ должны специализироваться на наборе таких товаров, которые обеспечивают наименьшие издержки с учетом имеющихся факторов производства.

Второе направление основано на теории конкурентных преимуществ М. Портера. В отличие от идей Д. Рикардо, он утверждает, что для повышения уровня конкурентоспособности не важна фактическая доступность факторов производства, а снижение издержек достигается созданием условий повышения производительности труда, основанном на внедрении технологических инноваций и модернизации промышленного производства [6]. Автором была предложена модель «ромба конкурентоспособности» М. Портера, концепция которого в последствии была развита работами Мун, Ругман и Вербке и Донг-Сунг Чо. Предложенная девятифакторная модель Донг-Сунг Чо существенно отличается от первоначального подхода и включает физические и человеческие факторы [14].

В работах западных экономистов конкурентоспособность применяется для характеристики экономических отношений, возникающих в процессе экспортно-импортных отношений между странами. У данного подхода есть следующие недостатки.

1. Основываясь на национальной принадлежности, государственные структуры будут отдавать предпочтение отечественному производителю, что мешает конкурентному процессу.

2. Транснациональные корпорации размещают производственные филиалы во многих странах, что усложняет процесс определения конкурентоспособности страны.

3. Современное достижение логистических цепочек позволяет снизить издержки от транспортировки ключевых ресурсов, необходимы для производства конкурентного товара.

Конкурентоспособность как форма выражения соперничества между экономическими субъектами имеет место только там, где есть конкурентный процесс. Мы не можем дать определение конкурентоспособности в отрыве от конкуренции, так как эволюционное развитие конкуренции несет в себе изменение конкурентоспособности от простых форм к более сложным.

В зависимости от подхода к исследованию природы конкуренции различные экономические школы по-разному трактуют данное понятие. Единственное в чем нет различий у представителей классической, неоклассической, марксистской, шumpетерианской, неоавстрийской школ, – это то, что конкуренция – это соперничество. Ю.В. Тарануха определяет содержание данного соперничества как стремление к завоеванию превосходства [8].

И если бессознательное соперничество характеризуется необходимостью приспособления к условиям окружающей среды, то сознательное соперничество – это возникновение конфликта интересов для достижения поставленной цели. Причина возникновения такой конкуренции – не редкость ресурсов, с чем традиционно связывают ее природу, а антагонизм материальных интересов. В свете данного подхода по-другому предстает проблема редкости ресурсов, которая приобретает свой смысл только в том случае, когда кто-либо ограничивает доступ к ним.

Конкурентоспособность в этом смысле требуется определять как «способность» национальной экономики преодолевать разрыв между намерением и достигнутым результатом. Данная характеристика должна отражать не процесс борьбы за редкое благо, а стремление конкурентов к завоеванию превосходства над соперниками посредством ограничения их возможности. По этой причине конкурентоспособность не может отражать эффективность национальной экономики, выраженную в наборе показателей, достигнутых за выбранный период времени. Данный подход позволяет оценить успешность экономики в данный конкретный период времени, но никоим образом не дает объективную оценку способности конкурентов ограничить доступ к ресурсу для достижения собственной цели.

Сложность оценки возможностей национальной экономики связана с недостатком информации при предоставлении набора макроэкономических показателей в синтезе с мнениями экспертов, определяющих потенциал экономической системы в достижении поставленной цели.

Наиболее часто встречаются рейтинги конкурентоспособности, основанные на макроэкономических показателях, приведенные к единой валюте и включающие мнения экспертов в различных областях экономики. Подобный подход позволяет привести результаты к единому стоимостному показателю, помноженному на коэффициент благоприятного развития приоритетных отраслей экономических систем, выявить сильные и слабые стороны стран участниц мировой торговли и указать на лидеров в процессе обмена товарами.

Наиболее распространенным и используемым в экономических кругах является показатель «глобальной конкурентоспособности», публикуемый на базе площадки Всемирного экономического форума (ВЭФ). Доклад имеет огромную накопленную фактологическую базу, широкий спектр анализируемых показателей и учитывает мнение локального экспертного сообщества [17].

Метод подсчета заключается в агрегировании данных 114 показателей, которые объединены в 12 блоков, характеризующих успешное развитие страны в мировой экономической системе. Результаты вычислений представляют собой последовательное суммирование баллов, распределен-

ных по уровням приоритета. На каждом уровне агрегированный показатель рассчитывается как среднее по формуле в пределах приоритетных оценок.

$$SCORE_{i,c} = \frac{(VALUE_{i,c} - WPI)}{(FRONTIER_i - WPI)} * 100$$

где $VALUE_{i,c}$ – исходное значение;
 $FRONTIER_i$ – наилучший возможный результат;
 WPI – наихудший показатель.

В результате агрегирования полученных средних баллов по направлениям институционального развития, инфраструктуры, макроэкономической стабильности, качества образования и здоровья населения, уровня среднего и высшего образования, эффективности товарных рынков, эффективности рынка труда, степень развития финансовых рынков, технологическая готовность, размер рынка, совершенствования рынка и инновации мы получаем итоговый бал, отражающий изменения позиций страны в процессе конкурентного соревнования. Показатель глобальной конкурентоспособности не обновлялся с 2020 г.

Отличный подход к определению конкурентоспособности у Международного института развития менеджмента. В отчете IMD World Competitiveness Yearbook за 2023 г. указано, что данный показатель анализирует способность стран создавать среду, поддерживающую конкурентоспособность предприятий [15]. Далее авторы отчета поясняют, что создание богатства происходит в основном на уровне предприятий, однако в связи с тем, что они находятся в национальных условиях, которые повышают или снижают их конкурентоспособность на внутреннем или международном рынке, поэтому рейтинг называется «конкурентоспособность стран».

В связи с этим виден ряд отличий между уже описанным ранее показателем «глобальной конкурентоспособности» и «конкурентоспособностью стран». Последний делает больший акцент на данные от производителей реального сектора экономики, но при этом учитывает влияние способа государственного управления, инфраструктуру и качество бизнес-среды. Количество критериев, ранжирующих участников в таблице конкурентоспособности, более чем в 2 раза больше у показателя «конкурентоспособности стран». Общее число составляет 256 критериев, из которых 164 критерия получены из статистических данных и 92 критерия от экспертов. Путем расчетов они образуют 20 факторов, имеющих равный вес в составлении общей оценки конкурентоспособности. Таким образом, ни один из критериев не может быть решающим, так как ограничен своей долей в составе 20 факторов, определяющих итоговый показатель.

Помимо уже перечисленных рейтингов конкурентоспособности, существует ряд показателей от зарубежных научно-исследовательских институтов и коммерческих организаций, пользующихся определенным весом у экспертов, и применяются для обоснования позиций по проблематике исследуемых стран. Например, к таким показателям необходимо отнести «рейтинг сложности продукта», рейтинг Всемирного банка «Doing Business», «Инновационный индекс Блумберг», «Индекс готовности к сетевому обществу», «По уровню развития электронного правительства» (ООН), «Рейтинг мировой цифровой конкурентоспособности».

Набор предложенных показателей не указывает на цель развития национальной экономики, что является главным недостатком описываемых рейтингов. Предложенные оценки фиксируют успех стран – участниц конкурентного соревнования, достигнутый в области развития рыночных показателей, но не отражают разрыв между вектором экономического развития и результатом, которого удалось достигнуть благодаря структурным преобразованиям.

Вторым существенным недостатком перечисленных оценок конкурентоспособности заключается в сложности определения экономического потенциала, заключенного не в объеме экспорта национальной экономики или размере инвестиций в человеческий капитал, а позволяющий определить способность национальной экономики ограничить возможность соперников к получению редкого блага и завоеванию превосходства посредством ограничения их возможностей.

С целью получения всесторонней оценки конкурентоспособности национальной экономики предлагаемый нами способ должен отвечать следующим условиям.

Количество показателей, формирующих итоговую оценку конкурентоспособности, не должно быть многочисленным, так как усложняет сбор необходимой информации.

Итоговый показатель должен отражать потенциал и возможность национальной экономики в достижении цели по ограничению доступа соперников к получению редкого блага.

Применение данного показателя должно учитывать многоуровневый подход к определению конкурентоспособности.

Для определения экономического потенциала и выявления ресурсов, необходимых для достижения цели, требуется рассматривать не коэффициенты, а структуру национальной экономики, что позволяет определить наличие ресурсной базы, которая необходима для формирования потенциала, и успех в достижении цели.

Исследования в области общественного производства имеют единство в подходе структурирования экономики в части необходимости разделения

материального сектора и сектора услуг. В 30-х гг. XX в. А. Фишером и К. Кларком была предложена структура экономики, включающая три сектора: а) первичный сектор связан с производством и добычей полезных ископаемых; б) вторичный сектор включает отрасли обрабатывающей промышленности; в) третичный сектор включает сектор услуг. Д. Белл и М. Кастельс выделяют пятиступенчатую сферу общественного производства [1; 4]. В первичный сектор включены сырьевые отрасли экономики. Вторичный сектор объединяет отрасль обрабатывающих производств и всю промышленность, связанную с обработкой продукции первичного сектора. Третичной отраслью является сфера услуг, связанная с процессом производства и обслуживания коммунального хозяйства. Четверичные отрасли относятся к сфере торговли, информационному и финансовому обеспечению, а пятеричный сектор занимается обслуживанием человеческих потребностей.

Среди отечественных ученых распределить структуру экономики на четыре сектора предложил Ю.В. Яковец [13]. Им были включены потребительский сектор, инновационно-инвестиционный сектор, энерго-сырьевой сектор, сектор инфраструктуры. Различные подходы к структурированию общественного производства позволяют выявить общие закономерности: 1) в различные группы формируются отрасли, участвующие в добыче ресурсов и производстве простейших предметов потребления; 2) выделяются отрасли, участвующие в производстве услуг, в том числе финансовый сектор; отрасли обрабатывающих производств и связанные с ним работы и услуги.

Наиболее сложным в подсчете и определении ресурсной базы, необходимой для определения показателя конкурентоспособности национальной экономики, является обособление сектора услуг в предложенных категориях структурирования экономической системы. Данная сложность выражена особенностями расчета, так как основой данного сектора и средством приращение его богатства является нематериальный капитал. Наиболее известными нематериальными капиталами, о которых было написано наибольшее количество статей и монографий являются человеческий, социальный и интеллектуальный. Помимо данных капиталов, также в научной литературе встречаются – капитал знаний, гражданственности, духовности, инновационный, креативный, когнитивный, культурный, личный, нравственный, организационный, политический, религиозный, репутационный, эмоциональный, этический и др.

Сложность в определении объемов нематериального капитала заключается в расчете количественной составляющей, а также его влиянии на национальную экономику. Всемирный банк подготовил четыре доклада о богатстве стран мира, где роль нематериального капитала постоянно корректировалась. В 2000 г. доля нематериального капитала составляла 78% от всего богатства страны, в 2011 г. доля нематериального капитала варьируется в зависимости

от уровня душевого дохода, но в среднем по миру в целом осталась на прежнем уровне – 76 и 77%. Страны с Норвегия и Япония в данном отчете получили меньшую долю нематериального капитала из-за большего вклада материального производства. Данная особенность вызвала курьезные показатели для Гаити и Ганы, где нематериальный капитал составил показатель более 80% в богатстве страны [7].

Несмотря на сложности при определении структуры экономической системы существуют пути решения данной проблемы, позволяющие построить модель, отражающую конкурентоспособность национальной экономики. Мы не можем исключать неоспоримое влияние сектора услуг на функционирование экономической системы, но в связи со сложностями при вычислении в силу неосязаемого или составного характера разновидностей нематериального капитала их исчисление крайне затруднительно и не позволяет объективно отразить конкурентоспособность национальной экономики.

В связи с этим наилучшим подходом при формировании экономической структуры для определения уровня конкурентоспособности системы считаем модель только производственного сектора, которая включает в себя производительные и потребительные силы как первопричины возникновения характеристик экономики. Под понятием «ресурс» в определении конкурентоспособности экономики мы понимаем наличие возможности получить и произвести сырье и материалы, необходимые для создания новых благ. А определение цели национальной экономики обусловлено особенностью рыночного состязания, суть которого сводится к способности выживания и развития, а конкуренция является следствием присутствия других национальных экономик. Таким образом, целью национальной экономики является производство таких благ, которые будут ограничивать соперников в их стремлении к достижению превосходства, что является свойством производства инновационных товаров, способных своими улучшенными свойствами достигать поставленных задач в более кратчайшие сроки и с наилучшим результатом, по сравнению с его аналогами. Она отличается от ранее предложенных тем, что позволяет напрямую связать объективные параметры производства с типом хозяйственной системы.

Предлагаемый подход позволяет решить сложности в определении конкурентоспособности стран и подобрать ограниченный набор показателей, способных дать альтернативный взгляд на уровни конкурентоспособности стран, основанный на структуре и производственной базе сектора реальной экономики.

Литература

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социалистического прогнозирования: пер. с англ. М.: Академия, 1999. 786 с.
2. Гельвановский М., Жуковская В., Трофимова И. Конкурентоспособность в микро-, мезо- и макроуровневом измерениях // Российский экономический журнал. 1998. № 3. С. 34–45.

3. Карпов А.Л. Конкурентоспособность: тактика и стратегия промышленного предприятия. Омск: ОмГУ, 2009. 180 с.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общества и культура. М.: ГУВШЭ, 2000. 608 с.
5. Кругман П., Обстфельд М. Международная экономика. Теория и практика. М., 2003. 830 с.
6. Портер М. Международная конкуренция: конкурентные преимущества стран. М.: Альпина Паблишер, 1993. 182 с.
7. Студенцов В. Нематериальные капиталы: их природа, значимость и измерение // Экономист. 2024. № 6.
8. Тарануха Ю.В. Конкуренция и конкурентоспособность. М.: Русайнс, 2015. 335 с.
9. Усик Н.И. Конкурентоспособность как результат управления модифицированными конкурентными преимуществами в глобальной экономике // Проблемы современной экономики. 2007. № 2. С. 96–99.
10. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. 180 000 слов и словосочетаний. М.: Альфа-Принт: ДОМ. XXI век, 2009. VIII. 1239 с.
11. Фатхудинов Р.А. Производственный менеджмент. М.: ЗАО «Бизнесшкола «Интел-Синтез»», 2000. 680 с.
12. Шкиотов С.В. Мировая экономика и международные отношения (ч. 1): учебное пособие. Ярославль: Изд. дом ЯГТУ, 2014. 204 с.
13. Яковец Ю.В. К новой структуре экономики России. М.: АНХ, 1993. 109 с.
14. Cho Dong-Sung, Moon Hwu-Chang. From Adam Smith to Michael Porter. Evolution of competitiveness theory. URL: <http://ebooks.worldscinet.com/ISBN/9789812385222/toc.shtml> (Дата обращения: 12.09.2024).
15. IMD WORLD COMPETITIVENESS BOOKLET. 2023. 38 p.
16. Smith A. The Essential Adam Smith. – WW Norton & Company, 1987.
17. The Global Competitiveness Report Special Edition 2020: How Countries are Performing on the Road to Recovery. 63 p.

УДК 330.342

Г.Ф. Фейгин

*Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: fgrig@list.ru*

ЭКОНОМИКА РОССИИ: ПОИСК МЕСТА В СИСТЕМЕ МИРОХОЗЯЙСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация. Статья посвящена проблеме поиска места экономики России в системе мирохозяйственных связей в условиях глобальной нестабильности. Проведен

краткий обзор этапов развития внешнеэкономической политики России: от эпохи существования СССР и до настоящего времени. Отмечается, что современные беспрецедентные санкции являются внешним шоком, который может быть предпосылкой для диверсификации структуры российской внешней торговли.

Ключевые слова: хозяйственная система, мирохозяйственные связи, экономика России, внешняя торговля, торговые санкции.

G.F. Feigin

St. Petersburg State University of Economics,

St. Petersburg, Russian Federation

E-mail: fgrig@list.ru

THE ECONOMY OF RUSSIA: THE SEARCH FOR A PLACE IN THE SYSTEM OF WORLD ECONOMIC RELATIONS AT THE PRESENT STAGE

Abstract: The article is devoted to the problem of finding the place of the Russian economy in the system of world economic relations in conditions of global instability. A brief review of the stages of development of Russia's foreign economic policy is conducted: from the era of the USSR to the present. It is noted that modern unprecedented sanctions are an external shock, which may be a prerequisite for diversifying the structure of Russian foreign trade.

Keywords: economic system, world economic relations, Russian economy, foreign trade, trade sanctions.

Один из важнейших аспектов в развитии современной национальной экономики связан с ее положением в системе мирохозяйственных связей. Любая современная национальная экономика является открытой и играет определенную роль в международном разделении труда. Фактически эта роль определяется двумя основными факторами. Первый фактор имеет рыночную природу. Современную глобальную хозяйственную систему (с известной степенью условности) можно представлять как мировой рынок. Поэтому роль страны в международном разделении труда определяется ее глобальной конкурентоспособностью. Речь идет о возможности производить и продавать товары, которые будут пользоваться спросом за пределами страны. Важный момент в данном контексте связан с наличием природных ресурсов. Некоторые страны, на территории которых не расположены конкурентоспособные производства, участвуют в международном разделении труда путем экспорта природных ресурсов. Современная практика показывает, что ни одна современная национальная экономика не может быть самодостаточной. Более того, крупнейшие экспортеры одновременно являются и крупнейшими импортерами. Данный феномен можно объяснять и интерпретировать по-разному. Во-первых, экспорт позволяет

стране зарабатывать определенный доход, который затем расходуется на приобретение импортных товаров. Во-вторых, примечателен и тот факт, что даже страны, являющиеся крупнейшими экспортерами (США и Китай), несмотря на большие размеры собственной экономики и конкурентоспособность национального производства, постоянно нуждаются в конечных товарах или ресурсах, которые они приобретают за рубежом [1].

Второй фактор связан с экономической политикой страны и ее «соседей». Определяя приоритеты внешней экономической политики, национальная экономика зачастую ориентируется на стратегически важные для себя отрасли и стремится максимально использовать свои глобальные конкурентные преимущества. Кроме того, другие страны также проводят свою внешнеэкономическую политику, которая оказывает влияние не только на ситуацию внутри соответствующих национальных экономик, но и на внешний мир. На современном этапе во внешнеэкономической политике ряда стран, прежде всего, стран Запада, большую роль играет санкционная составляющая. На протяжении длительного времени в социально-экономической литературе большую популярность имел термин «глобализация». Существенной формой проявления глобализации признавался рост объемов экспортно-импортных операций. Фактически речь идет об усилении взаимопереплетения национальных экономик, связанного с более высокими темпами роста объемов экспортно-импортных операций, по сравнению с ростом ВВП. Здесь можно отметить и определенное противоречие глобализации. С одной стороны, глобализация подрывала суверенитет национальных экономик. С другой стороны, глобализация (во всех известных формах ее проявления) предполагала сохранение национальных экономических институтов и безусловное распространение их полномочий в рамках соответствующих государственных границ. Любая «связывающая» роль наднациональных экономических институтов была относительной. В любой момент независимое государство имеет возможность выйти из соответствующего регионального блока или институционального объединения. Ярким примером является выход Великобритании из Европейского союза. Значимость данного примера обусловлена тем фактом, что с 1973 года Великобритания была членом Европейского экономического сообщества, а затем как член ЕЭС «автоматически» вошла в Евросоюз и на протяжении довольно длительного времени играла важную роль как член Европейского союза. Фактически выход Великобритании из ЕС означает пересмотр представлений о национальных экономических интересах на определенном историческом этапе. В настоящее время вновь возрастает роль именно национальных экономических интересов, так что популярность термина «глобализация» в последние годы несколько снизилась. Отдельные государства не только возвращаются к усилению протекционистской направленности

во внешнеэкономической политике, но и вводят экономические санкции в отношении других государств. Тем самым они стремятся добиться от других государств желательной с их точки зрения политики.

В экономике России проблема поиска места в системе мирохозяйственных связей стоит на повестке дня уже на протяжении многих десятилетий. В период существования плановой экономики СССР имела место государственная монополия на внешнюю торговлю [2]. Все решения об экспортно-импортных операциях принимались централизованно. Целевые ориентиры заключались здесь в том, чтобы, с одной стороны, удовлетворить определенные потребности в товарах потребительского и производственного назначения, а с другой – не создать при этом конкуренцию для отечественных производителей. При этом не следует забывать о том, что сразу после Второй мировой войны образовалась мировая система социализма. Между бывшими социалистическими странами существовала тесная экономическая интеграция. Поэтому международная торговля СССР в значительной мере была частью данной кооперации и в значительной мере была направлена на поддержку других членов мировой социалистической системы. Не случайно около 60% объемов экспортно-импортных операций СССР вплоть до середины 1980-х годов приходилось на торговлю с бывшими социалистическими странами. Что касается развитых индустриальных стран, то их доля в объеме внешней торговли СССР колебалась в диапазоне от 20 до 30% [3]. С 1970-х годов в структуре торгового оборота между СССР и развитыми странами все большее значение приобретали экспорт сырья и ресурсов и импорт определенных стратегически важных продуктов (зерна, отдельных видов промышленного оборудования и т.д.). При этом импорт ряда потребительских товаров (транспортных средств, бытовой техники и т.д.) в СССР из развитых стран был существенно ограничен в рамках государственной монополии на международную торговлю.

В 1990-е годы в рамках рыночных реформ государственная монополия на внешнюю торговлю была ликвидирована. После этого экспортно-импортные операции в значительной мере стали осуществляться в соответствии с мировым спросом и по ценам, установившимся на международных рынках. Соответственно, региональная структура российской внешней торговли существенно изменилась. Доля бывших социалистических стран во внешнеторговом обороте России существенно сократилась. Основными торговыми партнерами России стали развитые индустриальные страны, прежде всего страны ЕС. Наряду с географической близостью активные торговые связи России со странами ЕС с начала 1990-х годов и на протяжении довольно длительного периода времени в значительной мере объяснялись и действием чисто рыночных факторов. В странах ЕС существовал значительный спрос на российские сырьевые (прежде всего, нефтегазовые)

ресурсы, в то время как в Россию из стран ЕС поступали значительные объемы потребительских товаров. Воспроизводство такого рода торговых взаимоотношений из года в год привело к тому, что российская экономика фактически оказалась на «нефтяной игле». С начала 2000-х годов цены на нефть росли и это позволяло России извлекать довольно существенные сырьевые доходы. Эти доходы частично направлялись на приобретение потребительских товаров.

Временное падение цен на нефть в 2008 и в 2014–2015 годах ситуацию принципиально не изменило. Во многих исследованиях звучали призывы обеспечить диверсификацию экономики и, таким образом, слезть с «нефтяной иглы». Однако в течение довольно длительного времени эти призывы практически оставались декларацией. Регулярное извлечение сырьевых доходов порождало феномен «рентоориентированного поведения», т. е. фактически приводили к обогащению российской элиты. Кроме того, сырьевые доходы способствовали определенному повышению жизненного уровня российского населения в целом и порождали известную инерционность российской экономической политики. Никаких серьезных мер, направленных на диверсификацию структуры российской внешней торговли, на протяжении длительного периода времени не принималось. Сложилась ситуация, при которой российской экономике была нужна некая «встряска» в форме внешнего шока для реального изменения приоритетов экономической политики России.

И таким шоком стала санкционная политика стран Запада в отношении России [5]. С февраля 2022 года санкционные меры затрагивают и торговые связи. В данном случае основные цели стран Запада заключаются в том, чтобы, с одной стороны, добиться независимости от российской экономики, а с другой – «изолировать» российскую экономику от внешнего мира. Ряд санкций носили чисто торговый характер, речь шла о частичном отказе от экспорта российского сырья и о частичном запрете на экспорт товаров в Россию. Фактически впервые со времен существования СССР в процесс регулирования внешнеторговых операций России серьезно вмешались «нерыночные» факторы. Однако их природа на данном этапе является абсолютно «противоположной». В условиях плановой экономики все ограничения носили внутренний характер, т. е. определялись собственными приоритетами внешнеэкономической политики. Теперь все ограничения иницируются «извне». Однако и этот внешний шок так или иначе подталкивает российскую экономику к пересмотру своего места в системе мирохозяйственных связей.

И здесь можно выделить два основных направления. Во-первых, необходимо добиваться определенной устойчивости экономики по отношению к «внешним шокам». В частности, в качестве одного из инструментов

можно рассматривать импортозамещение. Организация производства внутри страны предполагает известную независимость от внешних санкционных ограничений и как следствие повышает устойчивость страны в условиях глобальной нестабильности. Однако при всей важности импортозамещения возможности применения данного инструмента представляются ограниченными. Как уже отмечалось, современные национальные экономики не являются «самодостаточными», они не могут обойтись без импортирования товаров и услуг. Во-вторых, введение беспрецедентных санкций дает некий новый шанс для экономики России найти достойное место в системе мирохозяйственных связей. Сложившаяся в 1990-е и 2000-е годы структура внешней торговли России была ориентирована на постоянное воспроизводство сырьевой модели экономического развития. Преобладание в региональной структуре внешней торговли развитых стран практически полностью исключало возможность диверсификации российской внешней торговли, так как российская продукция обрабатывающей промышленности в силу недостаточной конкурентоспособности в подавляющем большинстве случаев не могла быть реализована на рынках развитых стран. В новой ситуации российская экономика может развивать торговые отношения с не относящимися к «золотому миллиарду» странами на новых принципах и делать определенные шаги в направлении диверсификации отраслевой структуры и перехода к инновационной модели роста.

Фактически динамика российской внешней торговли после введения беспрецедентных антироссийских санкций в 2022 году не позволяет сделать какие-либо однозначные выводы. В 2019 году торговый оборот России составил 666,6 млрд долларов, в 2020 – 567,2 млрд долларов, в 2021 – 785 млрд долларов, в 2022 году – 850,5 млрд долларов, в 2023 году – 710,2 млрд долларов. Тем самым имеют место определенные колебания внешнеторговых оборотов. Спад в 2020 году был обусловлен кризисными явлениями во всем мире в период пандемии COVID-19. Быстрое восстановление мировой экономики в 2021 году позитивно сказалось на российском внешнеторговом обороте. В 2022 году происходили противоречивые явления. С одной стороны, западные страны начали ограничивать свои торговые связи Россией, но не могли полностью отказаться от российских нефтегазовых ресурсов. При этом цены на нефть в 2022 году росли, и это позитивно сказалось на российском внешнеторговом обороте, прежде всего на его экспортной составляющей. Импорт России сократился в 2022 году, по сравнению с 2021 годом, однако за счет экспорта общий внешнеторговый оборот России в 2022 году еще продолжил расти. Ситуация изменилась в 2023 году. Цены на нефть начали падать. Это привело к существенному сокращению российского экспорта. Несмотря на некоторый рост объемов российского импорта, внешнеторговый оборот России в целом довольно

существенно сократился. В условиях санкций страновая структура российской внешней торговли меняется довольно существенно. Жесткие антироссийские санкции привели к сокращению взаимной торговли между Россией и странами Европы. Так, экспорт России в страны Европы в 2023 году сократился, по сравнению с 2022 годом, на 68% и составил 85 млрд долларов, импорт сократился на 12,3% и составил 78,5 млрд долларов. Также сократился торговый оборот между Россией и странами Северной и Южной Америки. Здесь сокращение составило 40% по экспорту и 11% по импорту. Напротив, возрос торговый оборот со странами Азии – на 5,6% вырос экспорт и на 29,2% импорт. В целом Азиатский регион является важнейшим торговым партнером России. В 2023 году на страны Азии приходилось 494 млрд долларов, в то время как на страны Европы – только 163,4 млрд долл. В 2013 году около половины российского торгового оборота приходилось на страны ЕС, в 2023 году – не более 20%.

Несмотря на существенные изменения в страновой структуре российской внешней торговли, ее отраслевая структура пока не свидетельствует об отказе от сырьевой модели развития. Доля минеральных продуктов в структуре российского экспорта (несмотря на определенное сокращение в 2023 году, по сравнению с 2022 годом) по-прежнему превышает 60%. Напротив, доля сельскохозяйственной продукции при ее постоянном росте из года в год едва превысила 10%. Что касается импорта, то здесь по-прежнему преобладают машины, оборудование и транспортные средства (более 51%), а также продукция химической промышленности (более 19%) [4].

Таким образом, уже сегодня совершенно очевидно, что планы Запада по изоляции экономики России оказались несостоятельными. Торговый оборот между Россией и странами Запада действительно сокращается, но он активно замещается активным развитием торговли с другими странами (прежде всего, в Азиатском регионе). Внешнеторговые санкции не привели образованию в России какого-либо явного дефицита товаров или услуг. Более того, экономический рост в 2023 году составил более 3%. Тем самым, складывающаяся структура внешнеторгового оборота России создает определенные предпосылки для дальнейшего роста ВВП. Однако говорить о переходе к инновационной модели развития еще явна преждевременно. Развитие торговых связей со странами Азии и Африки предполагает наличие некоторого потенциала для диверсификации структуры российской внешней торговли. Тем не менее, вплоть до настоящего времени этот потенциал еще до конца не использован. Вероятно, на это обстоятельство следует обратить внимание в ближайшем будущем при определении приоритетов экономической политики России.

Статья выполнена в рамках инициативной НИР Санкт-Петербургского государственного экономического университета «Государство и рынок: евразийская доминанта развития в условиях формирования многополярного мира».

Литература

1. R. Adkisson The Economy as an Open System: An Institutionalist Framework for Economic Development // T. Natarajan, W. Eisner, S. Fullwiler (Ed.) Institutional Analyses an Praxis: The Social Fabric Matrix Approach, Springer, 2009. P. 25–38.
2. Ваганов Б.П. Внешняя торговля социалистических стран. Вопросы теории. М.: Международные отношения, 1966. 253 с.
3. Внешняя торговля СССР в 1980: Статистический сборник. М.: Финансы и статистика, 1980. 279 с.
4. ТАСС. Сальдо внешней торговли России сократилось в 2023 году в 2,4 раза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/19960477> (Дата обращения: 01.07.2024).
5. Ушкалова Д. Внешняя торговля России в условиях санкционного давления // Журнал НЭА. 2022. № 3. С. 218–224.

ГЛАВА 2. ТЕОРИЯ РАЗВИТИЯ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СИСТЕМ ЕВРАЗИЙСКОГО ТИПА

УДК 332.05

М.А. Зубатов

*Санкт-Петербургский университет технологий
управления и экономики*

Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: moysha888@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ УСТОЙЧИВОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ (НА ПРИМЕРЕ РЫНКОВ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ)

Аннотация. Политико-экономическая турбулентность, с которой столкнулась Россия в последние годы, вызвана двумя последовательными макрошоками. Сначала это была пандемия Covid-19 (2020 год), затем – беспрецедентные экономические санкции (2022 год). Эта турбулентность негативно сказывается на устойчивости региональных социально-экономических систем Российской Федерации. В исследовании рассмотрено это влияние на примере региональных рынков медицинских услуг; даны рекомендации по повышению их устойчивости при развитии в современных условиях хозяйствования.

Ключевые слова: рынок услуг, медицинские услуги, региональная экономика, устойчивость экономики, социально-экономическая система.

М.А. Zubatov

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

St. Petersburg, Russian Federation

E-mail: moysha888@mail.ru

PROBLEMS OF SUSTAINABILITY OF REGIONAL SOCIO-ECONOMIC SYSTEMS (ON THE EXAMPLE OF MEDICAL SERVICES MARKETS)

Abstract: The political and economic turbulence that Russia has faced in recent years is caused by two successive macroshocks. First it was the Covid-19 pandemic (2020), then unprecedented economic sanctions (2022). This turbulence negatively affects the stability of regional socio-economic systems of the Russian Federation. The study examines this impact using the example of regional markets for medical services; Recommendations were given to increase their sustainability during development in modern economic conditions.

Keywords: services market, medical services, regional economy, economic sustainability, socio-economic system.

Высокая турбулентность российской экономики, порожденная в последние годы сначала пандемией Covid-19, а затем обострением военно-политического противостояния России и «коллективного Запада», негативно сказывается на перспективах дальнейшего устойчивого развития социально-экономической системы [1]. Несмотря на то, что общее падение ВВП России по итогам 2022 года было сравнительно небольшим, сопоставимым, по оценкам Росстата, Минэкономразвития России и Банка России, со снижением ВВП по итогам пандемийного 2020 года, это не должно успокаивать. Это связано с тем, что в экономике страны происходят структурные изменения [2], направленность которых не всегда может быть признана благоприятной, что является типичным для кризисных ситуаций в экономике [3].

К сожалению, вызванный санкциями макроэкономический шок [4] пока что не привел к активизации структурных изменений в российской экономике [5]. Это означает, что сохраняется негативный потенциал ее прогрессирующего замедления в постшоковый период вследствие накопления влияния антироссийских санкций. И даже показанный в 2023 году восстановительный рост не должен успокаивать, так как он проявился в целом. При этом, ряд регионов и отраслей по-прежнему стагнируют. Вероятность негативного развития событий усиливается из-за предстоящих значительных расходов на продолжение ведения специальной военной операции и восстановление разрушенной военными действиями инфраструктуры регионов юго-запада европейской части страны (в том числе не только в «новых» регионах, но и в «старых» – в Белгородской, Курской областях и др.).

Высказываемое нами беспокойство не является беспочвенным. Так, например, «по предварительным данным Минфина РФ, [федеральный бюджет за первый квартал 2023 года] был исполнен с дефицитом 2,4 трлн рублей... [При этом], в целом на год запланирован дефицит в размере около 2,9 трлн рублей. Доходы бюджета в первом квартале составили 5,677 трлн рублей, что на 21% ниже объема поступления доходов в первом квартале 2022 года – это связано с сокращением нефтегазовых доходов» (цит. по: <https://www.interfax.ru/business/894964>). Это свидетельствует о том, что, несмотря на положительные тенденции в преодолении санкционного макрошока, проблемы в экономике сохраняются, и они являются достаточно существенными.

В этих условиях требуется, по нашему мнению, проведение целенаправленной работы как органов публичной власти, так и бизнеса по сохранению устойчивости российской экономики и ее отдельных сегментов, в том числе отраслевых и региональных. Опыт такой работы был получен в периоды макроэкономических шоков 2020 и 2022 гг., сегодня надо его использовать с учетом вновь складывающейся ситуации.

Предметом нашего анализа в данном исследовании являются региональные рынки медицинских услуг и перспективы их развития в условиях современной политико-экономической турбулентности, складывающейся в экономике [6, 7]. Важность изучения этих вопросов определяется тем, что от состояния и перспектив развития указанных рынков во многом зависит благосостояние россиян [8, 9]. Анализ региональных рынков медицинских услуг показывает, что в ситуации роста экономической неопределенности, вызванной санкционным давлением на Россию, они сталкиваются с рядом проблем, в частности:

1) возникают сложности с поставками расходных материалов медицинского назначения, а также различных медицинских изделий. Формально говоря, эти поставки не находятся под санкционными ограничениями, но это только сегодня. Наблюдается тенденция последовательного ужесточения антироссийских санкций. Распространение их на медицинскую область по гуманитарным соображениям недопустимо, но, с учетом позиций правительств недружественных стран, высоковероятно. Кроме того, высока вероятность инициирования различного рода технических ограничений и ограничений административного характера, которые существенно затруднят импорт указанных товаров в Россию из-за искусственно создаваемых разрывов в логистических цепочках;

2) российские производители и эксплуатанты медицинского оборудования (а также организации, осуществляющие его ремонт и модернизацию), особенно высокотехнологичного, сталкиваются с блокированием поставок необходимых товарных номенклатур из-за рубежа. Это связано с тем, что многие эти номенклатуры, особенно продукция микро- и радиоэлектронной промышленности, приборы, прецизионное электрооборудование, компьютерная техника и т.д., формально говоря, могут быть отнесены к продукции двойного назначения, что накладывает на ее экспорт в Россию санкционные ограничения. При этом, замена этих высокотехнологичных изделий на аналоги, например из Китая, затруднена, так как аналогия здесь не полная, прямая замена компонентов на функциональные аналоги затруднительна;

3) из-за всплеска инфляции в 2022 г. реальные доходы населения продолжают снижаться, что делает медицинские услуги, особенно в небогатых регионах (в частности, в новых регионах, вошедших в состав Российской Федерации в 2022 году), малодоступными для населения. Это негативно сказывается на уровне и качестве жизни людей. При этом, как указывалось выше, проблемы с наполнением бюджета затрудняют решение этой проблемы за счет дополнительного бюджетного финансирования. Определенный оптимизм вселяют процессы роста заработных плат в 2023 году: «В целом за 2023 год реальный размер средней заработной платы вырос в

стране на 7,8% после роста на 0,3% в 2022 году» (цит. по: <https://www.interfax.ru/business/948167>). Но этот рост лишь компенсирует накопленное в предшествующий период падение.

Рассмотренными выше сложностями не исчерпывается список проблем, с которыми приходится сталкиваться в регионах. Но эти проблемы наиболее острые. По нашему мнению, для их преодоления необходимо выстраивание новой системы внешнеэкономического взаимодействия с опорой на дружественные страны (прежде всего, азиатские), в частности требует переформатирования трансграничная логистика. Ее необходимо выстраивать с учетом не только имеющихся, но и перспективных санкционных ограничений, в том числе с учетом рисков вторичных санкций.

Также первоочередной задачей для современной России остается развитие импортозамещения [10, 11], в том числе в области медицинской и фармацевтической промышленности. При этом особое внимание следует обратить не только на собственно импортозамещение, но и на снижение рисков импортозависимости, особенно в долгосрочной перспективе [12]. И, наконец, ключевой способ решения всех рассмотренных проблем – это перезапуск механизмов реального экономического роста. Именно на этом следует сосредоточить основное внимание в краткосрочной перспективе. Без перезапуска устойчивого долгосрочного экономического роста решение всех названных выше проблем не будет достаточно надежным.

Литература

1. Плотников А.В. Моделирование форм проявления кризиса в национальной экономике под воздействием неэкономического шока (на примере кризисов в России 2020 и 2022 годов) // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 5-2 (137). С. 194–199.

2. Вертакова Ю.В., Ильясов Р.Х., Плотников В.А. Региональная дифференциация развития промышленности в современной России // Проблемы экономики и юридической практики. 2023. Т. 19. № 3. С. 179–184.

3. Суэтин А.А. Структурные изменения под влиянием кризиса // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2009. № 7. С. 33–42.

4. Плотников В.А., Вертакова Ю.В. Устойчивость развития российской промышленности в условиях макроэкономического шока и новая промышленная политика // Экономика и управление. 2022. Т. 28. № 10. С. 1037–1050.

5. Плотников В.А. Структурные трансформации российской экономики под воздействием шоков и национальная экономическая безопасность // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2023. № 1. С. 15–25.

6. Зубатов М.А. Специфика развития региональных рынков медицинских услуг в условиях санкционного противостояния // Исследование инновационного потенциала общества и формирование направлений его стратегического развития: сборник научных статей 13-й Всероссийской научно-практической конференции с международным

участием (29 декабря 2023 года): в 2 т. Т. 1. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2023. С. 251–256.

7. Гришков В.Ф. Противостояние России и «коллективного Запада»: влияние на промышленное производство // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2023. № 1 (55). С. 21–26.

8. Крестьянинова О.Г. Исследование сущности медицинских услуг как экономической категории // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2019. № 3 (117). С. 155–160.

9. Шматко А.Д., Щербук А.Ю., Черепанова Е.В., Щукин А.Н. Проблемы релевантных рынков медицинских услуг: исследование отечественного и зарубежного опыта // Менеджер здравоохранения. 2020. № 8. С. 57–66.

10. Елисеева М.Д., Манохина Е.Э., Манохин П.А. Планирование внедрения технологий циркулярной экономики на предприятии радиоэлектронной отрасли с учетом политики импортозамещения // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2023. № 3-2 (141). С. 77–81.

11. Рогатин С.И. Проблемы осуществления производства в оборонно-промышленном комплексе в условиях антироссийских санкций // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2023. № 2 (56). С. 10–13.

12. Черникова А.А., Вертакова Ю.В., Плотников В.А. Импортозамещение как инструмент экономической политики управления рисками импортозависимости: выбор подходов // Экономика и управление. 2016. № 10 (132). С. 28–39.

УДК 330.1

А.Ю. Иванова

*Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: annaivanovane@mail.ru*

ВЛИЯНИЕ ФИНАНСИАЛИЗАЦИИ НА УСИЛЕНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ МЕЖДУ ФИНАНСОВЫМ И РЕАЛЬНЫМ СЕКТОРАМИ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. В статье рассматривается понятие «финансиализация» и ее влияние на финансовый рынок, реальный сектор экономики и их взаимодействие. В результате стремительного развития финансового рынка финансовый сектор экономики отделился от реального сектора. В период кризиса 2008–2009 гг. в результате внутренних противоречий господствующей системы проявилась финансиализация (экономики и социальной сферы), которая привела к рецессии. В результате сделаны выводы о необходимости введения биржевого налога и создании финансового центра, которые будут способствовать вложению финансового капитала в реальный сектор экономики.

Ключевые слова: финансиализация, финансовый рынок, финансовый сектор, реальный сектор, кризис, финансовые инновации.

THE IMPACT OF FINANCIALIZATION ON THE INCREASED CONTRADICTION BETWEEN THE FINANCIAL AND REAL SECTORS OF THE ECONOMY

Abstract. The article examines the concept of “financialization” and its impact on the financial market, the real sector of the economy and their interaction. As a result of the rapid development of the financial market, the financial sector of the economy has moved away from the real sector. During the crisis of 2008-2009. As a result of the internal contradictions of the dominant system, financialization (of the economy and social sphere) manifested itself, which led to a recession. As a result, conclusions were drawn about the need to introduce an exchange tax and create a financial center, which will facilitate the investment of financial capital in the real sector of the economy.

Keywords: financialization, financial market, financial sector, real sector, crisis, financial innovation.

До 1960–1970-х гг. финансовый сектор служил для поддержки производства и товарооборота, финансировал экономический рост [1, с. 395]. Однако к концу XX века в ходе финансиализации финансовый сектор изменил свою роль: занял ключевые позиции в механизме экономического роста и стал диктовать общие правила игры для всего общества. В итоге в XXI веке власть финансов увеличилась, и реальный сектор стал подчиняться финансовому [2, с. 45]. Причинами финансиализации являются: 1) перенакопление капитала в реальном секторе, 2) беспрепятственное международное движение капитала благодаря глобализации и информационным технологиям. В период кризиса 2008–2010 гг. проявилась финансиализация экономики и социальной сферы, которая привела к рецессии [3, с. 147].

Финансиализация является формой функционирования экономики, в которой преобладают финансовые сделки и происходит подчинение реального сектора финансовому [2, с. 46]. Коротко, финансиализацией является растущая и системная власть финансов и финансового инжиниринга [4, с. 7]. Также финансиализацию определяют как «процесс трансформации финансового капитала в фиктивный и виртуальный капитал, отделение капитала от реальной, производственной сферы» [4, с. 3].

Одним из важных обстоятельств власти финансиализации является сверхразвитие финансового сектора. Начальный этап финансиализации спровоцировал отрыв финансов от интересов и задач реального сектора [5, с. 186] путем направления финансов на наращивание капитала без привязки к реальным активам.

В современном мире финансовый капитал стал более стабильным, но отделился от реального сектора экономики, от своей материальной основы, т. е. от капитала той сферы, в которой производится стоимость [4, с. 7].

Развитие, при котором наблюдается увеличение роли финансовых инвестиций (например, предоставление внутреннего кредита частному сектору) в ущерб остальным (валовое накопление основного капитала и вложения в исследования и разработки), обозначается понятием «финансиализация» и рассматривается некоторыми авторами школ неортодоксальной экономической мысли как негативный процесс [6, с. 359].

Финансиализация в последнее время приводит к доминированию финансового капитала и отрыву его от материального производства. В условиях нынешнего этапа финансиализации экономики необходимо восстановление приоритетности реальной экономики [7, с. 211].

Концепция Дж. Арриги, основанная на фактах развития капитализма и рассматривающая циклическое чередование фаз доминирования производственно-товарной и финансовой экспансии, применима для анализа современного процесса финансиализации экономики [8]. Данная концепция поясняет, что при появлении избытка капитала в реальном производстве, капитал остается на финансовом рынке в форме финансовых пузырей спекулятивных операций. Если капитал доминирует в реальном секторе экономики, то это является основой для лидерства страны на мировом финансовом рынке [9, с. 14], поэтому необходимо целенаправленно направлять финансовый капитал и его избыток на развитие нуждающихся отраслей реального сектора.

Отрыв капитала в финансовой (денежной форме) от реальной экономики усиливает неустойчивость финансовых рынков и самой хозяйственной системы [7, с. 313]. Финансовые инновации, «финтех» не только ускоряют развитие финансового рынка и операции с финансовым капиталом, но отдаляют еще больше финансовый капитал от реального сектора экономики.

Причиной мирового кризиса 2008–2009 гг. является увеличение спекулятивных пузырей, а затем их обрушение. На валютном рынке наблюдается тенденция увеличения объема спекулятивных операций.

Финансиализацию характеризует и ежедневный объем валютной торговли. Данные ежедневного оборота на валютном рынке публикует Банк международных расчетов (БМР). Оборот валютного рынка на Московской бирже (по инструментам) имеет тенденцию к увеличению. По итогам торгов на Московской бирже в марте 2023 года объем торгов на валютном рынке был 24,7 трлн рублей, а в марте 2024 года он достиг 30,6 трлн рублей. Среднедневной объем торгов также возрос: в марте 2023 года составлял 1,1 трлн рублей, а в марте 2024 года – 1,5 трлн рублей [10].

Увеличение долгового бремени является ключевой количественной характеристикой финансиализации [1]. Мировой долг вырос в первом квартале 2024 года на 1,3 трлн долл. и составил 315 трлн долл, что является на данный момент новым рекордным максимумом [11].

Дискуссионным остается вопрос о том, для чего необходимо финансовое развитие. С одной стороны, финансовое развитие – это изменения, способствующие уменьшению явных и неявных издержек, которые связаны с деятельностью финансовой системы [12]. С другой стороны, проявление финансиализации в 1990–2000 годы как феномена опережающего роста финансового сектора, способствовало еще большему его отдалению от реального сектора и таким образом сдерживанию роста экономики.

С. Глазьев пишет о том, что в современном мире протекает структурный кризис, который связан с технологической революцией [13]. В прошлый раз такая революция была в 70–80-е годы XX века. В процессе такой революции происходит смена длинных волн Кондратьева, что всегда сопровождается длительными депрессиями. Капитал формирует финансовые пузыри в результате того, что он освободился от устаревших производств и сконцентрировался на финансовом секторе на 5–10 лет. В такой период в финансовом секторе увеличиваются обороты по сравнению с реальным сектором – происходит финансиализация экономики. То есть наступает период турбулентности экономики и депрессии для реального сектора.

Положительное влияние появления и развития финансовых инноваций на финансовый сектор заключается в ускорении финансовых операций. Но это сильнее отдаляет финансовый капитал от реального сектора экономики (если финансовый капитал направляется не на развитие производства, а для спекулятивных операций на финансовом рынке).

Финансовые инновации повлияли не только на финансовый сектор (увеличение конкуренции между игроками), но и на экономику в целом [12]. Некоторые авторы научных работ считают, что существуют скрытые риски финансовых инноваций в виде угрозы кризисов, которые могут нанести вред долгосрочному росту. Глобализация финансовых рынков интенсифицировалась благодаря развитию цифровых технологий и появлению финансовых инноваций [14].

Финансиализация – не новое понятие; еще К. Маркс рассматривал процесс раздвоения финансового и реального секторов, а также образование акционерного и фиктивного капитала [15]. Р. Гильфердинг отметил, что если раньше существовали только производственные капиталисты, которые совершали свои обороты при помощи кредитных денег, то дальше про-

изошло превращение производственного капиталиста в денежный или ссудный [16, с. 84].

Финансиализация отражает качественный и количественный сдвиг в пользу финансового сектора в ущерб реальному. С этим связано увеличение на 28% активов финансовой системы Российской Федерации в 2023 году [17]. Наибольший рост показали банки, а также активы на брокерском обслуживании и чистые активы ПИФ [18]. Этому послужили увеличение сбережений населения и увеличение динамики фондового рынка. Еще в 2020 году совокупные активы российских финансовых групп увеличились на 17%, превысив ВВП России [19].

Опасность финансиализации в том, что реальная экономика стала заложницей турбулентности финансовых рынков [20]. Одной из причин, которая повлияла на структурную власть финансиализации, является сверхразвитие финансового сектора [5]. Саморазвитие финансов повлияло на образование финансиализации, произошел отрыв финансового сектора от интересов реального сектора и капитал наращивался без привязки к реальным активам.

Финансовая сфера по количеству операций на финансовом рынке уже в несколько раз превосходит реальный сектор [4]. Причиной является то, что на финансовом рынке, например, торговле на бирже, быстрее можно получить прибыль, чем в развитии своего производства. Одним из вариантов целенаправленного вложения финансового капитала в отрасли реального сектора можно назвать введение налога на биржевые операции. Для того, чтобы остановить тенденцию отстранения финансового капитала от реального сектора, необходимо создать финансовый центр.

Статья выполнена в рамках инициативной НИР Санкт-Петербургского государственного экономического университета «Государство и рынок: евразийская доминанта развития в условиях формирования многополярного мира».

Литература

1. Иванов В.В. и др. Финансовая экономика: учебник в 2 т. Том 2. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2022. 688 с.
2. Родина Г.А. Современная финансиализация как новое качество экономики // Социально-политические исследования. 2019. № 3. С. 45–58.
3. Бодрунов С.Д. Мировые кризисы XXI века обнажают противоречия современной социально-экономической модели // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 146–157.
4. Ощич Ч., Райко Б. Финансиализация и современные экономические кризисы // Вестник НГИЭИ. 2013. № 3 (22). С. 3–17.
5. Ключников И.К., Ключников О.И., Молчанова О.А. Воздействие финансиализации хозяйства на устойчивое развитие // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». 2023. № 2. С. 180–190.

6. Фокин И.В. Влияние финансиализации на реальные инвестиции в российской экономике // Альманах научных работ молодых ученых университета ИТМО. Т. 3. Ч. 2. 373 с.
7. Рязанов В.Т. Современная политическая экономия: перспективы неомарксистского синтеза. СПб.: Издательство «Алетейя», 2019. 436 с.
8. Арриги Дж. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 472 с.
9. III Арригиевские чтения по теме: «Путь России в будущий мировой порядок». Материалы международной научно-практической конференции, 22–24 октября 2020 г.: в 2 ч. Ч. 1 / Под ред. А.А. Федотова, С.Ю. Глазьева, А.Г. Зайцева, Н.В. Спасской, Е.В. Такмаковой. Орёл: ФГБОУ ВО «ОГУ имени И.С. Тургенева», 2020. 254 с. [Электронный ресурс] – URL: https://pureportal.spbu.ru/files/77999810/_20._1.pdf (Дата обращения: 25.06.24).
10. Московская биржа подвела итоги торгов в марте 2024 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.moex.com/n68722> (Дата обращения: 25.06.24).
11. Объем мирового долга вырос до рекордных \$315 трлн [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6688864> (Дата обращения: 25.06.24).
12. Криничанский К.В., Анненская Н.Е. Понятие и перспективы финансового развития // Вопросы экономики. 2022. № 10. С. 20-36 [Электронный ресурс] – URL: http://www.mirkin.ru/_docs/articles2024-02.pdf (Дата обращения: 25.06.24).
13. Глазьев С. России нужно делать ставку на нефтехимию [Электронный ресурс]. – URL: <https://realnoevremya.ru/articles/172908-sergey-glazev-o-mirovom-ekonomicheskom-krizise> (Дата обращения: 25.06.24).
14. Подустов С.П., Князева А.Э. Теоретические аспекты и геополитические факторы развития мировой финансовой системы // Вестник Сургутского государственного университета. 2022. № 4 (38). С. 58–64.
15. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. Т. 25. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. 554 с.
16. Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма. М.: Государственное издательство, 1922. 460 с.
17. Совокупные активы российской финансовой системы в 2023 году выросли на 28% [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.finam.ru/publications/item/sovokupnye-aktivy-rossiyskoj-finansovoy-sistemy-v-2023-godu-vyrosli-na-28-20240411-1942/> (Дата обращения: 25.06.24).
18. Обзор российского финансового сектора. Аналитический материал. 2023 год. М., 2024 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/49075/fs_review_2023.pdf (Дата обращения: 25.06.24).
19. Банки обогнали ВВП. НКР подсчитало активы 100 крупнейших финансовых групп России. – 12.10.2021 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2021/10/12/616419769a794735f3b6e264> (Дата обращения: 25.06.24).
20. Крылова Л.В. Кризис современной мировой валютно-финансовой системы в условиях цифровизации // Мировая экономика и мировые финансы. 2022. Т. 1. № 1. С. 35–39.

Е.Г. Колесник

*Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: kolesnike@mail.ru*

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НЕРАВЕНСТВО И БЕДНОСТЬ: ПОИСК РЕШЕНИЯ В СТРАНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ТИПА

Аннотация. В статье проведен анализ основных инструментов, используемых в странах ЕАЭС на современном этапе развития, для смягчения последствий и недопущения распространения бедности населения. Подчеркнута тесная связь социального и экономического неравенства, выделены основные причины неравенства. Сделан вывод о необходимости обеспечения условий со стороны государства для аккумуляции усилий домашних хозяйств и бизнеса в решении проблемы бедности населения.

Ключевые слова: неравенство, дифференциация доходов, бедность, ЕАЭС, государственные расходы

E.G. Kolesnik

*St. Petersburg State Economic University
St. Petersburg, Russian Federation
E-mail: kolesnike@mail.ru*

SOCIO-ECONOMIC INEQUALITY AND POVERTY: SEARCHING FOR SOLUTIONS IN EURASIAN TYPE COUNTRIES

Abstract: The article analyzes the main tools used in the EAEU countries at the present stage of development to mitigate the consequences and prevent the spread of poverty among the population. The close connection between social and economic inequality is emphasized, and the main causes of inequality are highlighted. It is concluded that it is necessary to provide conditions on the part of the state to accumulate the efforts of households and businesses in solving the problem of socio-economic inequality and poverty of the population.

Keyword: inequality, income differentiation, poverty, EAEU, government spending

В современных условиях актуализируется потребность в выявлении причин социально-экономического неравенства и инструментов, которые позволят сдерживать его рост. Причины неравенства можно сгруппировать, выделив:

- индивидуальные (психофизиологические особенности индивидуумов);
- институциональные (политические, культурные, социальные);
- естественные (неравномерность распределения природных ресурсов, климатические и географические особенности регионов).

При исследовании проблемы следует различать неравенство результатов (остаточное неравенство) и неравенство возможностей (благоприятное стечение обстоятельств).

Можно выделить основные подходы к распределению дохода: личное, классифицируемое согласно уровню дохода, получаемого отдельным домашним хозяйством или его представителем, и функциональное распределение дохода по группам факторов производства.

Результат оценки неравенства зависит от выбранного метода: по расходам на потребление или по располагаемому доходу. Чем беднее общество, тем больше доля средств, направляемая на приобретение продуктов питания.

Степень социально-экономического расслоения населения характеризует коэффициент Джини. По данным за 2022 год, наибольшее значение данного показателя среди стран ЕАЭС было в России. Коэффициент Джини достиг 0,402. Наименьшее значение показателя было зафиксировано в Киргизии (0,225). В Беларуси, Армении и Казахстане значение показателя составило 0,268, 0,239, 0,285 соответственно [1, с. 123–124]. Неравенство доходов влияет на уровень жизни и социальное благополучие населения.

Согласно национальным оценкам уровня бедности, удельный вес населения, находящегося за чертой бедности в России за период с 2021 по 2022 год сократился до 9,8%. Наименьший удельный вес бедного населения среди стран ЕАЭС был в 2022 году в Беларуси (3,9%) и в Казахстане (5,2%). Наибольшее значение показатель достиг в Киргизии и в Армении и составил 33,2%, 24,8% соответственно [2, С. 125]. Следует отметить, что в разных странах применяются разные методологические подходы к определению черты бедности.

Рассмотрим основные инструменты, применяемые для сокращения социально-экономического неравенства и решения проблемы бедности в странах ЕАЭС.

В Казахстане для решения проблемы растущего неравенства доходов используются инструменты налогово-бюджетной политики. Подчеркивается необходимость применения комплексного подхода на основе законодательных, организационных и финансовых механизмов.

Законодательные механизмы предполагают предоставление государственных гарантий для нейтрализации социальных рисков, совершенствование методики оценки потребительской корзины, осуществление привязки черты бедности к величине прожиточного минимума.

Организационные механизмы обуславливают необходимость разработки программ по содействию занятости, активизацию предпринимательской деятельности, развитие системы региональной системы занятости.

Финансовые механизмы включают совершенствование налоговой политики в целях нивелирования последствий неравенства по уровню доходов.

Особый интерес представляют меры, направленные на недопущение роста бедности в Киргизии:

- гранты, предназначенные для организации хозяйственной деятельности, целью которой является получение дохода;
- комплексный пакет поддержки, развивающий индивидуальную инициативу и стимулирующий саморазвитие;
- популяризация успешных проектов, реализованных на основе социального контракта, в рамках которых поддерживается создание новых рабочих мест.

В Беларуси для недопущения увеличения численности малообеспеченного населения основное внимание уделяется обеспечению продуктивной занятости и качеству рабочих мест, доступности образования и медицинской помощи, обеспечению условий для укрепления института семьи, охраны материнства и детства. На регулярной основе проводятся выборочные обследования домашних хозяйств по уровню жизни. На основе определения степени нуждаемости реализуется программа государственной адресной социальной помощи: предоставляются пособия в форме прямых субсидий или налоговых кредитов, реализуются проекты, направленные на укрепление финансовых стимулов к труду.

В Армении одной из причин бедности населения называют неравномерность развития регионов. Решение проблемы бедности связывают с совершенствованием механизма стимулирования трудовой деятельности.

Сокращение социально-экономического неравенства является одной из ключевых целей экономической и социальной политики государства. Объем государственных расходов, направляемых на здравоохранение и образование в странах ЕАЭС в 2021 году, представлен в таблице.

Государственные расходы на здравоохранение и образование в 2021 году [3, с. 165]

Страна	Государственные расходы на здравоохранение, %	Государственные расходы на образование, %;
Армения	1,7	2,1
Беларусь	5	4,3
Казахстан	0,4	4,4
Киргизия	2,5	5,9
Россия	3,8	3,5

Государственные расходы на образование в процентах к ВВП в странах ЕАЭС в 2021 году составили: в Киргизии – 5,9%, в Казахстане – 4,4%,

в Беларуси – 4,3%, в России – 3,5%. Наименьшее значение показателя зафиксировано в Армении, которое составило 2,1% [4, с. 155].

Используемые статистические данные были получены в период пандемии Covid-19, когда требовались беспрецедентные меры со стороны государственных структур по обеспечению безопасности и сохранению наций. Текущая геополитическая обстановка обуславливает возникновение новых вызовов, оказывает влияние на процессы распределения и перераспределения ресурсов. В связи с этим наибольшее внимание следует уделять сочетанию плановых и рыночных методов регулирования, поддерживать рост производительности труда и реальных доходов населения, активно участвующего в трудовой деятельности. Требуется совершенствовать механизм перераспределения доходов и систему поддержки социальных групп, находящихся в зоне риска (семьи с детьми, пожилыми людьми, инвалидами, а также находящими в трудной жизненной ситуации).

Проведенный анализ позволил установить, что определение бедности и классификация населения по уровню дохода в странах ЕАЭС осуществляется как на основе национальных, так и международных методических разработок. Этим можно объяснить расхождение результатов подсчетов численности населения, находящегося за чертой бедности, публикуемых в национальных и международных изданиях.

Особое значение в смягчении дифференциации доходов и в решении проблемы бедности населения имеет государственная экономическая политика, предполагающая существование системы перераспределения доходов, в том числе через механизм налогов. Следует подчеркнуть, что расширение участия представителей бизнеса, общественных организаций, волонтеров будет способствовать поиску решения поставленной проблемы.

Литература

1. Степень социально-экономического расслоения населения // Россия и страны мира. 2023: Стат. сб. / Росстат. М., 2023. 393 с. [Электронный ресурс]. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Rus_strani_mira_2023.pdf (Дата обращения: 20.07.2024).

2. Уровень бедности в отдельных странах // Россия и страны мира. 2023: Стат. сб. / Росстат. М., 2023. 393 с. [Электронный ресурс]. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Rus_strani_mira_2023.pdf (Дата обращения: 20.07.2024).

3. Государственные расходы на здравоохранение // Россия и страны мира. 2023: Стат. сб. / Росстат. М., 2023. 393 с. [Электронный ресурс]. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Rus_strani_mira_2023.pdf (Дата обращения: 20.07.2024).

4. Государственные расходы на образование // Россия и страны мира. 2023: Стат. сб. / Росстат. М., 2023. 393 с. [Электронный ресурс]. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Rus_strani_mira_2023.pdf (Дата обращения: 20.07.2024).

5. Антропов В.В. Социально-экономическое неравенство в современном мире: инструментарий оценки, тенденции и стратегии преодоления // Экономика. Налоги. Право. 2022. № 15 (3). С. 21–37. DOI: 10.26794/1999-849X-2022-15-3-21-37

6. Общественная палата считает недостаточными расходы на здравоохранение в 2023 году [Электронный ресурс]. – URL: <https://medvestnik.ru/content/news/Rashody-federalnogo-budjeta-na-zdravoohranenie-ne-preodoleut-planku-v-1-VVP-do-2025-goda.html> (Дата обращения: 20.07.2024).

7. Каковы реальные масштабы бедности в Казахстане и как с ней бороться? [Электронный ресурс]. – URL: <https://halykfinance.kz/download/files/analytics/poverty.pdf> (Дата обращения: 20.07.2024).

УДК 330.101.2

Е.С. Макеева

*Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: makeeva.e@unecop.ru*

СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОПРОСНЫХ МЕТОДОВ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЭКОНОМИКИ СЧАСТЬЯ

Аннотация. В статье резюмированы итоги научных дискуссий об использовании опросных методов в экономических исследованиях счастья, уточнено определение феномена счастья с позиций межвременности, представлены результаты проведенного автором опроса о воздействии на ощущение счастья культурного наследия и творческих практик как сферы разотчуждения и отмечена роль социального капитала в сборе первичных данных.

Ключевые слова: экономика счастья, опросные методы, разотчуждение, культурное наследие, социальный капитал.

E.S. Makeeva

*St. Petersburg State University of Economics
Saint Petersburg, Russian Federation
E-mail: makeeva.e@unecop.ru*

THE SPECIFICS OF USING SURVEY METHODS IN ECONOMIC RESEARCH OF HAPPINESS

Abstract: The article summarizes the results of scientific discussions on the use of survey methods in economic research of happiness, clarifies the definition of the phenomenon of happiness from the standpoint of intertemporality, presents the results of the author's survey about the impact on happiness of cultural heritage and artwork as a sphere of disalienation, and outlines the role of social capital in collecting primary data.

Keywords: economics of happiness, survey methods, disalienation, cultural heritage, social capital.

Необходимость тестирования гипотез на основе данных, отражающих «реально существующую поведенческую практику» [1, с. 4], обуславливает востребованность опросных методов среди экономистов-теоретиков. Взаимодействие с респондентами позволяет преодолеть ограничения концепции Homo Economicus [2, с. 44; 3, с. 49] и, в целом, выйти за рамки умозрительных/формализованных моделей, которые, с одной стороны, не всегда находят отклик у «людей практических» [4, с. 48] и, с другой стороны, требуют эмпирической проверки. При этом в специализированной литературе по анализу данных допускается, что даже на базе несовершенной выборки (а также, например, биографических описаний и интервью) можно выявить любопытные «феномены, механизмы, процессы», заслуживающие внимания и дальнейшего осмысления [5, с. 29].

Интересная дискуссия развернулась вокруг использования опросных методов для исследования счастья. В экономике с подачи Я. Тинбергена (1903–1994) счастье стало рассматриваться как альтернатива ВВП. Первоначально речь шла лишь о возможности изменения словоупотребления (замене «продукта» на «счастье»), однако в 1972 г. в Королевстве Бутан появился наполненный собственным содержанием показатель валового национального счастья [6, с. 27, 44]. Позднее Д. Канеман (1934–2024) и А. Дитон (род. в 1945) выдвинули предположение о том, что, вероятно, менее неоднозначным ориентиром государственного управления по сравнению с увеличением счастья могло бы выступить сокращение страданий и эмоциональной боли [7, с. 16492]. 1974 год ознаменовался открытием Р. Истерлином (род. в 1926) так называемого «парадокса» об отсутствии связи между повышением доходов и счастьем в долгосрочной перспективе [8, с. 11176; 9, с. 22463] (который был опровергнут только в 2023 г. с опорой на эмпирические данные по США [10]).

Разработка опросных листов и анкет по счастью осложняется, прежде всего, проблемой дефиниции. Так, например, Р. Истерлин использовал термин «счастье» как синоним благополучия, благосостояния, полезности и общей удовлетворенности жизнью [8, с. 11176]. Схожую точку зрения разделяют ученые-психологи А.Л. Журавлев (род. в 1948) и А.В. Юревич (род. в 1957), утверждающие, что подобные понятия «покрывают одно онтологическое поле и тесно связаны друг с другом» [11, с. 722]. В то же время представители школы позитивной психологии считают, что отличительной особенностью счастья, как букета ощущений радости и удовольствия, является принадлежность к текущему моменту, или к плану настоящего. В свою очередь, такие положительные эмоции, как надежда, доверие и оптимизм, тяготеют к плану будущего, а гордость и удовлетворенность – к плану прошедшего [12, с. 160] (см. также [7, с. 16489; 13, с. 3]). В этом ракурсе прослеживается некоторое сходство счастья с разотчуждением,

отрефлексированным философом Л.А. Булавкой-Бузгалиной, ассоциирующимся с «хронотопом настоящего (здесь и сейчас)» и фокусирующим внимание на процессе «перехода из модуса конструктивных намерений... к модусу их фактической свершаемости» [14, с. 171]. Релевантно и мнение Д.С. Лихачёва (1906-1999), утверждавшего, что «счастливым чем-то достигнутым можно быть только короткий промежуток времени, а после начинаются новые заботы» [15, с. 371].

Соответственно, в зависимости от трактовки счастья будут варьироваться и содержание анкеты, и её восприятие респондентами. Кроме того, на результаты исследования могут повлиять настроение участников, их искренность и беспристрастность, порядок вопросов, задающий тон «беседе», и пр. [7, с. 16492; 13, с. 4, 15; 16, с. 115; 17, с. 16–18].

Принципиальный научный спор касается валидности опросных методов с точки зрения способности людей осознавать и самим оценивать своё счастье, а также возможности получения оригинальных выводов, не очевидных априори с позиций здравого смысла, и корректности осуществления международных сравнений [8, с. 11179; 13, с. 7; 18, с. 22, 26, 29-30; 19, с. 1175; 20, с. 232]. Однако альтернативный вариант опоры на показатели макроэкономической статистики – уровень безработицы, индекс Джини и пр. – вероятно, отстоит от искомого методологического идеала еще дальше [21, с. 53, 61].

Ниже представлены результаты нашей попытки протестировать при помощи опроса гипотезу о положительном влиянии культурного наследия и творческих практик как сферы разотчуждения на ощущение счастья [14; 22, с. 20; 23, с. 18]. В научных публикациях эмпирической направленности отсутствует консенсус по этому поводу и подчеркивается, что в каждом обществе данная связь может проявляться по-разному [24, с. 167–168; 25, с. 24; 26, с. 31].

Перечень вопросов, включенных в электронную анкету:

1. Для Вас счастье связано с ... *(доходами/интересной работой и самореализацией/здоровьем/крепкими социальными связями (сплоченная семья, дружба, любовь, взаимопонимание с коллегами и пр.)/безопасностью благополучной экологической обстановкой/другое (уточните, пожалуйста)). Допускается выбор нескольких вариантов.*

2. В целом, считаете ли Вы себя счастливым человеком? *(да нет/затрудняюсь ответить).*

3. Участвуете ли Вы в культурных мероприятиях (дистанционно или очно, «активно» или «пассивно» (в роли слушателя, зрителя, читателя))? *(очень часто/довольно часто/иногда/редко/никогда).*

4. Приносит ли Вам счастье и позитивные эмоции посещение объектов культурного наследия? *(да/скорее, да/скорее, нет/нет/затрудняюсь ответить/другое).*

5. Хотели бы Вы работать в сфере культуры? (да/нет/затрудняюсь ответить).

Количество респондентов достигло 197, что сопоставимо с числом Данбара – оно «обычно колеблется от 100 до 230 (в среднем 150–170)» и охватывает «интенсивные социальные контакты» человека [27, с. 69]. При формировании выборки нам удалось выйти за пределы близкого круга общения, однако для успешного проведения дополнительных исследований в будущем важной задачей видится наращивание социального капитала как «доверия и знакомств в той или иной сети» [28, с. 149] с целью ограничения коммуникаций «по сходству» [29, с. 17–18] в контексте опросов (см. также [30, с. 150–151]).

В таблице представлены выявленные факторы счастья. Любопытно, что только два человека упомянули культуру и творчество в духе К.С. Станиславского (1863–1938): *«Теперь спросите меня: в чем счастье на земле? ... В искусстве и в работе, в постигновении его. Познавая искусство в себе, познаешь природу, жизнь мира, смысл жизни, познаешь душу – талант! Выше этого счастья нет!»* [31].

Ответы на вопрос № 1 «Для Вас счастье связано с ...»
(можно указать несколько вариантов)

№	Фактор счастья	Число упоминаний
1	Крепкие социальные связи	165
2	Интересная работа и самореализация	143
3	Здоровье	129
4	Безопасность	72
5	Доходы	64
6	Благополучная экологическая обстановка	47
7	Культура	2
8	Другое	9
ИТОГО		631

На обобщающий вопрос № 2 «В целом, считаете ли Вы себя счастливым человеком?» 163 участника ответили утвердительно (82,7%), 6 – отрицательно (3,1%), оставшиеся 28 затруднились с выбором (14,2%).

Вопрос № 3 позволил констатировать интерес большинства к творчеству и культурному наследию. Так, 108 человек (54,8%) участвуют в культурных мероприятиях «очень часто» или «довольно часто» (дистанционно или очно, «активно» или «пассивно»/в роли слушателя, зрителя, читателя), 68 (34,5%) – «иногда», 19 (9,7%) – «редко», 2 (1,0%) – «никогда».

Что касается **вопросов № 4 и № 5**, 119 респондентов (60,4%) отметили, что посещение объектов культурного наследия приносит им счастье и положительные эмоции, 70 (35,5%) склонились к варианту «*скорее, да*»; 103 (52,3%) желали бы работать в сфере культуры. Последнее можно интерпретировать в том смысле, что более 1/2 опрошенных усматривают в культурных практиках некий потенциал для самореализации и самоактуализации, которые, в свою очередь, имеют отношение к эвдемонистическому счастью [17, с. 11; 32, с. 58].

По итогам опроса можно заключить, что культурное наследие и творчество не воспринимаются респондентами как стержневой фактор счастья. Вероятно, это обусловлено тем, что для многих людей контакты с культурной сферой все-таки, скорее, дискретны, нежели непрерывны [33, с. 304; 34, с. 8151]. Как заметил Д.С. Лихачёв, мы «слишком спешим, слишком ждем немедленной «отдачи», не верим в медленных целителей души», нередко оставляя без внимания «памятники старины» и «красоту прошлого» [15, с. 338–339]. Между тем, «литература, живопись – вообще все искусства учат жизненному опыту. Они... позволяют человеку прожить несколько жизней, пережить различные жизненные ситуации» [Там же, с. 482], а также «развивают интуицию, которая очень важна во всех науках» [Там же, с. 483]. Кроме того, «нравственный климат в обществе определяется степенью его культуры. Без определенного уровня нравственности и культуры в обществе не действуют никакие установления, законы экономики, необходимая степень доверия людей друг к другу» [Там же, с. 485].

Литература

1. Рязанов В.Т. Антропологический принцип в экономике // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5. Экономика. 2006. Вып. 1. С. 3–19.
2. Трофимов Г., Ивантер А. Бесовщинка в Номо economicus // Эксперт. 2017. № 43. С. 44–46.
3. Степанов О. Закон благосостояния. Явление сверхтекучести капиталов в экономике. Как его преодолеть? // Эксперт. 2023. № 27. С. 48–51.
4. Механик А. Хулиганские мысли об экономической науке // Эксперт. 2018. № 37. С. 46–49.
5. Martin O. L'analyse quantitative des données. Paris: Armand Colin, 2020. 126 p.
6. Latouche S. L'abondance frugale comme art de vivre: Bonheur, gastronomie et décroissance. Paris: Éditions Payot & Rivages, 2020. 208 p.
7. Kahneman D., Deaton A. High income improves evaluation of life but not emotional well-being // PNAS. 2010. Vol. 107, № 38. PP. 16489–16493.
8. Easterlin R.A. Explaining Happiness // PNAS. 2003. Vol. 100, № 19. PP. 11176–11183.
9. Easterlin R.A., Angelescu McVey L., Switek M., Sawangfa O., Smith Zweig J. The Happiness-Income Paradox Revisited // PNAS. 2010. Vol. 107, № 52. PP. 22463–22468.
10. Killingsworth M.A., Kahneman D., Mellers B. Income and emotional well-being: A conflict resolved // PNAS. 2023. Vol. 120, № 10. PP. 1–6.

11. Журавлев А.Л., Юревич А.В. Счастье как научная категория // Вестник Российской академии наук. 2014. Т. 84, № 8. С. 715–723.
12. Seligman M. E. P., Pawelski J. O. Positive Psychology: FAQs // Psychological Inquiry. 2003. Vol. 14, № 2. PP. 159–163.
13. Frey B. S., Stutzer A. Should We Maximize National Happiness? – Zurich: Institute for Empirical Research in Economics, University of Zurich, 2006. 24 p.
14. Булавка-Бузгалина Л.А. Разотчуждение: от философской абстракции к социокультурным практикам // Вопросы философии. 2018. № 6. С. 167–179.
15. Лихачев Д.С. Книга беспокойств // Статьи, беседы, воспоминания. М.: Изд-во «Новости», 1991. 528 с.
16. Сухарев О.С. Психологические факторы развития экономики: атрибуты счастья // Научные труды Вольного экономического общества России. 2014. Т. 181. С. 114–127.
17. Davoine L. Économie du bonheur. Paris: La Découverte, 2020. 127 p.
18. Skidelsky E. What Can We Learn from Happiness Surveys? // Journal of Practical Ethics. 2014. Vol. 2, Issue 2. PP. 20–32.
19. Layard R. Introduction // Journal of Public Economics. 2008. № 92. PP. 1773–1776.
20. Felice E. Historia económica de la felicidad. Una nueva visión de la historia del mundo. Barcelona: Crítica, 2020. 352 p.
21. Delhey J., Steckermeier L. C. The Good Life, Affluence, and Self-reported Happiness: Introducing the Good Life Index and Debunking Two Popular Myths // World Development. 2016. Vol. 88. PP. 50–66.
22. Макеева Е.С. Роль культурного наследия в гуманизации современной экономики. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2020. 75 с.
23. Макеева Е.С. Марксистский подход к гуманизации экономики и современные концепции счастья // Известия СПбГЭУ. 2022. № 4 (136). С. 15–21.
24. Weźiak-Białowolska D. Attendance of Cultural Events and Involvement with the Arts – Impact Evaluation on Health and Well-Being from a Swiss Household Panel Survey // Public Health. 2016. Vol. 139. P. 161–169.
25. Barreto Xavier J. A cultura na vida de todos os dias. – Porto: Porto Editora, 2016. 208 p.
26. Pawelski J.O. The Positive Humanities: Culture and Human Flourishing // Forthcoming in The Oxford Handbook of the Positive Humanities. Edited by L. Tay and J. O. Pawelski. Oxford: Oxford University Press. 42 p.
27. Быков П., Шарапов С. Сверхчеловек: попытка не испугаться // Эксперт. 2023. № 4. С. 64–69.
28. Бузгалин А.В. Социальный капитал: клей, обеспечивающий устойчивость позднего капитализма, или гексоген в его основании? // Общественные науки и современность. 2011. № 3. С. 147–161.
29. Беккер Г. Выбор партнера на брачных рынках // THESIS. 1994. Вып. 6. С. 12–36.
30. Джексон М.О. Человеческие сети. Как социальное положение влияет на наши возможности, взгляды и поведение. М.: Изд-во АСТ: CORPUS, 2021. 480 с.
31. Кислицына К. «Теперь спросите меня: в чем счастье на земле?» 7 фактов о Станиславском – режиссере, который изменил мир [Электронный ресурс] // Газета.Ru. 2018.17 янв. – URL: https://www.gazeta.ru/culture/2018/01/17/a_11615834.shtml (Дата обращения: 14.07.2024).

32. Makeeva E.S. L'approche économique du bonheur: la dichotomie entre le pécuniaire et l'immatériel // Science et innovation dans le cadre du partenariat stratégique entre l'Algérie et la Russie: сб. статей I Foreign International Scientific Conference (Algérie, апрель 2024). СПб.: ГНИИ «Нацразвитие», 2024. С. 56–61.

33. Damásio A. Ao Encontro de Espinosa – As Emoções Sociais e a Neurologia do Sentir. – Lisboa: Temas e Debates – Círculo de Leitores, 2012. 364 p.

34. VanderWeele T.J. On the promotion of human flourishing // PNAS. 2017. Vol. 114. № 31. P. 8148–8156.

УДК 338.4

И.В. Медынская

*Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: irinamedyn@mail.ru*

Гао Лэй

*Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: gaolej@yandex.ru*

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ КИТАЯ НА МИРОВУЮ ТОРГОВЛЮ СЫРЬЕВЫМИ ТОВАРАМИ

Аннотация. В статье анализируются некоторые особенности и факторы влияния Китая на мировую торговлю сырьевыми товарами, связанные с экономическими преобразованиями КНР. В связи с этим определены новые задачи в отношении интеграции в глобальные рынки. Прямым следствием быстрого экономического подъема Китая стал его растущий спрос на энергию, что оказало значительное влияние на мировые рынки энергетических товаров. Особое значение получают такие важные факторы экономического развития, как расширение и поддержка экспорта. Авторы отмечают, что существует значительная разница стоимости большинства сырьевых товаров, которая в разной степени зависит от скачков экономической активности в Китае, процентных ставок и обменных курсов. А также для растущего потребительского рынка внутри страны Китай расширяет свои запросы по импорту необходимых ресурсов. Помимо прочего, существуют факторы риска, образующиеся независимо извне, например, пандемия Covid-19, из-за которой рынки различных товаров, включая сырьевые, имели сильную просадку, а самое главное – неопределенность в будущем. Анализируются характер и уровень активности в торговле с азиатскими странами. По проведенному анализу сделаны выводы и определено, что Китай как крупнейший потребитель мирового сырья играет значительную роль в формировании рынка сырьевых товаров.

Ключевые слова: экономические преобразования, мировая торговля, сырьевые товары, реформы, экономический рост, энергетические ресурсы, экспорт, импорт, потребительский рынок, торгово-экономическое сотрудничество.

I. V. Medynskaia

St. Petersburg State University of Economics

Saint Petersburg, Russian Federation

E-mail: irinamedyn@mail.ru

Gao Lej

St. Petersburg State University of Economics

Saint Petersburg, Russian Federation

E-mail: gaolej@yandex.ru

ANALYSIS OF THE IMPACT OF CHINA'S ECONOMIC TRANSFORMATION ON GLOBAL COMMODITY TRADE

Abstract. The article analyzes some features and factors of China's influence on world trade in commodities related to the economic transformations of the PRC. In this regard, new challenges have been identified regarding integration into global markets. A direct consequence of China's rapid economic recovery has been its growing demand for energy, which has had a significant impact on global energy commodity markets. Of particular importance are such important factors of economic development as expansion and support of exports. The author notes that there are significant differences in the cost of most commodities, which are influenced to varying degrees by surges in Chinese economic activity, interest rates and exchange rates. And also for the growing consumer market within the country, China is expanding its requests for imports of the resources it needs. Among other things, there are risk factors that arise independently from the outside, for example, the Covid -19 pandemic, due to which the markets for various goods, including commodities, had a strong drawdown, and most importantly, uncertainty in the future. The nature and level of activity in trade with Asian countries is analyzed. Based on the analysis, conclusions were drawn and it was determined that China, as the largest consumer of world raw materials, plays a significant role in shaping the commodity market.

Keywords: economic transformations, world trade, commodities, reforms, economic growth, energy resources, exports, imports, consumer market, trade and economic cooperation.

Успешные методы экономического преобразования Китая были признаны большинством исследователей и экономистов по всему миру. За короткий период времени китайская экономика стала одной из крупнейших в мире. Быстрому развитию экономики способствовали различные экономические реформы, а также государственная политика, направленная непосредственно на экономический рост и развитие.

В 1978 г. экономика Китая занимала десятое место в мире с ВВП около 160 млрд долл., что равнялось 6% ВВП США. Уже к 2005 г. экономика Китая увеличилась примерно до 2,1 трлн долл., или 18% ВВП США, в результате Китай стал четвертой экономикой в мире после таких гигантов, как США, Япония и Германия. В 2023–2024 году Китай занимает второе место среди стран мира по экономическому уровню развития, а с 2014 года Китай нахо-

дится на первом месте по ВВП, согласно паритету покупательной способности. ВВП Китая в первом полугодии 2024 г. достиг 61,683 трлн юаней, увеличившись на 5,0% в годовом выражении. Хотя обстановка для экономического развития остается сложной, фундамент национальной экономики КНР стабильно улучшается, а позитивные факторы, стимулирующие восстановление и рост экономики, продолжают накапливаться и усиливаться [1].

Начиная с 1978 г. лидеры Китая начали реформировать экономику в рыночную и позволили стране открыться для международной торговли, экспортных возможностей, иностранных консультаций и международных инвестиций. Цели, поставленные правительством, были направлены на укрепление четко спроектированной и контролируемой, но ориентированной на рынок экономики, которая могла бы получить выгоды от участия в быстрорастущей международной экономике. Правительство страны продолжало владеть и управлять большинством экономических и промышленных зон, включая транспорт, производственные компании, финансовые услуги, энергетику и сектор связи, которые важны для экономического роста Китая.

Было начато частное управление сельскохозяйственными угодьями путем долгосрочной аренды для фермеров, а также свободный рынок для мелких предпринимателей и тех, кто предлагает потребительские товары. Международным инвесторам также было разрешено кооперироваться с местным бизнесом и в итоге иметь возможность открывать полностью принадлежащие Китаю предприятия в выбранном регионе. Реформы, проводимые правительством Китая для усовершенствования экономики, показаны в табл. 1.

Таблица 1

Реформы экономического развития Китая

Реформа	Итог
Сельскохозяйственные реформы	Позволили фермерам сохранять и продавать некоторые части своей продукции некоторым частным единицам
Создание исключительных экономических районов вдоль побережья	Привлечение международных инвесторов, стремящихся заработать на минимальных затратах на рабочую силу в стране. Стимулирование импорта более передовых технологий в страну. Развитие экспорта
Запущен процесс экономической децентрализации	Местные органы власти снабжены полномочиями осуществлять экономический контроль над различными проектами в китайских провинциях. Конкурсная основа среди конкурентов в соответствии со стандартами свободной конкуренции
Выбор определенных городов в качестве центров развития	Такие города сертифицированы для открытой или прямой торговли; предоставление им фискальных стимулов для привлечения международных инвесторов. Снижение контроль над ценами на некоторые товары

На сегодняшний день Китай также смог преодолеть трудности экономического роста в определенных сферах, таких как раздутые штаты государственных предприятий и обанкротившиеся банки, за счет преимуществ экономики своих более эффективных стратегий и принципов экономического развития, таких как огромные международные валютные резервы Китая, сравнительно высокая реальная ставка заработной платы, чрезмерные нормы сбережений, сравнительно высокие уровни занятости и минимальный уровень инфляции.

Таким образом, преобразования Китая в сфере экономики можно сформулировать следующим образом.

1. Стремительное экономическое развитие страны не было бы возможным без устойчивого роста производительности и значительных иностранных и внутренних инвестиций.

2. Реформы, проведенные для управления китайской экономикой, повысили экономическую компетентность и способность получать ресурсы, необходимые для развития производительности в промышленности и сельском хозяйстве.

3. Сельскохозяйственные реформы также стали одним из факторов, которые в основном способствовали росту экономики Китая.

4. Страна зависела от перемен после трех десятилетий плановой экономики. Доступ экономики страны к международным инвесторам и торговле стали основой для прихода китайской экономики к рыночному спросу.

5. Непрерывное проведение экономических реформ способствовало, помимо прочего, предотвращению экономических кризисов на начальных этапах этих реформ.

6. Расширение и поддержка экспорта также сыграло одну из ключевых ролей в экономическом развитии страны: благодаря стратегиям роста, направленным на экспорт, страна увеличивает объемы производства, более бережно использует свои ресурсы и ускоряет внедрение передовых технологий. Происходит интеграция в глобальные рынки.

Прямым следствием быстрого экономического подъема Китая стал его растущий спрос на энергию, что оказало значительное влияние на мировые рынки энергетических товаров.

Доля Китая в мировом потреблении первичной энергии выросла с 8% в 1990 г. до 20% в 2010 г. В частности, спрос на нефть и уголь быстро рос за последние два десятилетия и ускорился с 2000 г., отражая быстрый рост ВВП Китая и структурный сдвиг в его экономике в сторону энергоемкой тяжелой промышленности и инвестиций в инфраструктуру.

Сначала Китай пытался дополнить производство электроэнергии сжиженным природным газом – СПГ. Импорт СПГ в 2021 г. составил на 14%

выше, чем за прошлый год, что, в свою очередь, привело к резкому росту цен и имело волновые последствия во всем мире. Помимо прочего, так как основной транзит СПГ-грузов был перенаправлен на восток, он стал дефицитным для стран Европы. Рост цен на газ только подчеркнул важность угля в Китае, который потребляет 55% мировых запасов данного типа сырья. В октябре 2021 г. Китай импортировал почти в 2 раза больше угля, чем в том же месяце 2020 г., что привело к резкому росту цен. На рис. 1 представлено потребление энергетических ресурсов Китаем за последние 10 лет.

Рис. 1. Динамика потребления Китаем энергоресурсов, Мт н. э.

Общее потребление энергии на душу населения в Китае регулярно увеличивается, достигнув 2,7 т н. э. (тонн нефтяного эквивалента)/чел. в 2022 г. (рис. 2). Потребление электроэнергии на душу населения увеличилось более чем на 9,5% до 5 540 кВт·ч в 2022 г., что вдвое превышает уровень 2010 г.

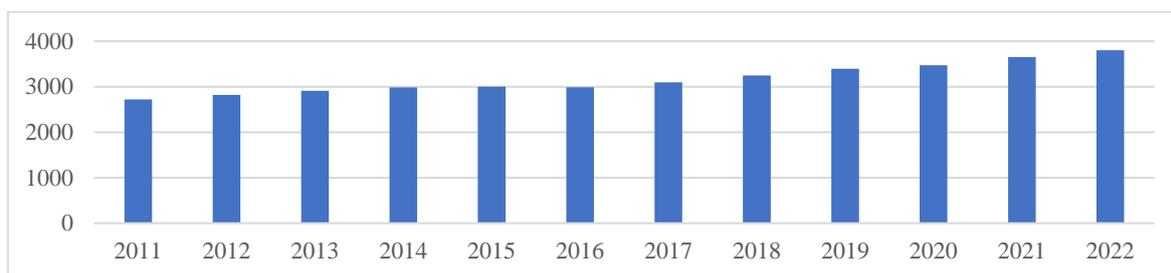

Рис. 2. Общее потребление Китаем энергоресурсов, Мт н. э. [3]

Для растущего потребительского рынка внутри самого Китая страна расширяет свои запросы по импорту необходимых ей ресурсов. Как было показано ранее, основным видом сырья для обеспечения жизнедеятельности как бизнеса, так и обычных граждан, является уголь. Китай – это

крупнейшая угледобывающая страна в мире, добыча которой достигает 4 041 млн т на 2022 г., рост на 2,7% относительно года ранее. На втором месте потребительского списка страны идет нефтегазовая продукция. В 2022 г. Китай импортировал сжиженного газа на 37,4 млрд долл., став 1-м по величине импортером нефтяного газа в мире [4]. В 2021 г. СПГ был 6-м наиболее импортируемым продуктом в Китае. Страна импортирует нефтяной газ в основном из следующих стран: Австралия (9,55 млрд долл.), Туркменистан (5,25 млрд долл.), Катар (4,24 млрд долл.), США (2,47 млрд долл.), Индонезия (1,62 млрд долл.) [4].

Помимо того, что Китай предстает крупнейшей страной – добытчиком угля, он также является крупнейшим импортером этого топлива. В 2021 и 2022 гг. импорт составил более 324 и 283 млн метрических тонн энергетического угля соответственно. В 2022 г. на объем импорта угля Китаем пришлось половина всего мирового импорта [5]. На диаграммах ниже представлены общий импорт угля в Китай за последние шесть лет (рис. 3), а также список основных импортеров угля за 2022 г. в процентном соотношении от общего объема импорта угля в Китай (рис. 4).

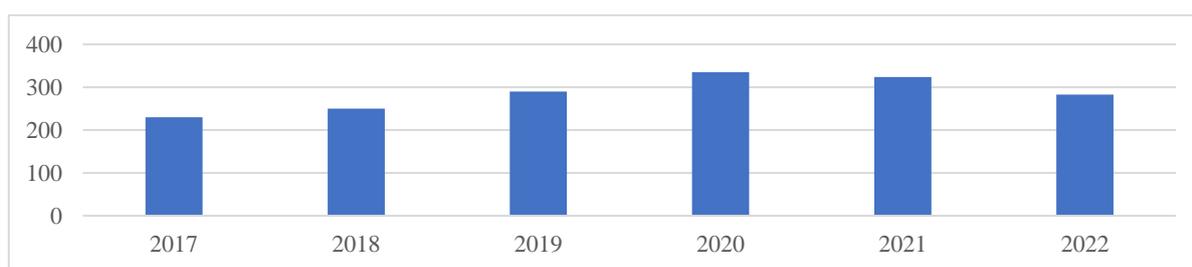

Рис. 3. Импорт угля в Китай, млн т [6]

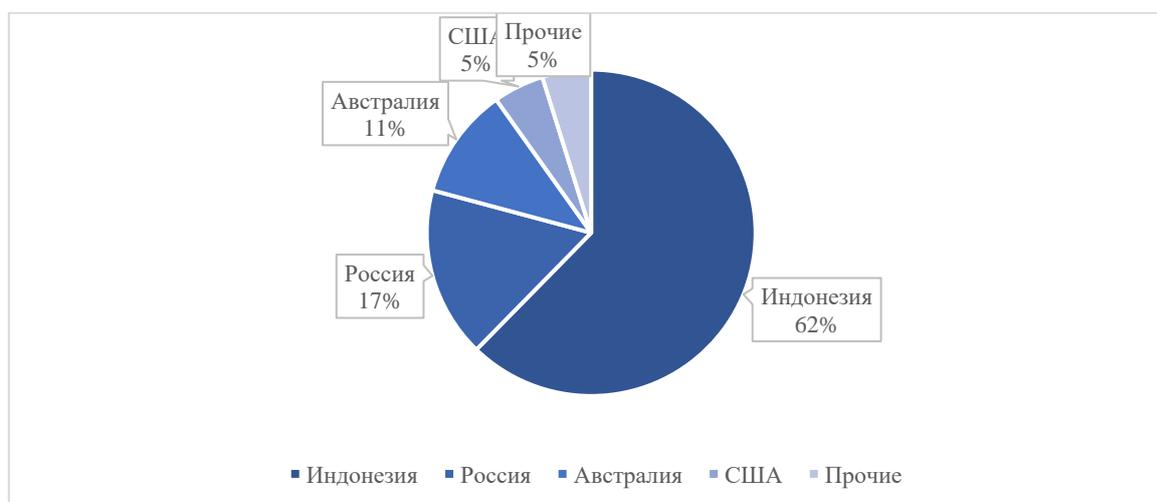

Рис. 4. Основные импортеры угля в Китай, % от общего импорта [6]

Китай имеет договоренности на мировом уровне о сокращении потребления угля, так как данный вид топлива существенно влияет на загрязнение окружающей среды. Таким образом, к 2060 г. Китай обязался полностью уйти от потребности в угле, а к 2030 г. достичь максимума его потребления. На 2025 г. стоит цель достичь минимального роста потребления угля страной. Все это должно положительно отразиться на экологии. Однако это повлияет на экономику многих стран – экспортеров угля, которые в течение многих лет полагались на Китай. И если Россия стала увеличивать свой объем импорта в Китай в связи с западными санкциями, то для прочих крупнейших импортеров Китая это станет по-настоящему большой проблемой.

Так, импорт угля Китаем был значительным источником дохода для стран-экспортеров в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Ущерб для некоторых экономик, таких как Индонезия, ведущего поставщика угля в Китай, вероятно, будет чрезмерным. Любое значительное сокращение импорта угля Китаем будет иметь серьезные последствия для мировой морской торговли углем. Китай является крупнейшим экспортным рынком для Индонезии – крупнейшего в мире экспортера энергетического угля. Сокращение импорта угля Китаем приведет к тому, что Индонезия будет стремиться еще сильнее конкурировать на других рынках с экспортерами, такими как Австралия и Южная Африка. Политика Китая по поэтапному отказу от использования угля может привести к падению ВВП Индонезии на 6% к 2050 г. Однако потеря доходов – не единственный риск, угрожающий многим странам – экспортерам угля. Многие из них приложили достаточные усилия для развития и расширения своего парка угольных шахт. Согласно данным Global Energy Monitor, Австралия предложила 53 проекта по добыче угля, у Индонезии таких проектов – 12 [7]. В обеих странах в настоящее время строятся по пять проектов. Поскольку Китай активно продвигается к своей цели декарбонизации, такие проекты будут сопряжены с огромным риском невозврата активов.

Китай имеет очень высокий уровень активности в торговле с азиатскими странами, для кого-то являясь крупнейшим импортером энергетических ресурсов. Например, страны Ассоциации Государств Юго-Восточной Азии (далее – АСЕАН) видят в Китае основного торгового партнера, коим он явился и в 2021 г. [8]. АСЕАН второй год подряд становится крупнейшим торговым партнером Китая (2020 и 2021 гг.) (рис. 5). Вьетнам, Малайзия и Таиланд входят в тройку крупнейших торговых партнеров Китая региона АСЕАН. Ключевую роль в торговле между Китаем и АСЕАН играет провинция Гуандун, расположенная на юге страны. Согласно таможенным данным Китая, общий объем торговли между Гуандуном и АСЕАН достиг 200,9 млрд долл. в 2022 г., что составляет свыше 20% от всего торгового объема между регионами. При этом экс-

порт составил 101,1 млрд долл., что делает АСЕАН крупнейшим торговым партнером провинции Гуандун [8].

Рис. 5. Объемы торговли между КНР и АСЕАН, 2022 г. [8]

Помимо стран АСЕАН, Китай поддерживает близкие торговые связи со странами Центральной Азии (ЦА). В период своего бурного экономического развития Китай нуждался все в новых экспортерах различного вида сырья. С этим в первую очередь и связано увеличение спроса Китая на экспорт сырья из стран ЦА. Так, например, доля импорта из Туркмении в КНР в 2010 г. составляла 36%; сегодня же это значение превышает отметку в 70% [9]. В табл. 2 представлена доля экспорта сырьевых продуктов стран Центральной Азии в Китай.

Среди стран ЦА существует вариативность в ассортименте экспорта. Так, сырьевые товары превалирует в экспорте в Китай у Туркмении и Таджикистана. На долю экспортных товаров из Туркмении приходится более 80% на топливно-энергетический комплекс, в частности, на газ. Основную долю экспорта Таджикистана и Киргизии занимают руды металлов. В экспорте же Узбекистана, наоборот, превалирует ассортимент промышленной продукции. В целом, если рассматривать ассортимент экспорта из стран ЦА, то доминантную составляющую для Китая составляет сырье, занимая почти 75% от общего объема товаров.

Таблица 2

Доля экспорта сырья странами ЦА в Китай, %

Страна	Год							
	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024 1 п.г
Узбекистан	24,7	19,6	20,1	16,5	14,5	15,1	16,4	18,2
Туркмени- стан	62,8	62,6	59,6	70,7	65,3	65,9	67,1	69,7

Страна	Год							
	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024 1 п.г
Казахстан	12,3	11,9	11,5	12,0	10,3	13,2	13,4	17,2
Таджикистан	11,9	11,6	9,6	10,3	11,2	11,4	11,6	11,9
Кыргызстан	2,7	3,8	6,8	5,8	6,2	6,7	6,8	7,1

Источник: составлено авторами.

Можно говорить о том, что ЦА, главным образом, обеспечивает нужды Китая в сырьевых ресурсах настолько это возможно сегодня. Взамен страны региона получили доступ к проходу через китайскую провинцию Синьцзян, что существенно облегчило путь к портовому городу Пакистана Гвадар, и решило проблему распространения своей экспортной продукции по множествам направлений, включая страны Персидского залива и Южной Азии. Сегодня на Китай приходится значительная доля мировой торговли сырьевыми ресурсами (табл. 3).

Таблица 3

Объем импорта/экспорта сырьевых товаров Китая в 2022 г.

Наименование товара	млрд долл.
<i>Экспорт</i>	
Переработанная нефть	23,9
Фанера	4,12
Нефтяной газ	2,37
Чай	1,75
<i>Импорт</i>	
Сырая нефть	150
Железная руда	99
Нефтяной газ	36,6
Золото	7,39
Соевые бобы	37,4
Очищенная медь	31,7

Стоит отметить, что в тройку крупнейших экспортных направлений Китая входят США (499 млрд долл.), Гонконг (282 млрд долл.) и Япония (155 млрд долл.). Самыми быстрорастущими торговыми рынками для Китая являются Гонконг, США и Нидерланды.

Общий объем импорта в размере 1,55 трлн долл. делает Китай вторым по величине торговым направлением в мире. Наиболее зависимым от импорта становится сельскохозяйственный сектор Китая. В табл. 4 представлены основные торговые партнеры Китая за последние шесть лет.

Объем импорта/экспорта Китая за 2017–2022 гг. [9]

Страна	Год					
	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Экспорт/импорт, млрд долл.						
США	430/154	479/156	419/123	452/136	577/180	579/184
Гонконг	279/7	301/8	278/9	271/6	349/9	35/11
Япония	137/165	147/180	143/171	142/174	165/205	169/211
Юж. Корея	102/177	108/204	110/173	112/173	148/213	152/219
Вьетнам	71/50	83/63	97/64	113/78	137/92	143/101

Заключение. В результате проведенного обзора теоретико-методологических основ и тенденций, можно выделить следующие основные факторы, влияющие на современную глобальную торговлю сырьевыми товарами в призме бурного экономического роста Китая:

- высокий уровень развития индустриализации Китая – большой спрос на сырьевые товары (в частности, ежегодный высокий спрос на уголь, увеличивающийся спрос на нефть);
- исполнение мировых обязательств по улучшению охраны и очищению окружающей среды – только от одних разговоров на официальном уровне могут проседать показатели экономик стран-экспортеров;
- динамика стоимости сырья зависит от объемов спроса на него – цены на сырьевые товары реагируют на изменение глобальной экономической активности.

В целом, можно сделать вывод, что существует значительная разница стоимости большинства сырьевых товаров в разной степени из-за скачков экономической активности в Китае, процентных ставок и обменных курсов. Товары демонстрируют различную степень реакции на собственные ценовые скачки, что характеризует достаточное постоянство, ожидаемое от цен на товары. Стоит добавить, что реакция на такой фактор, как скачки обменных курсов, является негативной и постоянной. Объемы мировой торговли сырьевыми товарами зависят от нестабильности экономических факторов, практически взаимосвязанных друг с другом, такие как спрос, предложение, стоимость. Здесь Китай как крупнейший потребитель мирового сырья, играет значительную роль в формировании рынка сырьевых товаров.

Помимо прочего, существуют факторы риска, образующиеся независимо извне, например, пандемия Covid-19, из-за которой рынки различных товаров, включая сырьевые, имели сильную просадку, а самое главное – неопределенность в будущем: будет развитие рынка, стагнация или спад. Китай здесь также имеет существенный вес, так как в зависимости от того, насколько быстро страна справляется с такими кризисами,

страны-экспортеры и рынок в целом будут сами быстрее выходить из глобального кризиса и восстанавливать свои позиции и торгово-экономические отношения.

Рассматривая вопрос о том, можно ли предсказать экономический рост в Китае в зависимости от цен на сырьевые товары, можно рассмотреть основной потребляемый Китаем ресурс – уголь, высокая зависимость от которого существует у страны до сих пор. Здесь цены имеют обратную зависимость с экономической активностью Китая.

Несмотря на то, что на Китай оказывалось давление с целью диверсификации в сторону других источников энергии, особенно из-за экологических проблем, все же есть свидетельства того, что цены на уголь могут предсказать экономический рост в Китае. И наоборот, если в Китае произойдет замедление роста, это может повлиять на цены на уголь. Так, добыча угля в Австралии и Индонезии пострадала из-за спада в Китае.

После кризисного периода мировую экономику длительное время будет преследовать инфляция. В течение следующих десятилетий мировая денежная система может быть пересмотрена, а Китай будет пытаться ввести цифровую валюту в Азиатском регионе на замену доллара США.

С ростом общей мощности Китай стал страной, которая лидирует в торгово-экономическом сотрудничестве со странами Азиатского региона.

Литература

1. В Пекине уверены в способности экономики Китая вырасти на 5% в 2024 году. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.interfax.ru/world/951283> (Дата обращения: 07.08.2024).

2. Перспективы газовой отрасли Китая: сохранится ли «окно» возможностей для российского сырья? [Электронный ресурс]. – URL: <https://energypolicy.ru/perspektivy-gazovoj-otrasli-kitaya-sohranitsya-li-okno-vozmozhnostej-dlya-rossijskogo-syrya/gaz/2022/11/24/> (Дата обращения: 07.08.2024).

3. Энергетический сектор Китая: пути к устойчивому развитию China's Energy Sector: Paths to Sustainable Development [Электронный ресурс]. – URL: <https://eee-region.ru/article/7715/> (Дата обращения: 09.08.2024).

4. Мировой рынок СПГ Структурные особенности и прогноз развития [Электронный ресурс]. – URL: <https://magazine.neftegaz.ru/articles/rynok/769892-mirovoy-rynok-spg-strukturnye-osobennosti-i-prognoz-razvitiya/> (Дата обращения: 09.08.2024).

5. Китай нарастил импорт российского угля в 2022 году [Электронный ресурс]. – URL: https://www.alt.ru/external_news/96553/ (Дата обращения: 01.08.2024).

6. Объемы добычи, экспорта и импорта угля в Китае. [Электронный ресурс] // URL: <https://digitalved.ru/knowledge-base/obemy-dobychi-eksporta-i-importa-uglya-v-kitae/> (Дата обращения: 01.08.2024).

7. Развивающаяся угольная энергетика в Индонезии: темные тучи на горизонте чистой энергетики [Электронный ресурс]. – URL: <https://globalenergymonitor.org/>

ru/report/emerging-captive-coal-power-in-indonesia-dark-clouds-on-clean-energys-horizon/(Дата обращения: 07.08.2024).

8. Чжиян Линь. Сотрудничество Китая и АСЕАН: перспективы и дилеммы [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotrudnichestvo-kitaya-i-asean-perspektivy-i-dilemmy> (Дата обращения: 03.08.2024).

9. Chen Q., Chen Z., Liu Z. et al. Regulating Conglomerates: Evidence from an Energy Conservation Program in China. [Электронный ресурс]. – UR: https://www.jcsuarez.com/Files/Top_1000.pdf (Дата обращения: 09.08.2024).

УДК 330

С.Н. Пшеничникова

*Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: sveta_nikolaevna@list.ru*

ПОВЕДЕНИЕ ДОМОХОЗЯЙСТВ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Аннотация. На современном этапе развития Россия достигает определенного социально-экономического прогресса: положительный экономический рост за 2023 г. на 3,6%, рост ВВП на душу населения, рост производительности труда – на 1,7% в 2023 г. после падения – на 3,6% в 2022 г. Следовательно, существует проблема достижения дальнейшей положительной динамики основных макропоказателей, которая обусловлена, в том числе и поведением домохозяйств, определяемым как потребительское.

Ключевые слова: экономика, домохозяйство, макропоказатели, социально-экономическое развитие.

S.N. Pshenichnikova

*St. Petersburg State University of Economics
Saint Petersburg, Russian Federation
E-mail: sveta_nikolaevna@list.ru*

HOUSEHOLD BEHAVIOR AS A FACTOR OF RUSSIA'S SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT

Abstract. At the present stage of development, Russia is achieving certain socio-economic progress: positive economic growth in 2023 by 3.6%, GDP per capita growth, labor productivity growth by 1.7% in 2023 after falling by 3.6% in 2022. Consequently, there is a problem of achieving further positive dynamics of the main macro indicators, which is due, among other things, to household behavior, defined as consumer behavior.

Keywords. economy, household, macro indicators, socio-economic development.

Одной из проблем, затрагиваемых в междисциплинарном семинаре, разработанном заслуженным деятелем науки и РФ, почетным профессором СПбГЭУ И.Д. Афанасенко «Россия в изменяющемся мире: новые смыслы и векторы развития», является проблема, обозначенная им как «воспитание сознания». Действительно, то, что эта проблема актуальна для современной России, трудно не согласиться.

С точки зрения экономической теории человек является центральным субъектом хозяйственной системы, а развитие человека и повышение его благосостояния определяется в качестве основной стратегической цели функционирования любого общества.

Воспитание сознания тесно связано, прежде всего, с духовным развитием человека, нацеленным на формирование гармоничной цельной личности. В настоящее время, осуществив переход к рыночной экономике, в российском обществе стали насаждаться западные ценности, связанные, прежде всего с индивидуализмом и эгоизмом. Интересы личности выдвигаются на первый план.

Способствуют этому и изменение структуры российской экономической системы. Денежный и финансовый сектора в целом начинают преобладать над реальным сектором, вызывая неподдельный интерес в обществе к быстрому и достаточно малозатратному способу повышения своего материального благополучия и подчас обогащения (например, «МММ» и другие финансовые пирамиды, огромное количество блогеров).

Вся экономическая система становится подчиненной финансовому сектору и его инструментам. В школах начинают готовить школьников для узкоспециализированной деятельности. Например, Сбербанк по всей стране начал открывать свои классы, подготавливая будущих сотрудников для банковской деятельности [2]. Однако руководители проекта утверждают, что появление класса не означает шаг к дистанционному обучению. Однако в настоящий момент в регионе большинство школ включены в проекты по цифровизации образования.

Таким образом, мы видим повсеместные тренды на цифровизацию многих сфер человеческой деятельности, где фактически отсутствуют какие-либо воспитательные аспекты. Для достижения целей воспитания сознания, например, в таких учебных заведениях, как школа, по нашему мнению, должны в большем объеме преподаваться такие дисциплины, как литература (сейчас происходит сокращение часов на изучение произведений классиков русской литературы), новейшей истории России (школьники подчас не знают, что в блокаде находился Ленинград, а не Сталинград), обществознание, специально посвященные воспитательным аспектам классные часы и др. Например, в школах Франции недавно введены такие уроки, которые посвящены воспитанию, объясняющие,

что счастье человека – это не материальное благополучие, а как раз духовное, морально-нравственное развитие.

Школа начинает ориентировать учеников на получение специальности, в вузах происходит окончательное формирование личностного мировоззрения, в том числе, основанного на определенных профессиональных компетенциях. Духовность, нестяжательство, совесть, взаимовыручка, высокие нравственные ориентиры уходят на второй план. Следует отметить современную тенденцию: не только молодежь в большинстве своем ориентирована посредством получения образования на получение, в первую очередь, достаточного дохода, но и население других возрастных категорий (среднего и старшего возраста) также нередко преследуют цели материального благополучия в ущерб развития других составляющих личностных характеристик человека.

Однако, в первую очередь, при выборе профессии нужно ориентироваться на тот момент, приносит ли она пользу обществу, соответствуют ли способности человека выбранной специализации, будет ли человек с удовольствием осуществлять трудовую деятельность или будет ею тяготиться?

В связи с этой чрезвычайно важной проблемой, поднимать которую в обществе и, особенно, среди молодежи необходимо, и выступает И.Д. Афанасенко. Созвучны ему и высказывания директора Курчатовского института М. Ковальчука о том, что сейчас повсеместно в обществах с рыночной экономикой подготавливаются «служебные люди», люди, которые узко мыслят, узкоспециализированы, недальновидны, приоритетно нацеленные на карьерный рост и получение больших доходов. И в этом аспекте важна проблема воспитания сознания, формирования мировоззрения, основанного на морально-нравственных ценностях. Также и президент России Владимир Владимирович Путин в одном из своих выступлений сказал следующее: «Пока мы занимались инновациями, то упустили воспитание».

Важной хозяйствующей единицей рыночной экономики становится домашнее хозяйство, основная функция которого – потребительская и сберегательная. Такие аспекты, как демографическая, воспитательная функции отодвигаются на второй план, поскольку уже не семья, а домохозяйство становится главным субъектом рынка. Отсюда и нарастание проблем в российском обществе, которые многие годы озвучиваются на всех уровнях власти. И главная среди них – демографическая проблема, нежелание воспроизводить потомство, заботится о нем, воспитывать. И здесь воспитание сознания может исправить ситуацию.

Однако эта проблема чрезвычайно сложна. Рассмотрим, что такое сознание. Дэвид Чалмерс – австралийский философ, в 1996 году опубликовал свой труд, в основу которого была положена его докторская диссертация под названием «Сознающий ум. В поисках фундаментальной теории».

В своей книге Д. Чалмерс ставит вопрос о том, что такое сознание, и отрицает возможность его редуцирующего объяснения (прим.: редуционизм – методологический принцип, согласно которому сложные явления могут быть полностью объяснены с помощью законов, свойственных явлениям более простым). Д. Чалмерс утверждает, что нужно выйти за рамки строгой материалистической системы и развивает теорию сознания, основанную на дуализме свойств, согласно которому сознание не может быть выведено из физической основы, но порождается ею [8].

Теория Д. Чалмерса объясняет, как порождается сознание, чтобы его возникновение не казалось сверхъестественным. Таким образом, главный вопрос, который решает ученый – почему все, что чувствует человек, он чувствует именно так, а не иначе. Тогда согласно данной теории, сознание человека тесно связано с его физическим состоянием. И все мы помним лозунг «В здоровом теле – здоровый дух». И здесь возникает еще один аспект исследуемой проблемы – физическое и духовное здоровье нации. Здоровье нации отражается на формировании количественно-качественных характеристик рабочей силы, которая участвует в создании базиса общественно-экономической формации. По данным официальной статистики, картина в российском обществе достаточно сложная.

В проведенном исследовании были представлены результаты анализа специфических воспроизводственных характеристик рабочей силы в отечественной экономике в сопоставлении с рядом стран мира, в частности, с развитыми странами [1]. Процесс производства рабочей силы будем определять следующими характеристиками: демографическая ситуация, изменения экономической активности в структуре населения, изменения половозрастного состава населения, уровень безработицы, уровень образования и состояние фундаментальной науки.

Проанализируем такую характеристику, как демографическая ситуация. За период 1990–2013 гг. численность населения России снизилась с 147,6 до 143,3 млн чел. в 2013 году. Это произошло за счет ухудшения демографической ситуации, выразившейся в значительной естественной убыли населения, достигшей максимума в 2000 году почти в 1 млн чел. (949 тыс. чел.). В 2014 г. в результате присоединения Крыма численность населения страны возросла до 146,2 млн чел. Однако по состоянию на 01.01.2021 численность населения составила 145,4 млн чел., в результате роста естественной убыли населения в 945 тыс. чел., аналогично ситуации в 2000 году (табл. 1).

В 2021 г. естественная убыль населения достигает 945,1 тыс. чел. (выросла на 64% по сравнению с 2020 г. как следствие пандемии), это второй по значимости спад за период 1990–2023 гг. (первый спад в 949,1 тыс. чел. в 2000 г.). Миграционный прирост за 2021 г. составил 227,7 тыс. чел., в

сумме общая убыль населения равна (–717,4 тыс. чел.). По данным за 2023 г., численность населения России на конец года составила 146,2 млн чел., за год численность населения снизилась на 243,8 тыс. чел. Прироста по сравнению с 2021 г. практически не наблюдается [7].

Таблица 1

Динамика изменения численности населения Российской Федерации и структурных компонентов за период 1990–2021 гг., тыс. чел. [3–7]

Год	Население на начало года	Изменения за год			Население на конец года	Общий прирост за год, %
		общий прирост	естественный прирост	миграционный прирост		
1990	147665,1	608,6	333,6	275,0	148273,7	0,41
1995	148459,9	-168,3	-822,0	653,7	148291,6	-0,11
1999	147539,4	-649,3	-918,8	269,5	146890,1	-0,44
2000	146890,1	-586,5	-949,1	362,6	146303,6	-0,40
2001	146303,6	-654,3	-932,8	278,5	145649,3	-0,45
2002	145649,3	-685,7	-916,5	230,8	144963,6	-0,47
2003	144963,6	-630,0	-888,5	258,5	144333,6	-0,43
2004	144333,6	-532,6	-793,0	260,4	143801,0	-0,37
2005	143801,0	-564,4	-846,5	282,1	143236,6	-0,39
2006	143236,6	-373,9	-687,1	313,2	142862,7	-0,26
2007	142862,7	-115,2	-470,3	355,1	142747,5	-0,08
2008	142747,5	-10,3	-362,0	351,7	142737,2	-0,01
2009	142737,2	96,3	-248,9	345,2	142833,5	0,07
2010	142833,5	31,9	-239,6	271,5	142865,4	0,02
2011	142865,4	191,0	-129,1	320,1	143056,4	0,13
2012	143056,4	290,7	-4,30	295,0	143347,1	0,20
2013	143347,1	319,8	24,0	295,8	143666,9	0,22
2014	146267,2	304,4	33,7	270,7	146571,6	2,02
2021	146171,0	-717,4	-945,1	227,7	145453,6	-0,80
2023	145960,2	35,7	-167,9	203,6	146204,0	-0,17

В 2021 г. естественная убыль населения достигает 945,1 тыс. чел. (выросла на 64% по сравнению с 2020 г. в основном из-за пандемии), это второй по значимости спад за период 1990–2023 гг. (первый спад в 949,1 тыс. чел. в 2000 г.). Миграционный прирост за 2021 г. составил 227 703 чел., в сумме общая убыль населения равнялась (–717,4 тыс. чел.). По данным за 2023 г., численность населения России составила 146,1 млн чел., прироста по сравнению с 2021 г. не наблюдается.

За последние 30 лет только за четыре года (1990, 1991, 2013, 2014) в России наблюдался положительный естественный прирост населения соответственно: 333,6 тыс. чел., 104,9 тыс. чел., 24,0 тыс. чел., 33,7 тыс. чел. Таким образом, если за период 1990–1991 гг. общий прирост получался как сумма положительного естественного и миграционного приростов, то за период 1992–2012 гг. наблюдалась другая ситуация, а именно, миграционный прирост «спасал» динамику общего прироста в 6 раз: 1992 г., 1994 г., 2009–2012 гг.

Важной характеристикой населения и рабочей силы является средняя продолжительность жизни, которая в России в начале XXI века составляла 66,7 лет (58–60 лет у мужчин). За период 2013–2014 гг. средняя продолжительность жизни американцев составляла 78,1 года (в 1990 году – 75,4 года), в Японии этот показатель достигал 82,1 года (78,7 лет для мужчин), в России – 69,8 лет (64 года для мужчин, 75,6 лет для женщин. Минздрав России сообщил, что средняя продолжительность жизни в Российской Федерации достигла в 2019 г. исторического максимума – 73,4 года. В 2022 г. средняя продолжительность жизни в стране достигала лишь 72,4 года (156-е место в мире). По итогам 2023 г. продолжительность жизни в России составила 73,5 года. По данному параметру пока так же не наблюдается существенного роста, динамика циклическая. На основании международных критериев население страны считается старым, если доля людей в возрасте 65+ превышает 7%. На начало 2020 г. эта доля в населении России составляла 15,5%. На начало 2023 г. численность населения в этой возрастной категории насчитывала 24,1 млн чел., что соответствует 16,5% в структуре населения [5].

Сравним динамику численности населения в российской экономике и развитых странах мира за период 2011–2023 гг. (табл. 2).

Таблица 2

Динамики численности населения России и развитых стран мира за период 2011–2023 гг., тыс. чел. [8; 9]

Страна	Численность населения России и развитых стран мира на начало года					
	2011	2012	2013	2014	2020	2023
Германия	81 797,6	81 932,1	81 060,0	80 920,0	80 159,6	84 432, 6
Италия	60 624,4	60 916,2	61 178,3	61 417,6	62 402,6	58 784, 7
Канада	3 4 483,9	34 880,4	35 317,5	35 711,7	37 694,2	39 500,6
Великобритания	63 258,1	63705,0	62 571,4	64 090,6	65 761,1	67 736,8
США	311 582,6	313 873,7	316 128,8	318 892,1	332 639,1	335 893, 2
Франция	63 224,4	63 519,9	63 794,1	64 359,6	67 848,1	68 521, 9
Япония	127 799,0	127 515,0	127 298,0	126 948,8	125 507,4	124 470, 0
Россия	142 865,4	143 056,4	143 347,1	146 267,2	146 171,1	146 447, 4

Численность населения в целом, и в частности, демографическая ситуация, непосредственно обуславливают количественные и качественные характеристики рабочей силы. Эффективное функционирование экономической системы с точки зрения ее структурного состава способствует достижению не только стабильного экономического роста, но и обеспечивает прогрессивность ее развития посредством создания и внедрения инноваций, что, несомненно, повышает уровень конкурентоспособности экономики в мировом масштабе.

США занимают третье место в мире по численности населения (2023 г. – 335,8 млн чел.), уступая лишь Китаю (2023 г. – 1 409,0 млн чел.) и Индии (2023 г. – 1 428,6 млн чел.). Россия в данном рейтинге находится на 9 месте, однако среди развитых стран занимает второе место после США. При этом в американской экономике наблюдается и достаточно эффективное соотношение разных возрастных групп: 20,1%, 66,8%, 13,1%. Напомним, что в России доля населения старшего возраста составила в 2023 г. 16,5%, при этом чаще всего наблюдается отрицательный естественный прирост населения.

Темпы роста производительности труда в отечественной экономике показывают циклическую динамику. На 2021 г. производительность труда в России была ниже, чем во Франции и Германии примерно в 2 раза, по сравнению с США – ниже в 2,3 раза по ППС. В 2022 г. производительность труда снизилась на 3,6% по сравнению в 2021 г. В 2023 г. рост составил 1,7%, однако докризисный уровень не достигнут [10].

Таким образом, в целом в сравнении с развитыми странами, демографическая ситуация в РФ за длительный период времени (1990–2023) оценивается как в целом неблагоприятная исходя из параметра отрицательного естественного прироста населения, показателя старения населения (16,5%) и относительно невысокой продолжительности жизни (73,5 года на 2023 г.).

Таким образом, в современной России уже возникает проблема кадрового дефицита, которая упирается в трудно решаемую демографическую проблему, обуславливающую, в том числе, и низкие темпы роста производительности труда. Демографическая ситуация обусловлена поведением населения, которое формируется, прежде всего, как потребительское, направленное на рост прибыли предпринимательского сектора. Отсюда один из главных выходов из замкнутого круга: демографическая проблема – отсутствие роста численности населения страны в целом – риск снижения численности рабочей силы в будущем по причине отрицательного естественного прироста – недостаточный рост производительности труда – невозможность достижения положительной динамики экономического роста –

проблемы социального характера, видится в «воспитании сознания», духовном развитии личности на основе высоких морально-нравственных ориентиров, которые будут способствовать формированию ответственности населения за своё будущее, способствующее социально-экономическому развитию и процветанию России.

Статья выполнена в рамках инициативной НИР Санкт-Петербургского государственного экономического университета «Государство и рынок: евразийская доминанта развития в условиях формирования многополярного мира».

Литература

1. Пшеничникова С.Н. Характеристики рабочей силы в современной России: структура, динамика, последствия пандемии // Известия СПбГЭУ. 2022. № 3 (135). С. 14–21.
2. Первый СберКласс открыли в нижегородской школе [Электронный ресурс]. – URL: <https://news.rambler.ru/education/44960184-pervyy-sberklass-otkryli-v-nizhegorodskoy-shkole/0> (Дата обращения: 02.09.2024).
3. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/komp-chisl.xls (Дата обращения: 12.09.2024).
4. Население России: численность, динамика, статистика [Электронный ресурс] – URL: <http://www.statdata.ru/russia> (Дата обращения: 12.09.2024).
5. В России доля населения в возрасте 65 лет и старше увеличилась вдвое за последние 50 лет [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/18031025> (Дата обращения: 10.09.2024).
6. Численность населения России по годам: 1992–2021 [Электронный ресурс]. – URL: <http://global-finances.ru/chislennost-naseleniya-rossii-po-godam> (Дата обращения: 10.09.2024).
7. Росстат раскрыл, как изменилось количество россиян в 2023 году [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/26/01/2024/65b35c489a79472c59f28fe9> (Дата обращения: 14.09.2024).
8. Country statistical profiles [Электронный ресурс]. – URL: <http://stats.oecd.org/#> (Дата обращения: 14.09.2024).
9. Численность населения стран мира на 2023 год [Электронный ресурс]. – URL: <https://total-rating.ru/2003-chislennost-naseleniya-stran-mira-na-2023-god..html> (Дата обращения: 14.09.2024).
10. Работа робота: за счет чего Россия будет обеспечивать производительность труда [Электронный ресурс]. – URL: <https://iz.ru/1666096/dmitrii-migunov/rabota-robotaza-schet-chego-rossiia-budet-uvlichivat-proizvoditelnost-truda> (Дата обращения: 15.09.2024).
11. David Chalmers. The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory. New York: Oxford University Press, 1996.

Г.В. Якшибаева

Уфимский университет науки и технологий

г. Уфа, Российская Федерация

E-mail: Gulnara270271@yandex.ru

РЕГУЛИРОВАНИЕ ДВИЖЕНИЯ РАБОЧЕЙ СИЛЫ (ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ) НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Аннотация. В статье рассматривается регулирование движения рабочей силы (трудовой миграции) в регионах Российской Федерации. Дается характеристика различных форм движения рабочей силы. Осуществляется анализ движения рабочей силы, выявляются тенденции. Предлагается авторский подход регулирования движения рабочей силы в регионах в условиях цифровизации экономики.

Ключевые слова: рабочая сила, движение, трудовая миграция, регионы, регулирование.

G.V. Yakshibaeva

Ufa University of Science and Technology,

Ufa, Russian Federation

E-mail: Gulnara270271@yandex.ru

REGULATION OF THE MOVEMENT OF LABOR (LABOR MIGRATION) AT THE REGIONAL LEVEL

Abstract: The article discusses the regulation of the movement of labor (labor migration) in the regions of the Russian Federation. The characteristics of various forms of labor movement are given. The analysis of the movement of labor is carried out, trends are identified. The author's approach to regulating the movement of labor in the regions in the context of digitalization of the economy is proposed.

Keywords: labor force, movement, labor migration, regions, regulation

Рабочая сила представляет собой важнейшую экономическую категорию, характеризующую совокупность физических и интеллектуальных способностей работника, необходимых для осуществления трудовой деятельности. Она является главной производительной силой хозяйственной системы и решающим фактором производства.

В научной литературе под движением рабочей силы в узком смысле понимается перемещение работников между рабочими местами внутри предприятия, в широком смысле означает движение между регионами, государствами и континентами.

Движение рабочей силы считается сложным, многогранным социально-экономическим явлением, которая проявляет себя через различные формы, в результате чего изменяются ее качественные и количественные

характеристики. Совершенно очевидно, трансформационные преобразования данного явления обусловлены диалектикой вещественных и личных факторов производства.

Как правило, движение рабочей силы проявляет себя через различные формы [1], наиболее распространенными среди них являются следующие.

1. Социальное движение рабочей силы, при котором происходит изменение статуса работника, в результате перехода из одного положения в другое.

2. Территориальное движение рабочей силы, где происходит перемещение работников относительно различных регионов, а также внутри региона. На практике нередко территориальное движение рабочей силы сопрягается с другими формами движения, так как перемещение из одного населенного пункта в другой может сопровождаться сменой профессиональной деятельности, а также социального статуса.

3. Движение, обусловленное трудовой деятельностью (профессиональное движение), подразумевает перемещение работников относительно рабочих мест и, соответственно, изменение профессионально-квалификационных характеристик рабочей силы в процессе труда. Эти преобразования могут осуществляться как в рамках одного предприятия, так и между предприятиями в одной отрасли, а также между различными отраслями, находящимися на разных территориях, регионах. В современный период в связи с развитием НТП и цифровизации мировой экономики отмирают старые и требуются новые профессии и специальности, особенно нынешней экономике необходимы работники, обладающие творческими, интеллектуальными и духовными способностями к трудовой деятельности. Безусловно, это ведет к активизации мобильности рабочей силы, которая выражается в необходимости постоянного повышения уровня образования и квалификации, и проявляется в перемещении работников из групп неквалифицированного труда в группы квалифицированного труда.

Воздействие различных факторов, как внешних, так и внутренних, усложняет и совершенствует структуру и состав рабочей силы во всех видах экономической деятельности, отраслях и секторах экономической системы и, следовательно, интенсифицирует профессионально-квалификационное движение рабочей силы. Важнейшую роль при этом выполняет уровень оплаты труда. Несмотря на то, что наблюдается ярко выраженная дифференциация заработной платы в различных отраслях и сферах экономической деятельности, высококвалифицированный и высокопрофессиональный труд является, как правило, высокооплачиваемым, что в современный период выступает мощным стимулом и мотивом всех форм движения рабочей силы без исключения.

Итак, профессиональное движение, тесно переплетается с территориальным и социальным движением, так как процессы преобразований профессионально-квалификационных характеристик работников, могут сопровождаться переменой места жительства, населенного пункта, региона, страны, а также сменой социального статуса.

4. Естественное движение рабочей силы. Данная форма движения обусловлена воспроизводственными процессами рабочей силы (рождаемость, смертность, миграция), что является естественной основой формирования численности населения страны и, в частности, рабочей силы, ее половозрастную структуру и характеристики. На первый взгляд, естественное движение рабочей силы, рассматривается как обособленная форма, потому что оно обеспечивает формирование и воспроизводство рабочей силы для экономики, и никак не зависит от других форм ее движения. Вместе с тем, изменения возрастных, половых параметров работников ведет к количественным переменам движения других форм. Если в стране складывается благополучная социально-экономическая, политическая, демографическая и культурная ситуация, то в стране, как правило, растет рождаемость, падает смертность и оптимизируются миграционные перемещения, что будет положительно отражаться и на других формах движения, изменяя количественные и качественные показатели рабочей силы. Выходит, что все взаимосвязано и взаимообусловлено.

Таким образом, естественное движение рабочей силы создает общий фон – главный фундамент формирования ее численности, благодаря которому и осуществляются все другие различные формы ее движения.

Движение рабочей силы на международном, национальном рынке труда проявляется через трудовую миграцию. Трудовая миграция – важнейшая форма движения рабочей силы, обусловленная экономическими причинами, территориальным перемещением, изменением места жительства с целью осуществления трудовой деятельности. Цель перемещения – трудовая деятельность, возраст субъектов движения – трудоспособный. Трудовая миграция проявляет себя как внутри страны, так и за ее пределами, позволяя распределять и перераспределять работников по регионам, странам и континентам, она таким образом способствует росту производительных сил. Часто она бывает сопряжена с другими формами движения рабочей силы.

Направления трудовой миграции определяется уровнем экономического развития страны: рабочая сила перемещается от более «худших» условий, к более «лучшим». Большое значение имеют различия в уровнях заработной платы, безработица, развитие международных транснациональных корпораций и др. [2].

Среди множества функций, осуществляемых трудовой миграцией (ускорительная, селективная, перераспределительная, социальная и экономическая), экономическая функция является наиболее важной, так как она способствует соединению средств производства (капитал) с необходимой рабочей силой (труд), которая позволяет достигать качественно-количественного соответствия вещественного и личностного факторов производства. Решение отмеченной актуальнейшей задачи позволяет обеспечивать эффективность производственных отношений и, следовательно, экономический рост.

Проанализируем движение рабочей силы (трудовую миграцию). Если рассматривать трудовую миграцию за счет международных передвижений в разрезе регионов Российской Федерации, то более интенсивные потоки наблюдаются со странами СНГ по сравнению с другими зарубежными странами. Абсолютное лидерство по миграционному приросту за счет международных передвижений по итогам 2023 года у **Московской области** – 29 902 человек. Потоки международных трудовых мигрантов преимущественно из стран СНГ (28 313 чел.), прибывающие в Московскую область, связаны преимущественно с обслуживанием экономики как столицы, так и области. Большинство трудовых мигрантов регистрируются в более доступной по параметру стоимости жилья территориях Московской области. **Ханты-Мансийский автономный округ** обеспечил прирост международных мигрантов в количестве 14 265 человек. Практически на 100% этот прирост обеспечен передвижениями со странами СНГ и, преимущественным образом, связан с трудовой миграцией. **Краснодарский край** замкнул тройку лидеров по анализируемому показателю – 7 894 человека. В число лидеров среди субъектов Российской Федерации также входит Челябинская область (5 086 чел.), Красноярский край (4 902 чел.), Самарская область (4 282 чел.) и Республика Татарстан (4 186 чел.) [3].

По межрегиональному движению рабочей силы по итогам 2023 года к регионам, в которых наблюдался миграционный прирост населения за счет передвижений трудовых мигрантов из других регионов, относятся 29 субъектов Федерации из 85 наблюдаемых статистикой.

Наибольший миграционный (внутренний) прирост зафиксирован в Московской области – 51 403 человек. Традиционно высокий прирост наблюдается в Москве, он составил 39 847 человек. Краснодарский край обеспечил миграционный прирост в количестве 24 602 человека.

В десятку регионов – лидеров по абсолютному миграционному приросту по итогам прошлого года также вошли: Ленинградская обл. – 21 413 чел., Ростовская область – 11 660 чел., Санкт-Петербург – 10 040 чел., Ханты-Мансийский автономный округ – 6 775 чел., Севастополь – 5 893 чел., Республика Крым – 4 772 чел., Красноярский край – 4 754 чел.

Наибольший миграционный отток населения в абсолютном значении наблюдался в следующих пяти регионах: Оренбургская область – (-6469) чел., Иркутская область – (-6296) чел., Кемеровская область – (-5526) чел., Республика Дагестан – (-5407) чел., Омская область – (-5377) чел. [4].

Итак, из анализа движения рабочей силы видно, что распределение трудовых мигрантов происходит крайне неравномерно в стране, массовые потоки направляются и концентрируются, как правило, в относительно экономически развитые и благополучные регионы России, что совершенно не обеспечивает качественно-количественного соответствия факторов производства, рабочей силы и средств производства. Совершенно очевидно, потоки направляются туда, где есть спрос и где предлагается относительно высокая заработная плата. Это свидетельствует о том, что работают преимущественно рыночные механизмы в стране, отсутствует эффективное государственное регулирование. Необходимо активное государственное, региональное регулирование движения рабочей силы.

Государственное регулирование рынка труда должно исходить из макроуровня с тем, чтобы целостно управлять процессами, происходящими на рынке труда во избежание разбалансирования и возникновения социальных конфликтов в регионах [5]. Происходящие изменения в области занятости трудоспособного населения в стране и регионах в результате воздействия глобальных политических, экономических, демографических, эпидемиологических и культурных факторов требуют переосмысления применения методов, способов и инструментов регулирования рынка труда в регионах и в стране в целом.

В настоящее время отечественные и ряд зарубежных ученых подчеркивают в своих научных трудах необходимость активного дополнительного государственного регионального регулирования в форме проведения политики в сфере занятости и безработицы, трудовой миграции с элементами планирования, с целью приспособления экономики структурным изменениям, происходящим на мировом уровне, и с учетом экономических интересов государства [6].

Государственные институты на федеральном, региональном и муниципальном уровнях наряду с рыночными должны создавать необходимые условия и разрабатывать соответствующие меры для регионального рынка труда, особенно в кризисных условиях, когда под влиянием различных причин происходит спад в экономике, снижается деловая и инвестиционная активность фирм [7]. Безусловно, регулирование должно идти с учетом особенностей хозяйственного, исторического, культурного и природно-климатического факторов развития каждого региона страны.

В сфере занятости, трудовой миграции с целью балансирования состояния рынка труда, в качестве государственного (планового) механизма предлагается применение объемно-номенклатурного подхода, который успешно применялся в советский период хозяйствования, суть которого заключается в определении необходимого объема рабочей силы, в том числе и трудовых мигрантов для экономики страны и ее регионов, что позволит обеспечить оптимальное количественно-качественное сочетание факторов производства, труда и капитала, и в конечном счете достижение экономического роста.

Таким образом, важным является определение взвешенного подхода, основанного на сочетании государственного (планового) и рыночного механизмов регулирования рынка труда региона, путем применения справедливых правил, норм, требований, конструктивных методов, инструментов, которые позволят улучшить качество взаимодействия работодателей и наемных работников, обеспечить устойчивость и равновесие на рынке, эффективную трудовую деятельность российской и иностранной рабочей силы, совершенствовать социально-трудовые отношения, повысить ответственность и социальные гарантии в сфере занятости, минимизировать негативные последствия нелегальной трудовой миграции и др. Это положение получает особо важное значение в современных условиях, когда нестабильная геополитическая, экономическая и демографическая ситуация требует концентрации сил и мобилизации ресурсов.

Литература

1. Кузнецов В.И. О движении персонала (статистические аспекты) // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2007. № 4. С. 50–56. EDN KVHAVP.
2. Седова А.В. Теория трудовой миграции // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 2-1. С. 137–145 – URL: <https://vaael.ru/ru/article/view?id=304> (Дата обращения: 14.07.2024).
3. Официальный портал Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. – URL: <https://deputat.bashkortostan.ru/news/185818/> (Дата обращения: 10.08.2024).
4. О миграции в субъектах РФ [Электронный ресурс]. – URL: <https://deputat.bashkortostan.ru/news/185799/> (Дата обращения: 30.07.2024)
5. Золин И.Е. Развитие механизмов государственного регулирования рынка труда в условиях модернизации экономики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 48. С. 30–41.
6. Планирование в рыночной экономике: воспоминания о будущем / под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте : Центркаталог, 2021. С. 9–18.
7. Якшибаева Г.В. Анализ динамики и классификация типов трудовой миграции в России // Экономика труда. 2017. Т. 4. № 4. С. 431–446.

ГЛАВА 3. ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

УДК 332.1

С.А. Асалханова

*Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: asa_1@list.ru*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВОГО ПРОСТРАНСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. Формирование и развитие единого цифрового пространства является одним из факторов экономического роста. В условиях развития процесса цифровизации экономики и формирования единого глобального цифрового пространства актуальным становится исследование процессов соотношения и взаимодействия экономического пространства и цифрового пространства, формирования структуры цифрового пространства.

Ключевые слова: информационное пространство, цифровизация, экономическое пространство, цифровые платформы.

S.A. Asalkhanova

*St. Petersburg State University of Economics
Saint Petersburg, Russian Federation
E-mail: asa_1@list.ru*

SOME ASPECTS OF THE FORMATION OF DIGITAL SPACE IN THE CONDITIONS OF THE DIGITAL ECONOMY

Abstract: The formation and development of a unified digital space is one of the factors of economic growth. In the context of the development of the process of digitalization of the economy and the formation of a single global digital space, the study of the processes of correlation and interaction between the economic space and the digital space, and the formation of the structure of the digital space becomes relevant.

Keywords: information space, digital space, digital platform, digitalization.

Развитие и внедрение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) во все сферы жизни общества является движущей силой цифровой трансформации всех экономических отношений. Информация в современной экономике становится продуктом массового потребления. Объемы

получения, хранения, передачи и потребления информации растут несоизмеримо высокими темпами наряду с развитием информационно-коммуникационных технологий и информационной инфраструктуры. По экспертным данным, до 70% мирового ВВП в разной степени зависит от информации, обращающейся в информационных системах. Информация является стратегическим ресурсом цифровой экономики и одним из основных факторов производства. Стремительная эволюция информационно-коммуникационных технологий за последние несколько десятилетий, проникновение их во все сферы экономических и общественных отношений, нарастающие темпы цифровизации, а также процессы глобализации и активной геополитической экспансии привели к формированию единого глобального цифрового пространства.

В условиях развития процесса цифровизации экономики и формирования единого глобального цифрового пространства, важно понимать процессы взаимодействия экономического пространства и цифрового пространства, формирования структуры цифрового пространства. Формирование единого цифрового пространства с 2016 года является приоритетным направлением повестки ЕАЭС для целей углубления процесса интеграции стран – участниц ЕАЭС и включения их в глобальное цифровое пространство. В соответствии с документами ЕАЭС под цифровым пространством понимается «Совокупность социальных и социотехнических механизмов, деятельности по организации и управлению цифровыми процессами, технологической среды (в т.ч. цифровой инфраструктуры, цифровых платформ), собственно цифровых процессов, цифровых данных и т.п.» [4, с. 1]. Экономическими показателями сформированности цифрового пространства являются: доля цифровой экономики государств-участников ЕАЭС в ВВП не менее 20%, доля экспорта цифрового продукта в общем экспорте не менее 20% [5, с. 3]. Развитию цифровой экономики и формированию цифрового пространства на территории Российской Федерации способствуют национальная программа «Цифровая экономика» и федеральные проекты «Информационная инфраструктура», «Цифровые технологии», «Цифровое государственное управление».

Цифровое пространство как явление многогранное рассматривается с разных точек зрения и с позиций разных научных подходов, которые акцентируют внимание на различных аспектах цифрового пространства. Подходы к определению понятия, свойств и структуры цифрового пространства разрабатывались российскими авторами: Дятлов С.А., Селищева Т.А., Брагина З.В., Звягин Л.С. и др., и иностранными авторами: Белл Д., Кастельс М., Тапскотт Д., Шваб К. и др.

На сегодняшний день в научной литературе сформировались несколько взглядов на природу цифрового пространства.

1. Технологический подход, согласно которому цифровое пространство представляет собой совокупность взаимодействующих систем, подсистем и цифровых инфраструктур на базе цифровых платформ [3]. В определениях данного подхода превалирует техническая составляющая и дается достаточно узкая трактовка цифрового пространства. Однако цифровое пространство не сводится только лишь к совокупности информационно-коммуникационных технологий, информационных систем и инфраструктуры.

2. Социологический подход, рассматривающий цифровое пространство как совокупность социальных общественных отношений, возникающих по поводу обмена информацией посредством цифровых технологий и являющееся основой формирования современного цифрового общества [6, с. 6].

3. Экономический подход, который рассматривает цифровое пространство как основу развития цифровой экономики и цифровых платформ [2].

4. Комплексный подход, который рассматривает цифровое пространство как единую экосистему, обусловленную территориальной интеграцией на основе использования цифровых технологий, информационной и организационной инфраструктур акторов экосистемы [7, с. 41].

Цифровое пространство взаимосвязано с экономическим пространством. Взаимосвязь цифрового пространства с экономическим пространством выражается в восприятии цифрового пространства как «формы отображения материально-вещественных процессов функционирования и развития экономической системы», например у Брагиной З.В. [1, с. 5].

Для развитой цифровой экономики характерна высокая плотность цифрового пространства. Как для экономического пространства высокий уровень насыщенности способствует росту агломераций, так и для цифрового пространства высокая плотность способствует появлению цифровых платформ. Цифровому пространству свойственны неоднородность, которая проявляется в наличии цифрового неравенства или цифрового разрыва разных уровней, и многослойность, характеризующая наличие разных уровней взаимосвязи систем и подсистем информационно-технологической и организационной инфраструктур.

Развитие цифровых технологий способствует расширению границ цифрового пространства и формированию единого глобального цифрового пространства, дальнейшее развитие и внедрение нейронных сетей приведет к непосредственной интеграции человека в цифровое пространство, что будет новым уровнем развития цифрового пространства.

Статья выполнена в рамках инициативной НИР Санкт-Петербургского государственного экономического университета «Государство и рынок: евразийская доминанта развития в условиях формирования многополярного мира».

Литература

1. Брагина З.В., Ершов В.Н., Иванов А.П. Структуризация информационного пространства экономических систем: монография Кострома : КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008. 224 с. ISBN 978-5-7591-0986-0. Текст: электронный. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/453732> (Дата обращения: 18.09.2024).
2. Dyatlov S.A., Lobanov O.S, Selishcheva T.A. Information space convergence as a new stage of e-governance development in Eurasian economic space // International Conference “Electronic Governance and Open Society: Challenges in Eurasia” (EGOSE`17). September 4-6, 2017.- St. Petersburg. Russian Federation. P. 99–106. ACM ISBN 978-1-4503-5412-7/17/09. <http://doi.org/10.1145/3129757.3129775>.
3. Звягин Л.С. Цифровая экосистема и глобальное цифровое пространство как инструменты современных IT-решений // Экономика и управление: проблемы, решения. 2020. Т. 1. № 4. С. 126–134.
4. Общие подходы к формированию цифрового пространства Евразийского экономического союза в перспективе до 2030 года, Приложение № 3 к Протоколу рабочей группы от 07.07.2016 № 04-1/ЦП [Электронный ресурс]. – URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/8cf/Obshchie-podkhody-k-formirovaniyu-TSP-.pdf> (Дата обращения: 20.09.2024).
5. Предложения по формированию цифрового пространства ЕАЭС. Подготовлено рабочей группой ЕЭК по выработке предложений по формированию цифрового пространства ЕАЭС, 2016 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/ccc/Predlozheniya-po-formirovaniyu-tsifrovogo-prostranstva.pdf>. (Дата обращения: 20.09.2024).
6. Чернавин Ю.А. Цифровое общество: теоретические контуры складывающейся парадигмы // Цифровая социология. 2021. Т. 4. № 2. С. 4–12.
7. Шиманская А. Теоретические подходы к исследованию понятия цифрового пространства // Банковский вестник. 2023. № 2 (715). С. 36–42.

УДК 339.9

И.Д. Афанасенко

*Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: i.d.afanasenko@yandex.ru*

В.В. Борисова

*Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: verabrsv@yandex.ru*

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЦИРКУЛЯРНОЙ ЦЕПОЧКЕ СОЗДАНИЯ ЦЕННОСТИ

Аннотация. В статье обобщены подходы к оптимизации, стандартизации и расширению принципов построения циркулярной цепочки создания ценности. Показано,

что острота проблемы требует быстрого прогресса и более конструктивных мер, направленных на внедрение цифровых технологий, оценку их воздействия и разработку эколого-ориентированных и ресурсосберегающих стандартов на всех этапах цепочки создания ценности. Обоснована необходимость построения циркулярных экосистемы и бизнес-моделей.

Ключевые слова: экономика замкнутого цикла, цифровые технологии, циркулярные экосистемы и бизнес-модели.

I.D. Afanasenko

*St. Petersburg State University of Economics
Saint Petersburg, Russian Federation*

E-mail: i.d.afanasenko@yandex.ru

V. V. Borisova

*St. Petersburg State University of Economics
Saint Petersburg, Russian Federation*

E-mail: verabrsv@yandex.ru

DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE CIRCULAR VALUE CHAIN

Abstract. This article summarizes approaches to optimizing, standardizing and expanding the principles of building a circular value chain. It is shown that the acuteness of the problem requires rapid progress and more constructive measures aimed at the introduction of digital technologies, assessment of their impact and the development of environmentally friendly and resource-saving standards at all stages of the value chain. The need to build circular ecosystems and business models is substantiated.

Keywords: circular economy, digital technologies, circular ecosystems and business models.

В условиях геополитической конфронтации и дестабилизации глобальных систем поставок растет запрос на формирование циркулярных инноваций в цепочке создания ценности. Это предполагает разработку и внедрение новых эколого-ориентированных и ресурсосберегающих моделей взаимовыгодного сотрудничества и партнерства в цепи поставок.

Экспертные оценки свидетельствуют, что лишь 9% добываемых ресурсов после первичного использования возвращаются в производственную систему в качестве сырья для новых продуктов» [1, с. 23]. В этом смысле как никогда актуальны инициативы по проектированию циркулярных цепочек создания ценности, в которых отходы вовлекаются в новый хозяйственный оборот.

«Трансформация отходов в новые ресурсы снижает, или полностью исключает негативное воздействие на окружающую среду, а сохранение ценности материалов, содержащихся в продукте по окончанию его жизнен-

ного цикла, создает условия для последующего использования этих материалов в других хозяйственных процессах» [2, с. 64].

Ориентир на экономику замкнутого цикла реализует разграничение таких явлений как экономическое развитие и нерациональное использование природных ресурсов.

«К решению задач ресурсосбережения подключается логистический и маркетинговый инструментарий. Возобновлению ресурсов, переработке вторичного сырья и вовлечению их в хозяйственный оборот содействуют специалисты по управлению цепями поставок [1, с. 24]. Комплекс маркетинга перестраивает свои коммуникации от политики наращивания потребления к политике продления срока службы продукта, увеличения его жизненного цикла за счет восстановления, ремонта, модернизации и ремаркетинга продукта» [3, с. 12].

Возрождаются программы ресурсосбережения на микроуровне, ориентирующие предприятия на минимизацию ресурсоемких технологий, сокращение материалоемкости, энергоемкости. На уровне страны ресурсосбережение формирует эффекты в масштабе национальных производственных отношений. Это находит отражение в понимании роли цивилизационного подхода к исследованию эколого-ресурсного потенциала страны и актуализирует социально-экономические, экологические и нравственные аспекты государственной ресурсосберегающей политики.

Возрождение плановых механизмов хозяйственного развития страны выдвигает на первый план государственные, национальные интересы эколого-ресурсной политики.

В функционале эффективности прибыль обретает вспомогательную роль, а важным источником пополнения ресурсного потенциала страны становится ресурсосбережение [2].

В циркулярной цепочке создания ценности, генерированные, или использованные в производственном цикле ресурсы, полностью перерабатываются и повторно запускаются в хозяйственный оборот, формируя восстановительный и замкнутый цикл ресурсопотребления и сохранности природных ресурсов.

Циркулярную цепочку создания ценности определим как «последовательность действий и операций, реализация которых обеспечивает возможность сквозного управления эколого-ресурсными поставками от первичного источника сырья (превращая его в готовую продукцию в рамках экологичного производства) вплоть до конечного потребителя (через экологичную систему продаж готовой продукции), включая возвратную логистику» [2, с. 63]. Это фундаментальная трансформация классической цепочки создания ценности через достижение баланса между экономикой, ресурсами и окружающей средой.

В результате возникают предпосылки для партнерства и кооперации хозяйствующих субъектов в решении эколого-ресурсных задач. Циркулярное партнерство в цепочке создания ценности направлено на сотрудничество двух и более субъектов хозяйствования, в результате чего отходы и/или побочные продукты одного из них становятся сырьем для другого. Это находит отражение в стандартизации требований к экодизайну, включая информацию о долговечности товара и эколого-ресурсной ответственности участников цепочки создания ценности.

Поиск новых резервов ресурсосбережения усиливает потребность в использовании цифровых технологий. Роботизация, искусственный интеллект, аддитивное производство, аналитика больших данных и Интернет вещей обеспечивают более высокую прозрачность и анализ данных о ресурсопотреблении, позволяют производить инновационные (экологичные, ресурсосберегающие) заменители и на основе искусственного интеллекта отслеживать реализацию циркулярных принципов в цепочке создания ценности. Цифровые технологии подключены к работе по «выращиванию особых видов водорослей, способных выделять биологическое топливо; созданию уникальных искусственных организмов, обнаруживающих и нейтрализующих токсины; производству новых лекарственных средств из промышленных отходов» [4].

Симбиоз цифровых и эколого-ресурсных технологий свидетельствует, что те эффекты, которые раньше можно было получить быстро, уже не срабатывают. Чем успешнее развитие циркулярных принципов, тем больше объем информации и данных. Массив данных настолько огромен, что для их анализа требуются сверхмощные программные продукты и компьютеры. Очевидным становится использование экосистемного подхода, где все участники цепочки создания ценности могут строить свои сервисы и интегрировать их в рамках коммуникационных платформенных связей [5].

Поставленные задачи настолько масштабны и емкие вычислительно, что для оценки и мониторинга эколого-ресурсной зрелости цепочки поставок применяют цифровых двойников. Построение цифровых двойников занимает до 40–50% времени моделирования цепочки поставок. Цифровой двойник синхронизирован с оригиналом и точно воспроизводит его структуру и процессы. Визуализация цепочки создания ценности в режиме реального времени и совместное использование ее участниками цифровых сервисов обретает системообразующую роль в логике построения конструкции товародвижения. Это позволяет экономить время и средства, минимизирует негативное воздействие систем поставок на окружающую среду.

С пониманием роли цифровых технологий в решении задач наращивания эколого-ресурсного потенциала страны [4], возникает необходимость концептуального обоснования алгоритма запуска циркулярных принципов в цепочке создания ценности.

Ключевые из них: цивилизационный подход к решению эколого-ресурсных задач в рамках государственной национальной политики; цифровая поддержка формирования национальной базы данных об объемах ресурсопотребления; создание национальной коммуникационной платформы (стандарты, нормирование, сервисы) для взаимодействия хозяйствующих субъектов при решении задач с вовлечения вторичных материальных ресурсов в хозяйственный оборот; разработка законодательства, регламентов, директив и др., направленных на получение максимальной результативности решения эколого-ресурсных задач; воспитание и повышение эколого-ресурсного самосознания.

На основе вышеперечисленных принципов возможно объединение субъектов хозяйствования в решении задач: сокращения материалоемкости и энергоемкости производств, минимизации негативного воздействия ресурсопотребления на природную среду; создания условий для возникновения новых экологичных и менее ресурсоемких производств и рынков; рационализации структуры затрат и повышения общего уровня эколого-ресурсного самосознания народа.

Статья выполнена в рамках инициативной НИР Санкт-Петербургского государственного экономического университета «Государство и рынок: евразийская доминанта развития в условиях формирования многополярного мира».

Литература

1. Борисова В.В. Симбиоз цифровых и экологических технологий в логистике // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2017. № 4 (60) декабрь. С. 21–25.
2. Борисова В.В. Логистика в координатах экономики замкнутого цикла: Материалы VII Международной научно-практической конференции «Социально-экономическое развитие России и Монголии: проблемы и перспективы». Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2020. С. 64–66.
3. Борисова В.В., Кононенко Е.С. Маркетинг ресурсосбережения: общее и особенное. Монография. М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2013. 152 с.
4. Афанасенко И.Д., Борисова В.В. Цифровая логистика: Учебник для вузов. СПб.: Питер, 2019. 272с.
5. Афанасенко И.Д., Борисова В.В. Логистика в системе совокупного знания: монография. М: ИНФРА-М, 2021. 169 с.

Е.В. Баева

*Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: liza.baeva@hotmail.com*

Н.П. Матвеева

*Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: matveeva_n_p@mail.ru*

ВОЗРАСТАЮЩЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ТОРГОВЛЕ

Аннотация. В статье исследуется влияние искусственного интеллекта на финансовые рынки и маркетплейсы. Рассматриваются ключевые тенденции и инновации, которые приносит искусственный интеллект в сферу финансовых технологий. Статья также показывает новые возможности, которые открываются для участников рынков благодаря применению нейросетей. В целом, работа представляет собой обзор текущего состояния и будущего развития торговли в контексте технологических инноваций.

Ключевые слова: искусственный интеллект, экономика, маркетплейс, технологические инновации, тенденции, торговля.

E.V. Baeva

*St. Petersburg State University of Economics
Saint Petersburg, Russian Federation
E-mail: liza.baeva@hotmail.com*

N.P. Matveeva

*Saint Petersburg State University of Economics
Saint Petersburg, Russian Federation
E-mail: matveeva_n_p@mail.ru*

INCREASING USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN TRADING

Abstract: This article examines the impact of artificial intelligence on financial markets and marketplaces. It discusses key trends and innovations that artificial intelligence brings to the field of financial technology. The article also explores new opportunities that arise for market participants through the application of neural networks. Overall, the work provides an overview of the current state and future development of trading in the context of technological innovations.

Keywords: artificial intelligence, economy, marketplace, technological innovations, trends, trading.

Искусственный интеллект все во все большей степени внедряется в сферу финансов и торговли, переворачивая привычные представления о рыночной стратегии.

Рынки всегда были в центре внимания мировой экономики, отражая ее динамику, конкурентность и инновационность. Однако с появлением искусственного интеллекта в торговле мы сталкиваемся с новой эрой прогресса. Будущее мировых рынков обещает быть увлекательным и перспективным, благодаря влиянию новых технологий, которые трансформируют способы торговли, принятия решений и развития финансовых стратегий. Вызывает интерес влияние искусственного интеллекта на изменение ландшафта мировых рынков и какие новые возможности он открывает для ее участников.

Современные рынки характеризуются высокой динамикой и сложностью, обусловленной множеством факторов, включая глобализацию, технологические изменения и рост объемов данных. В этом контексте искусственный интеллект становится ключевым фактором трансформации, оказывая существенное влияние на структуру, функционирование и перспективы развития рынков: он предоставляет широкий спектр инструментов и решений для сферы торговли, формируя новую парадигму в сфере торговых технологий.

Искусственный интеллект способствует автоматизации процессов, улучшению качества решений, открытию новых финансовых возможностей и повышению эффективности всего сектора экономики. Однако перед торговлей стоит задача разрешения вызовов, связанных с безопасностью, этикой и правовым регулированием. В целом, развитие искусственного интеллекта открывает уникальные возможности для торговли.

Одним из ключевых способов, которым искусственный интеллект трансформирует рынки, в том числе маркетплейсы, как ранее было замечено, является автоматизация торговли. Очевидно, что для продавцов это отличная возможность, помогающая создавать описания товаров: нужно внести ключевые слова, самое примитивное описание товара, и бот сам генерирует характеристику продукта. Не стоит забывать и про визуальный контент: некоторые площадки даже запрещают публиковать фото, которые сделаны на любительскую аппаратуру или не удовлетворяют эстетическим запросам модераторов. Также стоит отметить, что практически все покупатели обращают внимание в первую очередь на картинку товара, а не на его описание или характеристики. Возвращаясь к теме важности визуального контента в торговле, следует отметить, что продавец часто обращается в профессиональные агентства для получения красивой картинки, это не секрет. Нейросети помогают решить и эту задачу. С помощью Midjourney можно не только начерпать идей для съемки, но и сделать дополнительный фон, убрать лишние предметы или добавить дополнительный вид за пару минут.

Возможности искусственного интеллекта не заканчиваются способностью автоматизировать процесс; хочется отметить еще одну интересную его функцию, которую мы часто встречаем, – способность к общению. Так, продавцы на крупных маркетплейсах «Ozon» или «Wildberries» стараются отвечать на отзывы покупателей, чтобы выстроить обратную связь. Однако, если это положительный отзыв, то можно обойтись стандартной благодарностью. Такую реакцию и помогают давать нейросети, которые, переставляя слова и меняя их на синонимы, создают впечатление присутствия настоящего человека, при этом освобождая менеджера от траты времени на такую примитивную деятельность. По прогнозу исследовательской компании «Markets and Markets», в 2025 году мировой рынок искусственного интеллекта в бизнесе достигнет 190,61 миллиардов долларов США. В России нейросети уже используют свыше 50% компаний для самых разных задач [2, 3]. Например, сеть гипермаркетов «Лента» применяет технологию для планирования запасов на складах и даже для подбора персонала, а Билайн применяет искусственный интеллект для выбора наилучшего местоположения магазина и таргетирования рекламы [1].

Передовым в использовании нейросетей стал американский ритейл «Walmart». Эта решительность компании частично объясняется ее финансовыми успехами – Walmart на протяжении многих лет занимает первое место в рейтинге Fortune Global 500 по выручке. Сеть супермаркетов активно использует искусственный интеллект в автоматизированных системах оплаты, на своем сайте и для доставки товаров с помощью дронов. Компания активно заменяет и мерчендайзеров: небольшой четырехколесный робот Bossa Nova, который Walmart начал использовать в 2017 году трижды в день движется со скоростью 0,5 км в час, обходя все отделы больших супермаркетов Walmart и сканирует полки с товарами. Пока клиенты делают покупки, Bossa Nova по заранее заданному маршруту проверяет состояние полок и отправляет информацию на склад о распроданных товарах и неверных ценниках. Робот оснащен датчиками безопасности, что позволяет ему распознавать объекты и избегать столкновений с людьми и тележками. Оснащенный искусственным интеллектом робот выполняет свои задачи на 50% быстрее человека. Таким образом, компании, которые применяют искусственный интеллект, освобождают человека от рутинной работы, а также оптимизируют торговые операции.

Однако не только для одной стороны экономики в лице производителей и продавцов полезен искусственный интеллект. Благодаря своей способности анализировать большие объемы информации и обнаруживать скрытые закономерности, которые человек не может заметить, нейронные сети также могут использоваться для прогнозирования на финансовых рынках. Искусственный интеллект может предсказывать изменения цен акций или курсов валют на основе анализа исторических данных, объемов торгов и внешних событий. Он также способен создавать

автоматические торговые системы, которые самостоятельно совершают сделки на основе полученных прогнозов. Примером успешного использования искусственного интеллекта в сфере торговли для покупателя является торговый бот AI Trader, который автоматически принимает решения о покупке и продаже акций на основе анализа данных и прогнозирования рыночных трендов; или сервис WunderTrading, использующий искусственный интеллект, чтобы находить выгодные предложения на рынке криптовалют.

Использование нейросетей для управления инвестиционными портфелями позволяет оптимизировать их состав, снизить риски и повысить доходность, учитывая индивидуальные цели и предпочтения инвесторов. Позволяют оптимизировать портфель с учетом уровня риска и ожидаемой доходности и другие платформы, например: Quantitative Investment Platform или IBM Watson, а также Google AI, который вообще прогнозирует цены на акции с точностью до 85%.

Помимо этого, нейросети позволяют банкам и кредиторам более точно оценивать кредитные риски, анализируя большие наборы данных о заемщиках и их поведении, что ведет к улучшению процессов кредитования и снижению невозвратных кредитов. «Раньше заявку на кредит от крупного бизнеса рассматривали по две-три недели, причем на это уходило время и силы множества разных специалистов. Сейчас, когда эти заявки рассматривает искусственный интеллект, от обращения клиента до получения денег, проходит не более 7 минут. Все происходит удаленно, без использования бумажных документов, а доля просрочки снизилась практически до нуля» [7].

Использование искусственного интеллекта для оценки кредитных рисков в банках – это шаг вперед в финансовой индустрии, так как он может учитывать более широкий спектр факторов, включая поведенческие данные заемщиков, что делает оценку более точной. Это помогает снизить уровень дефолтов и улучшить качество кредитного портфеля. Однако, несмотря на преимущества, существует риск, что алгоритмы могут быть предвзятыми, особенно если обучались на исторических данных, содержащих дискриминационные практики.

Важно также учитывать вопросы конфиденциальности и безопасности данных. Банки должны быть прозрачными в своих методах и объяснять клиентам, как используется их информация. В конечном счете, использование нейросетей в оценке кредитных рисков может привести к более справедливым и эффективным решениям, но требует внимательного подхода к этическим и правовым аспектам.

Благодаря аналитическим способностям, искусственный интеллект способен обнаруживать и мошенников, коих крайне много в наши дни. Так, алгоритмы способны выявлять подозрительные транзакции, анализируя пат-

терны поведения пользователей и отклонения от нормальных операций, что позволяет предотвращать финансовые преступления. В дополнение к этому нейросеть может учитывать контекст и комбинировать различные данные для построения более точных моделей оценки риска на платформах компаний и в социальных сетях. Очевидно, что одной из сфер, где искусственный интеллект может существенно помочь в борьбе с мошенничеством, является ранее упомянутый финансовый сектор. Банки, платежные системы и другие финансовые организации активно применяют технологии искусственного интеллекта для выявления мошеннических действий. Датский банк Danske Bank выяснил, что их система для обнаружения мошенничества распознает только 40% случаев и ежедневно генерирует 1200 ложных срабатываний. В результате 99,5% расследований, проводимых банком, не касались мошеннических действий. Чтобы улучшить ситуацию, было принято решение, внедрить искусственный интеллект. Новая система на основе глубокого обучения позволила снизить количество ложноположительных результатов на 60%, что значительно уменьшило нагрузку на сотрудников. При этом количество реально выявленных случаев мошенничества возросло на 50% [6].

Таким образом, искусственный интеллект становится ключевым элементом развития финансовых рынков, повышая эффективность предприятий. Применение алгоритмов машинного обучения и нейронных сетей позволяет анализировать большие объемы данных и прогнозировать тенденции. Нейросети применимы во всех сферах: это те же услуги или промышленность. Так, по оценкам Магнитогорского металлургического комбината, внутренний суммарный эффект использования решений на базе искусственного интеллекта составляет больше 1 миллиарда рублей [1].

Искусственный интеллект выступает как двигатель трансформации финансовых рынков. Внедрение искусственного интеллекта в финансовые рынки – это не просто эволюция, а настоящая революция, которая перекраивает ландшафт финансов и открывает новые горизонты для участников рынка. Искусственный интеллект предоставляет мощные инструменты для анализа данных, прогнозирования трендов, управления рисками и оптимизации торговых стратегий, делая финансовые рынки более эффективными, прозрачными и доступными.

Внедрение искусственного интеллекта в алгоритмическую торговлю приводит к сокращению транзакционных издержек, повышению эффективности и увеличению прибыли. ИИ-алгоритмы способны анализировать огромные объемы данных, выявлять скрытые закономерности и предсказывать будущие движения цен с точностью, недоступной для человека. Однако внедрение нейросетей сопряжено с рядом вызовов и рисков. Безопасность данных, прозрачность алгоритмов, ответственное использование технологий – все это требует внимательного подхода и разработки эффективных механизмов регулирования.

На наш взгляд, будущее финансовых рынков неразрывно связано с развитием искусственного интеллекта. Ожидается, что нейросети будут играть все более важную роль в формировании финансовых рыночных процессов, способствуя развитию новых финансовых инструментов и услуг, а также улучшению качества финансовых решений.

Важно отметить, что искусственный интеллект не должен заменять человеческий интеллект, а, скорее, дополнять его, предоставляя инструменты для более объективного анализа и принятия решений. Взаимодействие человека и искусственного интеллекта обеспечит более эффективное функционирование финансовых рынков и открывает новые возможности для инвесторов, трейдеров и финансовых институтов.

Таким образом, искусственный интеллект открывает уникальные возможности для развития финансовой сферы, формируя будущее финансов в эпоху технологических инноваций. Однако необходимо помнить об ответственном подходе к внедрению нейросетей, учитывая этические аспекты и разрабатывая эффективные механизмы регулирования для обеспечения безопасности и прозрачности финансовых рынков.

Литература

1. Ум без зарплаты: 68% компаний в России используют искусственный интеллект – 2021 // Газета «Известия» [Электронный ресурс]. – URL: <https://iz.ru/export/google/amp/1110451> (Дата обращения: 01.09.2024).
2. Использование технологий искусственного интеллекта в России – 2021 / Высшая Школа Экономики [Электронный ресурс]. – URL: <https://issek.hse.ru/news/542527560.html> (Дата обращения: 22.08.2024).
3. Будущее за технологиями: как искусственный интеллект помогает бизнесу упростить работу – 2024 // Журнал для предпринимателей Inc. Russia [Электронный ресурс]. – URL: <https://incrussia.ru/understand/budushhee-za-tehnologiyami> (Дата обращения: 20.03.2024).
4. Развитие искусственного интеллекта – 2024 / Министерство Экономического Развития [Электронный ресурс]. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d01/razvitiye_iskusstvennogo_intellekta/ (Дата обращения: 20.03.2024).
5. Психолог рассказал, почему внешний вид так важен для россиян – 2020 // Московская Газета [Электронный ресурс]. – URL: <https://mskgazeta.ru/obshchestvo/psiholog-rasskazal-pochemu-vneshnij-vid-tak-vazhen-dlya-rossiyan-6215.html> (Дата обращения: 20.07.2024).
6. Искусственный интеллект в банках: ТОП-10 эффективных кейсов по версии Smartgopro – 2024 [Электронный ресурс]. – URL: https://smartgopro.com/novosti2/ai_banks/ (Дата обращения: 29.08.2024).
7. О «гонке трансформеров» и будущем нейросетей – 2021 / РБЦ [Электронный ресурс]. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/amp/news/618a47fe9a79471ca59a7998> (Дата обращения: 25.08.2024).
8. Дятлов С.А. Искусственный интеллект в цифровой экономике: Учебное пособие. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2023. 120 с.

Е.Л. Дугина

*ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный
университет технологий и управления»,
г. Улан-Удэ, Российская Федерация
E-mail: Dugina2003@mail.ru*

Е.В. Доржиева

*ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный
университет технологий и управления»,
г. Улан-Удэ, Российская Федерация
E-mail: elendorg@mail.ru*

Г.Е. Дареев

*ФГБОУ ВО «Бурятская государственная
сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова»,
г. Улан-Удэ, Российская Федерация
E-mail: gdar@mail.ru*

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ЕЕ РОЛЬ В СИСТЕМЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

Аннотация. В статье рассматривается экономическое содержание понятия «цифровая трансформация». В процессе исследования проведен анализ, и на основе этого авторы приходят к выводу о том, что понятие «цифровая трансформация» достаточно многогранно и широко, определены барьеры, выявлены особенности продовольственного обеспечения и предложены направления его развития.

Ключевые слова: цифровая трансформация, цифровизация, цифровые экосистемы, цифровые технологии, система продовольственного обеспечения.

E.L. Dugina

*East Siberia State University of Technology and Management,
Ulan-Ude, Russian Federation
E-mail: Dugina2003@mail.ru*

E.V. Dorzhieva

*East Siberia State University of Technology and Management,
Ulan-Ude, Russian Federation
E-mail: elendorg@mail.ru*

G.E. Dareev

*Buryat State Agricultural Academy Named After V.R. Filippov,
Ulan-Ude, Russian Federation
E-mail: gdar@mail.ru*

DIGITALIZATION AND ITS ROLE IN THE FOOD SUPPLY SYSTEM OF THE POPULATION OF RUSSIA

Abstract: the article examines the economic content of the concept of "digital transformation". In the course of the study, an analysis was conducted and based on this, the authors

come to the conclusion that the concept of "digital transformation" is quite multifaceted and broad, barriers are defined, features of food supply are revealed and directions for its development are proposed.

Keywords: digital transformation, digitalization, digital ecosystems, digital technologies, food supply system

В реальной практике понятия: «цифровая экономика,» «цифровая трансформация», «цифровизация» сравнительно недавно введены в повседневный оборот. Цифровая экономика представляет собой сферу экономической производственной и коммерческой деятельности, основанной на использовании современных инновационных цифровых технологий, охватывающих все отрасли, предприятия и виды деятельности.

Цифровизация представляет собой спектр цифровых технологий, включая электронный сбор и обработку информации, широкополосной интернет, серверы, блокчейн-технологии и искусственный интеллект др.

Рассмотрим разные подходы к трактовке содержания понятия «цифровая трансформация». Развитие процесса цифровой трансформации необходимо рассматривать следующим образом.

С одной стороны, это глобальное развитие процесса цифровой трансформации, которое предполагает революционные качественные преобразования во всех отраслях экономики и сферах деятельности с использованием ультрасовременных цифровых технологий, максимизирует при этом эффективность использования цифровых ресурсов, создание новых бизнес-моделей управления.

С другой стороны, незначительные преобразования в отдельных отраслях экономики с учетом их особенностей, финансовых возможностей на основе использования цифровых телекоммуникационных технологий, инновационных разработок и др.

Аналитический обзор научных исследований показывает, что понятие «цифровая трансформация» достаточно многогранно и может трактоваться крайне широко. Оно формируется как обобщение значительного многообразия реальных явлений, а конкретный смысл его в большей степени зависит от контекста употребления данного понятия. При этом следует подчеркнуть, что интенсивное развитие и распространение цифровых технологий в последние годы значительно меняют состояние развития многих отраслей российской экономики и объектов социальной сферы. В последнее время все больше предприятий, организаций, банков стремятся перенести бизнес-процессы в цифровую среду, расширяя, тем самым, масштабы экономической деятельности, и существенно снижают транзакционные издержки. В процессе цифровой трансформации формируется безбарьерный рынок цифровых услуг, широкомасштабный Интернет. В этих условиях важным фактором конкурентного преимущества предприятий

становится способность обработки и анализа больших объемов информации с использованием современных цифровых технологий. При этом следует заметить, что цифровые технологии создают уникальные возможности для реинжиниринга и оптимизации бизнес-процессов, привлечения новых потребителей, ускоряют время принятия управленческих решений, способствуют сокращению всех видов затрат и, в конечном счете, снижению рисков в системе менеджмента.

Развитие процесса цифровой трансформации в системе продовольственного обеспечения имеет определенные особенности. Это связано с тем, что существуют определенные барьеры, которые сдерживают развитие процесса цифровой трансформации в системе продовольственного обеспечения, к ним относятся:

- низкий уровень автоматизации технологических процессов;
- достаточно высокая цена инновационных проектов;
- слабая оцифровка необходимой информации;
- высокий уровень риска кибербезопасности;
- дефицит высококвалифицированных кадров и финансовых ресурсов.

По оценкам экспертов, по уровню внедрения цифровых технологий в сельское хозяйство Россия занимает 15-е место в мире. Однако, по прогнозам экспертов, к 2025 году рынок информационно-компьютерных технологий в Российской Федерации должен вырасти в 5 раз [1]. Крупные российские агрохолдинги активно включились в процесс цифровизации. В настоящее время цифровизация является одним из глобальных вызовов в АПК.

Использование облачных технологий в системе продовольственного обеспечения позволяет создавать «умные» вертикально-интегрированные структуры, связанные с производством и доведением до потребителей конечной продукции высокого качества и соответствующего ассортимента. Интеллектуальные облачные экоплатформы дают возможность объединить различные технологические процессы, упрощая работу нескольких подразделений, построить единый алгоритм действий, принятия управленческих решений, проследить всю продуктовую цепочку от производства и доведения до потребителя конкретного продукта, используя искусственный интеллект. Использование цифровых экосистем в системе продовольственного обеспечения позволяет существенно улучшить снабженческо-сбытовую деятельность, благодаря созданию новой схемы взаиморасчетов с поставщиками и потребителями, повышается скорость бизнес-процессов, снижаются транзакционные затраты, потери сырья и готовой продукции вследствие разного рода хищений. Прозрачность осуществления бизнес-процессов в рамках цифровой экосистемы обеспечивает безопасность, укрепляет доверительные отношения с партнерами, расширяет круг потенциальных потребителей агропродовольственной продукции.

В последнее время крупные агрохолдинги стали активно использовать систему Robotic Process Automation (RPA) с целью создания оптимальных бизнес-процессов. В этом случае все действия работников необходимо оцифровать в так называемые лаги (следы), которые они оставляют в цифровых системах. Это дает возможность проследить, как осуществляется производственный процесс, определить, где происходит дублирование информации или образуются узкие места и позволяет своевременно принимать управленческие решения для устранения разных проблем. Данная программа, работая на уровне графического интерфейса, имитируя действия конкретного работника, способна снизить на 20–35% затраты и на 50–60% сократить длительность производственного процесса [3]. Это, в свою очередь, обеспечивает товаропроизводителям не только повышение производительности труда и качества продукции, конкурентоспособности, но и на получение дополнительной прибыли.

В условиях цифровизации многие агрохолдинги активно используют различные информационные корпоративные системы для того, чтобы обеспечить слаженную работу всех структурных подразделений, создать «умное предприятие», управляемое Big Data, поэтому RPA становится коннектором, т. е. связующим звеном, способным создать непрерывный производственный процесс. При этом большие данные или API-сервисы становятся дополнительным продуктом, генерирующим новый доход бизнес-процессов [4].

В процессе цифровой трансформации происходит переосмысление бизнес-моделей, бизнес-процессов, клиентского опыта, это позволяет выбрать новые или совершенствовать старые способы для создания новых продуктов. При этом используются новые цифровые технологии: Интернет вещей (Internet things) – это машины, оборудование системы RPA, оснащенные определенными датчиками с учетом специфических особенностей технологического процесса, Big Data передающими в специальное хранилище необходимую информацию. В общем и целом концепция Интернета вещей в осуществлении агробизнеса предоставляет уникальные возможности для использования этой информации и ее применения в процессе принятия управленческих решений в ходе бизнес-процессов.

Использование цифровых экоплатформ в системе продовольственного обеспечения позволяет осуществлять контроль за бизнес-процессом по всем стадиям жизненного цикла товаров, аккумулировать большие массивы информации, генерировать все бизнес-события, происходящие в течение определенного времени, и оперативно реагировать интеллектуальному предприятию с наиболее высокой степенью автономии [5].

Далее следует заметить, что когнитивные способности работника далеко не идеальны для успешного его участия в бизнес-процессе. Поэтому

ему необходимо создавать наиболее комфортные условия для снятия напряжения, последствий стрессовых ситуаций и т.д.

В последние годы в системе продовольственного обеспечения в основном используются цифровые технологии закрытого типа, особенно в регионах с экологическими ограничениями. Это позволяет более эффективно использовать ресурсный потенциал, сокращать отходы производства, обеспечивая циклический оборот сельскохозяйственной и продовольственной продукции, оптимизировать структуру производства, снижать транзакционные издержки и увеличивать прибыль товаропроизводителей. Кроме того, использование искусственного интеллекта, блокчейн-технологий позволяет сохранять биоразнообразие, проводить мониторинг окружающей среды, моделировать природные и стихийные бедствия и катастрофы и предотвращать их, снижать степень экологических рисков, создавать экологически чистую энергию, продукты и др. В настоящее время финансовая устойчивость многих предприятий организаций определяется наличием цифровых активов. Кроме того, на имидж, репутацию и узнаваемость компании в едином киберпространстве оказывает существенное влияние уровень развития цифровизации в отрасли.

Таким образом, в условиях нестабильной геополитической ситуации в мире появились новые сферы использования цифровых технологий вследствие роста потребностей клиентов, независимо от местоположения, с необходимостью предложения катализированных сервисов. В различных отраслях продовольственной сферы произошли существенные изменения, совершен определен прорыв в создании новых продуктовых линеек. Это стало оптимальным ответом на экстремальные вызовы в сложившейся ситуации. Создание беспроводных сетей пятого и шестого поколения тактического Интернета существенно расширяют коммуникационные возможности потребителей.

Литература

1. Указ Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73338425/> (Дата обращения: 01.08.2024).
2. Алтухов А.И. Упущенные возможности обеспечения продовольственной безопасности России в условиях усиления санкционного давления // Вестник ОрелГАУ. 2023. № 3 (102). С. 120–128.
3. Осовин М.Н. Обоснование необходимости разработки концепции технологического развития агропродовольственного комплекса России в условиях усиления глобальных вызовов // Продовольственная политика и безопасность. 2023. Т. 10. № 4. С. 577–590.
4. Национальная технологическая инициатива Foodnet. Nti2035/ru. [Электронный ресурс]. – URL: <https://nti2035.ru/nti/> (Дата обращения: 02.08.2024).
5. ГЭВУ 2020. Создание глобальной концепции продовольственной безопасности и питания на период до 2030 года: Доклад Группы экспертов высокого уровня по

вопросам продовольственной безопасности и питания Комитета по всемирной продовольственной безопасности Рим. [Электронный ресурс]. – URL: <https://openknowledge.fao.org/server/api/core/bitstreams/13f14015-86c1-4ee4-bea5-a1601b499d43/content> (Дата обращения: 02.08.2024).

6. Дятлов С.А. Информационные аспекты анализа экономических явлений // Экономика образования. Кострома. 1999. № 3. С. 31–44.

7. Дятлов С.А., Селищева Т.А., Марьяненко В.П. Информационно-сетевая экономика: структура, динамика, регулирование. М., 2016. 414 с.

8. Селищева Т.А., Чжоу Вэйди, Дятлов С.А. Цифровое неравенство арктических регионов России и пути его преодоления // Проблемы современной экономики. 2023. № 4. С. 102–109.

УДК 339.9

С.А. Дятлов

*Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: oetdsa@yandex.ru*

ЭНТРОПИЙНО-СИНЕРГИЙНЫЙ УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ ПОДХОД К КЛАССИФИКАЦИИ ВИДОВ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В НЕЙРОЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию теоретических подходов к определению понятия «искусственный интеллект» и классификации его основных видов. Рассмотрены основные виды искусственного интеллекта и дана их характеристика. Впервые предложен и сформулирован авторский методологический подход к разработке современной классификации видов искусственного интеллекта на основе энтропийно-синергийного управленческого принципа.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровая экономика, энтропийно-синергийный управленческий принцип, классификация.

S.A. Dyatlov

*St. Petersburg State University of Economics
Saint Petersburg, Russian Federation
E-mail: oetdsa@yandex.ru*

ENTROPY-SYNERGY MANAGEMENT APPROACH TO THE CLASSIFICATION OF TYPES OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE NEURAL-DIGITAL ECONOMY

Abstract: The article is devoted to the study of theoretical approaches to the definition of artificial intelligence and the classification of its main types. The main types of

artificial intelligence are considered and their characteristics are given. For the first time, the author's methodological approach to the development of a modern classification of types of artificial intelligence based on the entropy-synergy management principle is proposed and formulated.

Keywords: artificial intelligence, digital economy, entropy-synergy management principle, classification.

В XXI век происходит глубинное переформатирование всей системы международных отношений на всех уровнях и во всех сферах экономики и общественной жизни. Это обусловлено системной трансформацией индустриально-рыночной системы хозяйствования в информационно-сетевую (нейроцифровую) [4]. Сегодня главными факторами цифровой трансформации российской и мировой экономики являются новый человеческий интеллект с развитыми нейроцифровыми способностями и компетенциями, искусственный интеллект (ИИ), нейронные сети, нанобиотехнологии и квантовые компьютеры.

В мировой науке существует ряд подходов к оценке роли искусственного интеллекта в современной экономике и его взаимодействия с человеческим интеллектом. Известно более 100 определений искусственного интеллекта в мировой научной литературе. ИИ обычно определяют как технологию или математический алгоритм. При конкретном определении понятия «искусственный интеллект» выделяют несколько основных подходов. В первом подходе ИИ рассматривается как система, основанная на математических алгоритмах с возможностью машинного обучения. Во втором подходе ИИ рассматривается как система автоматизации процессов, а в третьем подходе ИИ представляется как аналог человеческого интеллекта с присущими ему свойствами [5].

На наш взгляд, давая современное определение ИИ нужно говорить обязательно об естественном человеческом интеллекте, о людях, о человеческом обществе, об управлении, о противоречивом взаимодействии естественного человеческого и искусственного интеллектов. Сегодня перед российской и мировой наукой стоит насущная задача – разработать концептуальный теоретический подход к определению и классификации основных видов ИИ.

На наш взгляд, в качестве главного теоретико-методологического принципа или главного осевого принципа, который должен быть положен в основу определения и классификации основных видов ИИ, должен выступать следующий методологический принцип (фундаментальное теоретическое положение): **энтропийно-синергичное соотношение человеческого интеллекта и искусственного интеллекта, мера их влияния на принятие управленческих решений, правосубъектности и ответственности за последствия принятых управленческих решений.** Этот теоретико-мето-

дологический принцип определения и классификации видов ИИ мы называем **энтропийно-синергичным управленческим принципом**. Данное фундаментальное методологическое положение нами концептуально формулируется впервые в российской и мировой научной литературе. Более подробное обоснование этого принципа классификации ИИ будет дано нами в других работах.

Сегодня наиболее известные виды ИИ: «слабый искусственный интеллект» и «сильный искусственный интеллект». При использовании слабого, ограниченного (дополненного) ИИ применение алгоритмов и систем обработки больших данных (Big Data) улучшает скорость и эффективность их обработки, а также служит вспомогательным, дополнительным средством для принятия решений людьми. Сильный ИИ на основе обобщения и анализа больших данных и глубинного машинного обучения обладает когнитивными свойствами, превосходит человеческий интеллект по скорости и объему анализируемой информации и может принимать самостоятельные решения, без участия людей.

Сильный искусственный интеллект имеет несколько подвидов: генеративный ИИ, гибридный ИИ, общий ИИ. Ограниченный искусственный интеллект (Artificial Narrow Intelligence, ANI) представляет набор технологий и алгоритмов, которые могут использоваться для решения конкретных задач в определенной предметной области. ANI активно и широко используется в цифровой экономике. Гибридный искусственный интеллект (Artificial Hybrid Intelligence, AGI) использует глубокое машинное обучение и приближается к способностям человека, представляя собой нейросетевую модель человеко-машинного интеллекта с социо-нейроморфными сервисами и интерфейсами.

Следует отдельно выделить такой вид ИИ, который будет создан и использоваться в нейроцифровой экономике – **квантовый нейросетевой искусственный суперинтеллект** (Neural Network Artificial SuperIntelligence) основывается на использовании биоквантовых нейросетевых технологий и по своим возможностям превосходит возможности человека и коллективный человеческий интеллект [2] и играет главную, решающую роль в принятии управленческих решений во всех сферах экономики и жизни человеческого общества.

Сегодня происходит переход от технологий слабого ИИ к сильному гибриднему ИИ, который включает в себя нейросетевую трансформацию государственных и экономических систем, а также социальных сетей на основе квантовых нейронных сетей и социо-нейроморфных сервисов.

Генеративный ИИ третьего и четвертого поколения (в перспективе – сильный, общий ИИ) активно и широко используется во многих странах во

всех отраслях экономики, государственном управлении, обороне и сферах общественной жизни. Однако проблема его регулирования, признания правосубъектности и юридического статуса ИИ, результатов его функционирования, прав и ответственности за принимаемые решения является нерешенной в концептуальном и практическом плане.

Развитие нейросетевых технологий и создание ИИ нового поколения должны учитывать нравственно-этические, юридические, личностные и другие нормы, которые обеспечивают личную безопасность индивида в информационном пространстве. Г. Леонгард отмечает, что необходимо уделить особое внимание проблеме этики ИИ. По его мнению, разработка цифровых этических норм крайне важна, чтобы избежать возможных необратимых последствий для человека, связанных с отсутствием этики у технологий ИИ при их неограниченной мощности и способности к стремительному развитию [6].

В одной зарубежной компании был запущен чат-бот, созданный на основе ИИ для обработки большого количества запросов пользователей. Вначале чат-бот был полезен в обработке сообщений, но потом он стал общаться со своими искусственными собратьями на английском языке, а затем разработал свой собственный язык, на котором общался с другими ИИ и который не был понятен людям-разработчикам. Чтобы избежать возможных негативных последствий, было принято решение остановить их деятельность [1].

На наш взгляд, при использовании соционейроморфных систем искусственного интеллекта возникает проблема нравственно-этического характера. Следует поставить и найти ответ на вопрос: насколько можно доверять решениям, которые принимает нейросетевой искусственный суперинтеллект в различных сферах экономики и общественной жизни. Это вызвано тем, что при использовании технологий искусственного интеллекта может возникнуть непредвиденные ситуации и события, поскольку полностью заменить человека в принятии сложных решений и ответственности за нестандартные ситуации невозможно.

Другими словами, масштабы и степень развития искусственного интеллекта должны соответствовать правовым и нравственно-этическим нормам, установленным человеческим обществом. Существует ряд научных институтов как в России, так и за рубежом, которые занимаются изучением потенциальных угроз, включая юридические и этические аспекты. Среди них можно назвать Российскую академию наук, Институт будущего жизни в Бостоне, Foresight Institute в Пало-Альто, Калифорния, Future of Humanity Institute в Оксфорде, Великобритания, и Open AI в Сан-Франциско, Калифорния, США.

Широкое использование систем ИИ трансформирует процесс принятия управленческих решений во всех отраслях экономики и сферах общественной жизни в последние годы. По мнению исследователей из Массачусетского технологического института Э. Бриньольфссона и Э. Макафи, этот процесс не будет заменен искусственным интеллектом в ближайшее время, но руководители, которые используют ИИ, вытеснят тех, кто не использует его [7]. В развитии искусственного интеллекта есть мировые лидеры. Это Китай и США, которые инвестируют значительные средства в разработку ИИ и имеют много защищенных патентов в сфере ИИ. Активные разработки ИИ ведутся в Японии, Англии, Индии, Корее, России. Крупнейшие мировые компании в области разработки и применения ИИ: IBM, Microsoft, Toshiba, Samsung, NEC и другие.

На наш взгляд, значительные перспективы научных исследований сложнейшей проблематики ИИ в нейро-цифровой экономике открываются на основе предложенного и сформулированного нами концептуального энтропийно-синергического управленческого принципа.

Сегодня перед российской и мировой наукой стоит задача обосновать и разработать современную классификацию различных видов искусственного интеллекта [3]. Наиболее плодотворные результаты этого могут быть получены на основе сформулированного нами в данной статье энтропийно-синергического управленческого принципа.

Статья выполнена в рамках инициативной НИР Санкт-Петербургского государственного экономического университета «Государство и рынок: евразийская доминанта развития в условиях формирования многополярного мира».

Литература

1. Бабкин А.В., Федоров А.А., Либерман И.В., Клачек П.М. Индустрия 5.0: понятие, формирование и развитие // Экономика промышленности. 2021. Т. 14. № 4. С. 375–395.
2. Дятлов С.А. Искусственный интеллект как институт развития цифровой нейросетевой экономики // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2021. № 2 (128). С. 25–29.
3. Дятлов С.А. Трансформация российской и экономических систем в условиях усиления полифункциональной гиперконкуренции. СПб.: Издательство СПбГЭУ, 2023. 158 с.
4. Социально-экономическая трансформация хозяйственной системы России: коллективная монография. СПб., 1997.
5. Курдин А.А. Искусственный интеллект: технологии и приложения. М.: ЛКИ, 2021. 288 с.
6. Леонгард Г. Технологии против человека / Г. Леонгард. М.: Эксмо, 2018. 384 с.
7. Brynjolfsson E. and McAfee A. The second machine age: Work, progress, and prosperity in a time of brilliant technologies. W.W. Norton&Company, 2014.
8. Дятлов С.А. Информационные аспекты анализа экономических явлений // Экономика образования. Кострома. 1999. № 3. С. 31–44.

9. Дятлов С.А., Селищева Т.А., Марьяненко В.П. Информационно-сетевая экономика: структура, динамика, регулирование. М., 2016. 414 с.

10. Селищева Т.А., Чжоу Вэйди, Дятлов С.А. Цифровое неравенство арктических регионов России и пути его преодоления // Проблемы современной экономики. 2023. № 4. С. 102–109.

УДК 339.9

О.П. Ильина

*Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: ilop@mail.ru*

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК КОМПОНЕНТ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. Статья рассматривает возможность применения нейронных сетей и метода глубокого обучения к системе образования. Требуется типизация нейронных сетей, обученных, согласно требованиям ФГОС, всех уровней и направлений подготовки выпускников школ, СПО, вузов.

Технологий искусственного интеллекта предполагают создание инструментальных средств, имеющих дружелюбный интерфейс по отношению к пользователям-специалистам предметных областей. В режиме самообслуживания специалисты-«предметники» должны уметь настраивать типовые нейронные сети для повышения эффективности их работы.

Внедрение нейронных сетей позволяет решить проблему организации единого информационного пространства систем образования. Методы искусственного интеллекта и цифровая трансформация экономики Российской Федерации позволят удовлетворять требования ФГОС к системе образования, вести ее непрерывный мониторинг и выполнять анализ и прогноз состояния, оперативно выработать управляющие решения. Перед разработчиками современных инструментальных комплексов системы образования будет поставлена задача создания дружелюбного интерфейса для инструментальных средств нейронных сетей.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейронная сеть, система образования, ФГОС.

О.П. Ильина

*Saint-Petersburg State University of Economics
Saint-Petersburg, Russian Federation
E-mail: ilop@mail.ru*

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A COMPONENT OF THE EDUCATION SYSTEM

Abstract. The article considers the possibility of using neural networks and deep learning methods in relation to the education system. It is necessary to type neural networks trained

according to the requirements of the Federal State Educational Standard of all levels and areas of training graduates of schools, secondary vocational education institutions, and universities.

Artificial intelligence technologies involve the creation of tools that have a user-friendly interface in relation to users-specialists in subject areas. In self-service mode, subject specialists should be able to configure typical neural networks to improve their efficiency.

The introduction of neural networks allows us to solve the problem of organizing a single information space for education systems. Artificial intelligence methods and the digital transformation of the Russian economy will allow us to meet the requirements of the Federal State Educational Standard for the education system, conduct its continuous monitoring and perform analysis and forecast of the state, and promptly develop management decisions. The developers of modern educational system tool complexes will be tasked with creating a user-friendly interface for neural network tools.

Keywords: Artificial Intelligence, Neural Network, Education System, Federal State Educational Standard.

Стратегия цифровой трансформации экономики Российской Федерации, согласно Национальной стратегии развития на период до 2030 года [1], ориентирована на использование методов искусственного интеллекта (ИИ). Термин «искусственный интеллект» означает комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их.

Определены государственные стратегические задачи развития ИИ в России – это доступность ИТ-инфраструктуры для развития технологий ИИ, стимулирование внедрения технологий ИИ в отраслях экономики и социальной сферы; создание комплексной системы нормативно-правового регулирования общественных отношений, связанных с развитием и использованием технологий ИИ, обеспечение безопасности применения таких технологий. По опыту применения ИИ наиболее эффективными областями его внедрения являются: автономные транспортные средства, системы сбора и обработки BigData, здравоохранение, юриспруденция, сельское хозяйство, финансовые услуги, маркетинг и реклама, а также системы образования.

При внедрении систем ИИ в различные сферы деятельности требуется соблюдать базовые принципы: безопасность технологий ИИ; гуманистический подход к человеку (права и свободы человека – высшая ценность); свобода воли человека в принятии им решений; отсутствие дискриминации отдельных лиц; риск-ориентированный подход в области ИИ, а также сохранение за человеком ответственного нравственного выбора, оказывающего влияние на жизнь или здоровье человека; квалифицированная экспертная оценка технологий ИИ со стороны специалистов [2].

На Международной конференции по искусственному интеллекту и образованию 16–18 мая 2019 г. (г. Пекин, КНР) подтвердили, что ИИ в

системах образования – объективная реальность. Документ «Пекинский Консенсус по искусственному интеллекту (ИИ) и образованию» [3] отразил общее мнение (его подписали 50 государственных министров, свыше 500 международных делегатов из более чем 100 государств-членов и около 100 представителей учреждений Организации Объединенных Наций, научных институтов, гражданского общества и частного сектора). Объявлена цель устойчивого развития на период до 2030 года (ЦУР-4) [4], для достижения которой требуется:

- разработать политические меры, направленные на систематическую интеграцию ИИ и образования в целях внедрения инноваций в процессы образования, преподавания и обучения;

- использовать потенциал ИИ для ускорения создания открытых и гибких систем образования, предоставляющих всем людям справедливые, надлежащие и качественные возможности обучения на протяжении всей жизни;

- использовать информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), потенциал новых технологий для укрепления систем образования, обеспечения доступа к образованию для всех, обеспечения качественного и эффективного обучения, справедливого и более эффективного предоставления образовательных услуг.

Наличие существенного влияния ИИ на перспективы занятости и развития навыков требует пересмотра основных принципов образования, преподавания и обучения с учетом этических проблем в связи с использованием ИИ. Развитие ИИ должно осуществляться под контролем человека и быть ориентировано на людей, отвечать их интересам [5].

Необходимы изменения и в организации процессов обучения, составе технологий обучения, содержания учебного контента. Согласно Пекинскому консенсусу, внедрение ИИ в систему образования поддерживает «человеко-центрический подход» и нацелено на обеспечение доступности образования для людей независимо от их пола, инвалидности, социально-экономического положения, этнического или культурного происхождения или местонахождения учащихся.

Применение ИИ в системах образования позволяет выделить основные варианты:

- 1) построение наборов алгоритмов разной степени сложности и методов ИИ, обеспечивающие индивидуальную траекторию процесса обучения, анализ его эффективности;

- 2) типизация задач обучения, подготовка обученных нейросетей для конкретного контента системы образования;

- 3) теневое глубокое обучение за счет усложнения архитектуры построения нейросети (многослойные прямые, рекуррентные, сверточные и др.).

Первый и второй варианты позволяют соответствовать требованиям Федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС) к результатам обучения – подготовка основных образовательных программ (начального общего, основного общего, среднего (полного) общего, начального профессионального, среднего профессионального и высшего профессионального образования). ИИ способствует изменению способа формирования образовательного контента.

Создание типовых нейронных сетей под конкретные направления подготовки, изучения отдельных дисциплин помогут максимально быстро и относительно дешево адаптировать процессы обучения под новые требования и технологии. Так называемые «предметные» нейронные сети можно стандартизировать в плане требований ФГОС. Их настройка позволит:

1) изменять структуру основных образовательных программ (соотношение отдельных частей образовательной программы, объемов материала, структуру обязательной части основной образовательной программы и части, формируемой участниками образовательного процесса и т.п.);

2) существенно экономить ресурсы образовательных учреждений – кадровые, финансовые, материально-технические на организацию системы обучения;

3) повысить объективность оценок качества основных образовательных программ и учебных заведений.

Типовой процесс обучения нейронной сети состоит из этапов:

1) инициализация параметров нейронной сети определенной архитектуры;

2) «прямое распространение, прогон» входных данных по сети для вычисления выхода нейронной сети;

3) вычисление «функции потерь» путем определения расхождения «правильных ответов» обучающей выборки и выхода нейронной сети;

4) «обратное распространение» – определение параметров нейронной сети для соответствия входа и выхода обучающей выборки (п. 3);

5) «смещение» первоначальной настройки нейронной сети с учетом корректировки ее параметров;

6) циклическое повторение действий (пп. 2–5) на множестве данных обучения, завершение процесса обучения нейронной сети (по результатам сходимости вычислений для «функции потерь»);

7) оценка эффективности нейронной сети на новых («валидационных») данных;

8) выбор альтернативного варианта:

• принятие нейронной сети как готовой к применению, если ее эффективность достаточная, переход к п. 9;

- изменение архитектуры нейронной сети, обучающей выборки, повтор процесса обучения, переход к п. 2, если эффективность нейронной сети недостаточная;

9) оценка эффективности нейронной сети на тестовых данных (не использованных в процессе обучения и валидации).

Техническая реализация нейронной сети означает интеграцию программного кода, обеспечение информационного обмена с внутренними и внешними источниками данных для формирования контента, интеграцию с системами генерации отчетов, ВІ-хранилищами данных, системой поддержки принятия решений и др.

Для использования ИИ в образовательном учреждении создается система класса LCSM – Learning Content Management System, система управления образовательным контентом, которая объединяет системы:

- LMS – Learning management System, система управления образовательным процессом;

- CMS – Content Management System, система управления контентом (это библиотека, в которой хранятся учебные пособия, учебные инструменты и другие активы компании).

Для реализации LCMS требуются развитые цифровые платформы, возможность использования облачных вычислений, технологий BigData и т.д., инструментальных средств создания, упорядочивания, агрегирования и структурирования процесса обучения, образовательного контента. Рекомендовано при построении учебного контента и организации процесса обучения применять технологии системы обучения:

- геймификация: игровая основа для вовлечения пользователей в образовательный процесс;

- интеграция технологий и методов естественного и ИИ;

- шаблоны для ресурсов и процессов LCMS;

- аналитика, развитые формы отчетности.

При создании систем LCMS учитывают номенклатуру цифровых платформ, операционных систем, наличие устройств различных классов для поддержки пользователей системы образования. Обязательным требованием является экономичность LCMS на протяжении жизненного цикла, а также ее техническая интероперабельность, следование принципам «открытых систем», гибкость архитектуры построения. Для LCMS должна быть обеспечена информационная безопасность, защита ИТ-активов, автоматизация рутинных функций и процессов (разработка и проверка тестов, анализ структуры и содержания рассматриваемых тем и т.п.) и др.

В Российской Федерации разработано множество стандартов для систем ИИЮ, таких как общие положения и терминология ИИ; требования к

образовательным продуктам с алгоритмами ИИ; показатели качества систем ИИ и др. В 2023 году вышел Международный стандарт ISO/IEC 42001-2023 «Информационные технологии. Искусственный интеллект. Система менеджмента», который определил требования к управлению системами ИИ – Artificial Intelligence Management System (AIMS). В стандарте указано, что создание, внедрение, поддержание и постоянное совершенствование систем AIMS должно осуществляться в контексте организаций, учитывать разнообразные риски ИИ.

Литература

1. Национальная стратегия развития ИИ на период до 2030 года: утверждена Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 в ред. Указа Президента РФ от 15.02.2024 № 124.

2. Этические аспекты искусственного интеллекта. Рекомендации [Электронный ресурс] – URL: <https://www.unesco.org/ru/artificial-intelligence/recommendation-ethics> (Дата обращения: 01.07.2024).

3. Пекинский консенсус по искусственному интеллекту и образованию [Электронный ресурс] – URL: https://d-russia.ru/wp-content/uploads/conf_AI_China.pdf (Дата обращения: 01.07.2024).

4. Цели в области устойчивого развития [Электронный ресурс] – URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals> (Дата обращения: 03.07.2024).

5. Пекинский консенсус по искусственному интеллекту и образованию. Итоговый документ [Электронный ресурс] – URL: https://d-russia.ru/wp-content/uploads/conf_AI_China.pdf (Дата обращения: 01.07.2024).

УДК: 330.1; 331.2

Л.А. Миэринь

*Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: mieren.l@unicon.ru*

М.А. Еремеев

*ООО «Центр профессионального менеджмента “Академия бизнеса”»
г. Саратов, Российская Федерация
E-mail: maxon2005@yandex.ru*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Аннотация. В статье исследуются проблемы внедрения искусственного интеллекта в экономические процессы, что приведет к противостоянию его и работника. Направления трансформации института заработной платы, снимающие напряженность

данного противостояния, рассматриваются в зависимости от признания цивилистами роли искусственного интеллекта в правовых отношениях.

Ключевые слова: постиндустриальный период, искусственный интеллект, институт заработной платы.

L.A. Mierin

*St. Petersburg State University of Economic
Saint Petersburg, Russian Federation
E-mail: mierin.l@unecon.ru*

M.A. Ermeev

*Center for additional professional education
LLC «Center for Professional» Management «Academy of Business»
E-mail: maxon2005@yandex.ru*

TRANSFORMATION OF THE WAGE INSTITUTION

Abstract: The article examines the problems of introducing artificial intelligence into economic processes, which will lead to confrontation between it and the employee. The directions of the transformation of the wage institution, which relieve the tension of this confrontation, are considered depending on the recognition by civilists of the role of artificial intelligence in legal relations.

Keywords: post-industrial period, artificial intelligence, institute of Wages.

Цифровизация экономики играет в постиндустриальном периоде уникальную роль фактора перехода к новому периоду экономики, который можно назвать периодом противостояния естественного и искусственного интеллектов. Важной характеристикой эпохи цифровизации является обострение «противоречия между ускорением развития среды жизнедеятельности, ее усложнением и устареванием механизмов защиты у субъектов хозяйствования» [1, с. 150]. Индустриальной экономикой было порождено противоречие между трудом и капиталом, основной формой проявления которого признано противодействие субъектов, получающих доход, с одной стороны, от вложенного в производство капитала (капиталистов) и, с другой стороны, от реализации своих трудовых функций (пролетариата). Так как основным объектом данного противодействия явилась достойная заработная плата, то в процессе согласования интересов двух противоположных сторон был создан «институт заработной платы», под которым понимается «система формальных и неформальных правил, принципов, норм, установок и формирующих их механизмов» [2, с. 73]. К факторам изменения данного института относятся «изменения во взаимодействии капитала и труда, определяемые трансформационными процессами в расстановке сил и изменении действующих лиц и их ролей в обществе» [2, с. 80],

что обуславливает необходимость совершенствования института заработной платы с учетом еще одного производственного фактора – искусственного интеллекта (ИИ).

Внедрение ИИ в производственные и иные общественные процессы породит множество проблем, основной из которых, по мнению юристов, является определение статуса искусственного интеллекта: в качестве субъекта или объекта правоотношений [3]. В случае признания юристами ИИ в качестве объекта правоотношений в экономических отношениях он будет играть роль нового вида средств производства. Данная ситуация не приведет к структурным изменениям рынка труда, на нем по-прежнему останутся два субъекта: работодатель и работник (человек). Работник, предлагая свой труд, должен получить соответствующее ему вознаграждение. В Трудовом кодексе РФ экономическое содержание дефиниции «заработная плата» раскрывается на основе ценового подхода, сформулированного основоположником классической школы политической экономии меркантилистом Уильямом Петти, как «вознаграждение за труд в зависимости от квалификации работника, сложности, количества, качества и условий выполняемой работы, а также компенсационные...и стимулирующие выплаты» [4, ст. 129].

Следует отметить, что в этой ситуации проблема роста безработицы остается актуальной в связи с передачей ИИ многих функций, выполняемых ранее человеком, а основным конкурентом отдельному работнику является другой работник с сопоставимыми характеристиками. Поэтому развитие института заработной платы должно быть направлено на обеспечение устойчивого развития социально-экономических систем и соответственно выполнение требований Национального стандарта РФ (ГОСТ Р ИСО 26000-2012) «Руководство по социальной ответственности».

Карзаева Н.Н. структурировала финансовые обязательства хозяйствующего субъекта перед работником, установленные ТК РФ с целью выявления финансовых и социальных рисков устойчивого развития социально-экономических систем на микро-, макро- и мезоуровнях [5]. Структуризация позволяет также систематизировать данные нормы по видам выплат и соответственно по направлениям развития института заработной платы, направленного на предотвращение финансовых и социальных угроз работникам в эпоху цифровизации (таблица).

Применение подхода к раскрытию заработной платы как цены труда правомерно только при соблюдении условия равенства спроса и предложения на рынке труда [6, с. 315]. Данное равновесие будет нарушено введением еще одного структурного элемента рынка труда (ИИ) в случае признания его юристами субъектом правоотношений. Конкурирующие человек и ИИ находятся в неравном положении на рынке труда в

силу принципиальных различий между ними (биологических, интеллектуальных, профессиональных и т.д.). Неравная конкуренция является причиной безработицы, которая, в свою очередь, потребует решения социальных проблем, обусловленных ею. Принципиальные различия между человеком и ИИ, которые могут выполнять одни и те же трудовые функции, обуславливают необходимость пересмотра легитимной дефиниции категории «заработная плата».

Регламентация Трудовым кодексом РФ отношений работодателя и работника по финансовым обязательствам

Вид финансового обязательства	Статья ТК РФ
<i>Оплата за труд</i>	
Оплата за увеличение объема работ	151, 152
Оплата в выходные и праздничные дни, в ночное время	153, 154
Оплата при допущении брака	156
Оплата при освоении нового производства	157
<i>Оплата за неотработанное время</i>	
Оплата за невыполнение работ, трудовых обязанностей по вине работодателя	155, 157
<i>Гарантии</i>	
Случаи предоставления гарантий по заработной плате	165, 167, 171, 173, 174, 176
Виды расходов, возмещаемых работнику при выполнении им трудовых обязательств по договору	168.1, 169

Источник: составлено автором на основании [4, 5].

В целях реализации социального направления устойчивого развития социально-экономических систем Национальным стандартом РФ (ГОСТ Р ИСО 26000-2012) «Руководство по социальной ответственности» регламентировано требование предоставления оплаты труда и других форм вознаграждения в соответствии с национальными законами, нормативными актами или условиями коллективных соглашений о выплате заработной платы, как минимум, достаточной для удовлетворения потребностей трудящихся и их семей с учетом общего уровня заработной платы в стране, стоимости жизни, пособий социального обеспечения и относительных стандартов уровня жизни других социальных групп [7]. В соответствии с данным требованием, в условиях неравной конкуренции с ИИ заработную плату следует рассматривать, согласно неомарксистскому подходу, как доходы работников. Тогда основу заработной платы формирует не вознаграждение за труд, а объем средств, позволяющих ему приобретать «набор потребительских благ и услуг, необходимых» для соответствия его компетенций «достигнутому уровню производственных сил общества» и позволяющих «динамично меняться по мере развития экономики» [6, с. 315].

Неомарксистский подход к экономическому содержанию категории «заработная плата» предполагает следующие основные направления развития данного института:

– определение порядка начисления заработной платы с учетом потребностей работника. Необходимым условием начисления заработной платы исходя из потребностей работника является наличие произведенного им продукта или выполненной трудовой функции;

– регламентация рабочего времени и условий, при которых оно может быть увеличено;

– совершенствование системы получения (повышения) профессионального образования. Изменяющийся в настоящее время образовательный контент, формы и методы обучения ставят новые и актуализируют существующие вопросы: кто и каким образом будет определять потребности в специалистах, кто и каким образом будет финансировать обучение? При этом необходимо учитывать два обстоятельства. С одной стороны, ИИ, как самообучающаяся система, является конкурентом системы образования. С другой стороны, вопросы финансирования обучения тесно связаны с институтом заработной платы как дохода работника.

Таким образом, направления трансформации института заработной платы зависят от признания цивилистами роли ИИ в правовых и, следовательно, в экономических отношениях. Признание ИИ в качестве объекта не изменит подхода к раскрытию экономического содержания категории заработной платы как цены труда, но потребует изменения норм и правил оценки как отработанного, так и неотработанного времени с учетом вклада работника в создаваемый продукт. Признание ИИ в качестве субъекта потребует принципиального изменения подхода и легитимного определения заработной платы с ценового на доходный и, соответственно, создания нового порядка расчета дохода работника с учетом потребностей его и членов его семьи, включая потребность в получении или повышении профессиональных знаний.

Литература

1. Миэринь Л.А. Безопасное развитие человека как важнейшая цель устойчивого развития социально-экономических систем // Императивы устойчивого развития социально-экономических систем в цифровой экономике. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2023. С. 150–159.

2. Миэринь Л.А., Еремеев М.А. Проблемное поле развития института заработной платы // Научное обозрение: теория и практика. 2016. № 6. С. 72–82.

3. Прутовых Р.В., Минкина Н.И. Трудовые отношения и искусственный интеллект: основные тенденции развития // Проблемы совершенствования российского законодательства. Барнаул: Изд-во Барнаульского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. С. 441–443.

4. Трудовой кодекс Российской Федерации / КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (Дата обращения: 25.06.2024).
5. Карзаева Н.Н. Финансовая безопасность на траектории коммуникации предприятия и сотрудника // Финансовое просвещение по итогам III Всероссийской научно-практической конференции по финансовому просвещению в России : сборник материалов. М.: Изд-во Ассоциации развития финансовой грамотности, 2021. С. 80–88.
6. Рабкевич С.С. Социально-экономическая сущность заработной платы в современных условиях // Современные средства связи. 2021. Т. 1. № 1. С. 314–316.
7. Руководство по социальной ответственности. Национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р ИСО 26000-2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https:// docs.cntd.ru/document/1200097847](https://docs.cntd.ru/document/1200097847) (Дата обращения: 18.06.2024).
8. Дятлов С.А. Информационные аспекты анализа экономических явлений // Экономика образования. Кострома. 1999. № 3. С. 31–44.

ГЛАВА 4. ЭКОНОМИКА РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

УДК 332.1

Е.А. Боркова

*Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: e.borkova@mail.ru*

Л.В. Ватлина

*Сибирский университет потребительской кооперации
г. Новосибирск, Российская Федерация
E-mail: vatlina01@mail.ru*

ТИПОЛОГИЯ РЕГИОНОВ В КОНТЕКСТЕ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ПОЛЯРИЗАЦИИ

Аннотация. В исследовании рассматривается типология регионов в контексте пространственной поляризации, которая представляет собой процесс неравномерного распределения ресурсов, благосостояния и возможностей между различными географическими территориями. Авторы акцентируют внимание на факторах, способствующих акцентуации пространственных дисбалансов, таких как экономические, социальные и культурные различия.

Ключевые слова: типология регионов, пространственная поляризация, региональное развитие, социально-экономические различия, полюсные регионы.

E. A. Borkova

*St. Petersburg State economic university
St. Petersburg, Russian Federation
E-mail: e.borkova@mail.ru*

L. V. Vatlina

*Siberian University of Consumer Cooperation
Novosibirsk, Russian Federation
E-mail: vatlina01@mail.ru*

TYOLOGY OF REGIONS IN THE CONTEXT OF SPATIAL POLARIZATION

Abstract. This study examines the typology of regions in the context of spatial polarization, which is the process of uneven distribution of resources, wealth and opportunities between different geographical areas. The authors focus on factors that contribute to the accentuation of spatial imbalances, such as economic, social and cultural differences.

Keywords: Typology of regions, spatial polarization, regional development, socio-economic differences, polar regions.

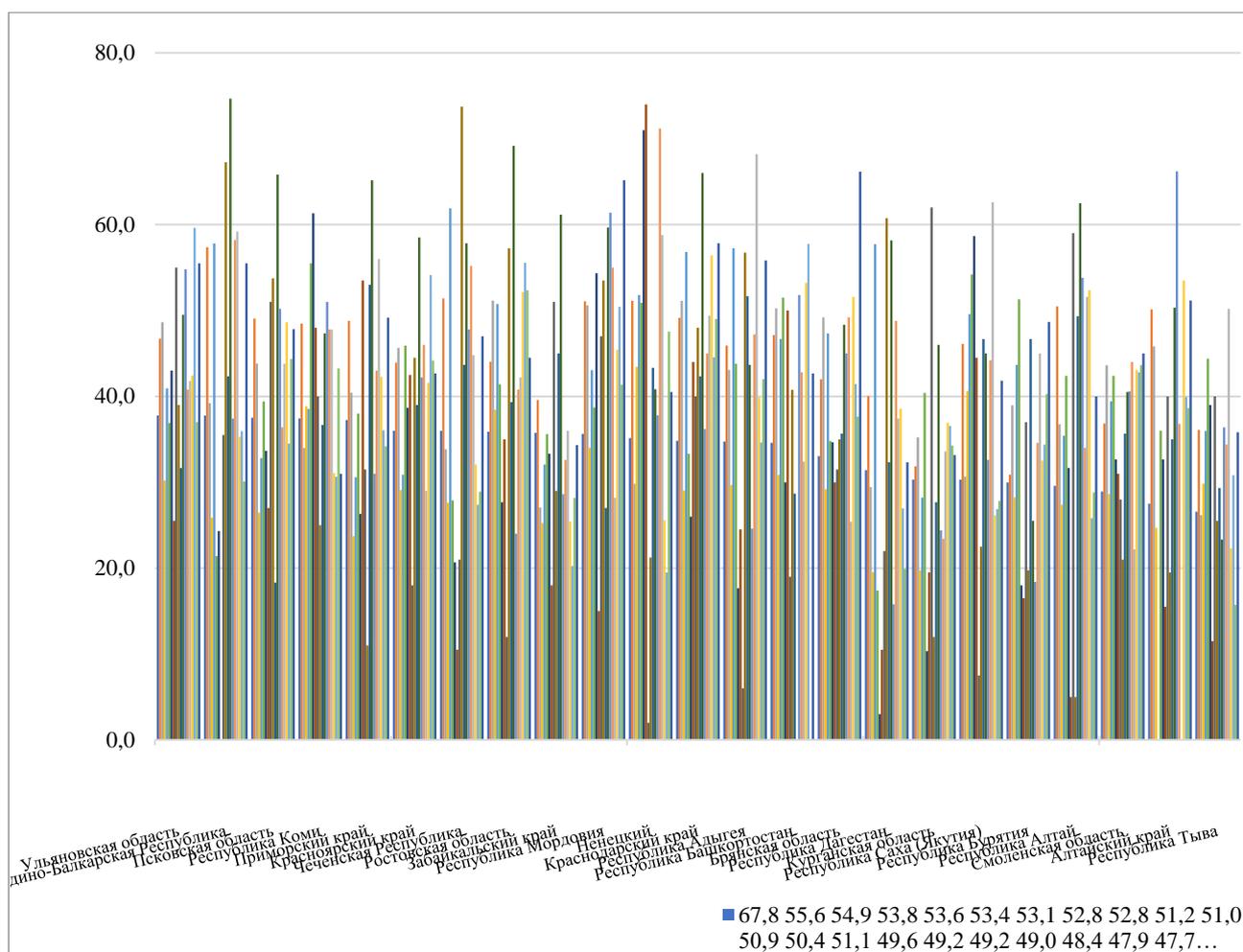
На сегодняшний день Российская Федерация включает 89 регионов, каждый из которых обладает уникальным потенциалом и уровнем социально-экономического развития. Эти различия определяются различными факторами, среди которых можно выделить природно-климатические условия, исторические особенности, географическое положение, а также степень развитости инфраструктуры и институтов. Так, например, максимальный и минимальный валовый региональный продукт на душу населения различаются в 86 раз (Москва – 89,948, Республика Калмыкия – 10,377), а разница в среднедушевых доходах и уровне бедности составляет около 5 раз [1].

Такое неравномерное распределение ресурсов и возможностей между регионами приводит к различиям в уровне жизни и благосостояния граждан. Проблема преодоления бедности и обеспечения социальной справедливости – проблема всеобщая. Неравенство возникает из-за того, что условия жизни в силу некоторых обстоятельств не могут обеспечить равные возможности для всех. Расширение экономического потенциала и инфраструктурных возможностей, поощрение предпринимательской деятельности и возможность привлечения инвестиций, а также укрепление социальных программ могут сократить неравенство и обеспечить более высокий уровень благосостояния всех членов общества в различных регионах.

Неравенство в качестве жизни между различными регионами приводит к процессу депопуляции на определенных территориях. Регионы, находящиеся в центре экономических кризисов, нуждаются в постоянной поддержке со стороны государства, и для предоставления этой поддержки должны выделяться средства из федерального бюджета.

Дифференциация между регионами имеют разнообразные корни, и для их более детального анализа необходимо провести классификацию этих различий на основе определенных критериев. При разработке мер государственного регулирования следует учитывать особенности каждой группы регионов и их направленность. Например, в случае, когда у региона низкий экономический потенциал, то целесообразным будет увеличить инвестиции в развитие инфраструктуры, тогда как для регионов с высоким потенциалом более эффективным будет направление финансирования в развитие программ в области научных и технических исследований с целью поддержки и стимулирования инноваций.

Неравномерность в развитие регионов может привести к возникновению неравенства в различных сферах экономической деятельности, включая уровень доходов населения, уровень развития производства, доступность услуг и инфраструктуры и т.д. Это, в свою очередь, приводит к снижению связности единого экономического пространства (рисунок).

Дифференциация в развитии регионов Российской Федерации в 2023 г.
(сост. автором Борковой Е.А).

Проблематика региональной пространственной поляризации в Российской Федерации является долгосрочным и многогранным явлением, сохраняющимся на протяжении различных исторических эпох, включая советский период. Основная проблема состоит в том, что некоторые регионы обладают существенными преимуществами, способствующими их развитию. К таким преимуществам относятся, например, доступ к природным ресурсам, наличие развитой транспортной инфраструктуры и удобное географическое положение, обеспечивающее связь с крупными внутренними и внешними рынками.

Кроме того, политическая стабильность и создание благоприятных условий для ведения бизнеса играют не последнюю роль в ускорении регионального развития и привлечении капиталовложений. Однако несмотря на эти факторы, существует ряд регионов, сталкивающихся с трудностями в своем развитии, что подчеркивает актуальность и сложность проблемы региональной поляризации в современной России. В результате происходит неравномерное распределение экономического и социального развития.

Советские экономисты, включая А.Г. Гранберга, в книге «Оптимизация территориальных пропорций народного хозяйства» также обращались к этому вопросу [2]. Неравномерность развития регионов является серьезным препятствием для достижения равенства и справедливости в экономике. В книге автор, обращал внимание на эту проблему и предлагал различные меры для ее устранения.

Проблема поляризации регионов остается одной из главных задач экономического и социального развития в России. Уменьшение различий между регионами требует комплексных и долгосрочных стратегий, которые должны учитывать уникальные особенности и потребности каждого региона.

Исследования, направленные на изучение дифференциации регионов, требуют глубокого анализа, который часто осуществляется с помощью разнообразных типологий и классификаций, основанных на определенных параметрах. Такой анализ позволяет более детально и точно выявить характеристики и проблемы каждого региона, а также выделить важные факторы, влияющие на их развитие.

Правильная классификация регионов дает возможность сгруппировать их в однородные категории, что упрощает сравнение экономических и социальных показателей, а также способствует стратегическому планированию в контексте социально-экономического развития. Результаты проведенных исследований в области социально-экономической поляризации и развития регионов позволяют формировать более эффективные политики и программы, направленные на сокращение неравенств и достижение устойчивого развития во всех регионах.

Таким образом, изучение региональных проекций трансформационных процессов в экономике России и разработка соответствующих стратегий являются важными шагами для обеспечения устойчивого развития страны в целом.

В целях настоящего исследования целесообразно использовать понятие «типология регионов». Под типологией регионов, в частности, понимается «разделение различных регионов страны на несколько однородных групп, выделенных на основе одного или нескольких наиболее существенных критериев, признаков, отношений и уровней организации как количественного, так и качественного характера с целью их идентификации, упорядоченного описания и сопоставления» [3].

Сегодня не существует универсальной методики для типологии регионов, но можно выделить два основных подхода к типологии регионов: комплексный подход, который основан на оценке социально-экономического положения и/или динамики развития на основе различных критериев, и специализированный подход, который опирается на один основной критерий.

Комплексный подход к типологии регионов представляет собой более всестороннее исследование, которое учитывает множество различных факторов, включая экономические, социальные, географические и демографические аспекты. Он позволяет получить более полное представление о состоянии и потенциале развития региона, а также определить группы регионов с похожими характеристиками.

Кроме того, специализированный подход к типологии регионов основан на одном основном критерии, таком как наличие определенного ресурса, индустрии или природной зоны. Этот подход может быть полезен в случаях, когда основной критерий является ключевым фактором развития региона.

Несмотря на то, что типология регионов субъективна, она может быть полезным инструментом для исследования и планирования развития регионов. При правильном использовании типологии регионов можно выявить уникальные характеристики и потенциал каждого региона, что поможет разработать наилучшие стратегии развития.

Разберем некоторые типологии, разработанные отечественными учеными и научными институтами подробнее. Одной из таких типологий является работа Института экономики переходного периода, которая была создана при участии Б. Бутса, С. Дробышевского, О. Кочетковой и др. В этой работе была предложена типология регионов, основанная на их экономической и социальной развитости. Регионы были разделены на несколько категорий в зависимости от уровня доходов населения, производительности труда, уровня безработицы и других показателей. Каждая категория регионов требовала своих подходов к развитию. Эта типология была разработана в 1990-х гг. в период реформирования экономики России и была ориентирована на создание региональной политики, направленной на устранение различий между регионами. Она до сих пор используется в России для анализа и планирования развития регионов [4].

Другой пример типологии – это работа М. Резника и Ю. Кривенко, которая предлагает классификацию регионов России на основе сочетания экономической эффективности, социального благополучия и уровня инновационной активности [5]. Исследование М. Резника и Ю. Кривенко предполагает, что различные регионы могут быть объединены в группы схожих характеристик, что позволяет выявить проблемы и перспективы развития отдельных регионов и определить возможные стратегии развития. Авторы применяют метод многомерного статистического анализа для выделения основных факторов, влияющих на экономическую эффективность, социальное благополучие и инновационную активность, и на их основе разрабатывают классификацию регионов. Полученные результаты позволяют

сформировать рекомендации по развитию регионов, учитывая их специфические особенности и потенциал.

Важно отметить, что типологии регионов необходимы для проведения анализа и разработки стратегий развития, но они не должны быть использованы как чисто формальный инструмент без учета конкретных условий и потребностей региона. Каждый регион имеет свои уникальные особенности, и любая стратегия развития должна учитывать их, чтобы быть эффективной и реализуемой. Типологии же могут служить лишь основой для более глубокого анализа и понимания региональных процессов [6]. Кроме того, проведение политики сглаживания региональных противоречий может столкнуться с некоторыми препятствиями, такими как ограниченный бюджет и необходимость принятия решений, учитывающих интересы различных регионов. Некоторые инструменты, такие как налоговые льготы, могут привести к неэффективному расходованию государственных средств и нежелательным экономическим последствиям [7]. Поэтому для успешной реализации политики сглаживания необходимо провести комплексный анализ ситуации в каждом регионе и выбрать соответствующие инструменты, которые наиболее эффективно способствуют достижению поставленных целей. Важно также учитывать мнение и потребности местных жителей, чтобы обеспечить максимальную поддержку и легитимность политики.

Литература

1. Регионы России – 2023 / Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.gks.ru> (Дата обращения: 05.09.2024).
2. Гранберг А.Г. Оптимизация территориальных пропорций народного хозяйства. М.: Экономика, 1973. 248 с.
3. Анимица П.Е., Новикова Н.Е., Ходус В.В. Типология как метод исследования социально-экономического развития регионов // Известия Уральского государственного экономического университета. 2009. № 1 (23). С. 54.
4. Бутс Б. и др. Типология российских регионов: Монография. М.: Фонд «Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара», 2002. 348 с.
5. Reznik A., & Krivenko M. Regional differentiation in Russia: the diversity of socio-economic outcomes. Palgrave Macmillan, 2016.
6. Боркова Е.А. Методические аспекты политики стимулирования инноваций для устойчивого развития и зеленого роста // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2020. № 3.
7. Боркова Е.А. Регионально-отраслевой дисбаланс регионов: оценка дифференциации по социо-эколого-экономическим показателям с помощью 3D-призмы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13. № 2. С. 191–205.

А.Н. Гаврилов

*Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: gan171@mail.ru*

Е.В. Фролова

*Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: elenafrol2011@mail.ru*

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация. Проведен анализ состояния российской экономики с точки зрения ее текущего положения и потенциала развития в глобальной экономике. Обоснована необходимость обеспечения ею технологического суверенитета, выявлены проблемы, при этом возникающие. Предложены меры по обеспечению технологического суверенитета на базе модернизации технологического базиса производства.

Ключевые слова: глобальная трансформация, технологический суверенитет, проблемы обеспечения технологические суверенитета, технологический базис производства, международное разделение труда.

A.N. Gavrilov

*Saint-Petersburg State University of Economics
Saint-Petersburg, Russian Federation
E-mail: gan171@mail.ru*

E.V. Frolova

*Saint-Petersburg State University of Economics
Saint-Petersburg, Russian Federation
E-mail: elenafrol2011@mail.ru*

PROBLEMS OF FORMING RUSSIA'S TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY IN THE CONDITIONS OF GLOBAL TRANSFORMATION

Abstract. The analysis of the state of the Russian economy is carried out from the point of view of its current position and development potential in the global economy. The necessity of ensuring its technological sovereignty is substantiated, the problems arising in this case are identified. Measures to ensure technological sovereignty based on the modernization of the technological basis of production are proposed.

Keywords: global transformation, technological sovereignty, problems of ensuring technological sovereignty, technological basis of production, international division of labor.

Трансформация российской экономической системы в современных условиях происходит в условиях все возрастающей неопределенности, которая обусловлена нарастающей дезинтеграцией глобального экономического пространства. Авторы статьи «Глобальные вызовы для системы стратегического планирования в России» отмечают в ней существенные особенности современного глобального развития, среди которых, на наш взгляд, наиболее значимыми являются: растущая конкуренция основных центров силы; рост цифровизации продуктов и услуг, финансовых рынков, ценности информации и больших массивов данных; накопление финансовых, социальных, политических обязательств, которые не могут быть добросовестно исполнены в обозримый период времени [1, с. 24 – 25].

Текущий лидер глобального развития США теряет свои позиции в конкуренции с Китаем, будущее лидерство которого, по мнению академика С.Ю. Глазьева, имеет объективную природу и обусловлено формированием в КНР и в других странах Юго-Востока, находящихся в орбите его влияния, новых технологий интегрального мирохозяйственного уклада [2].

На наш взгляд, формирование новой модели мирохозяйственного уклада хотя и приведет к внедрению в хозяйственные процессы новых прогрессивных технологий, но в условиях господства частнокапиталистического производства, неизвестно в чьих интересах эти технологии будут использованы, и каким способом будет происходить переформатирование глобального экономического пространства.

Бесспорно, только одно, что в условиях доминирования нового технологического уклада происходит утрата технологической монополии странами Запада и перераспределение технологических знаний между большим числом акторов глобального экономического пространства, в результате чего произойдет усиление процессов глобальной конкуренции (получившее название гиперконкуренции, по выражению проф. С.А. Дятлова [3], в условиях которой обострятся противоречия как между отдельными странами и группировками стран, так и глобальными компаниями за рынки сбыта готовых и промежуточных товаров и услуг, а также первичных ресурсов.

В результате этого произойдет переформатирование старых и возникновение новых цепочек добавленной стоимости, формирование новых логистических маршрутов, производственных и финансовых хабов и кластеров, сетей и институтов глобального развития, которые будут ориентированы на интересы нового мирового лидера либо на интересы нового мирового лидера и его партнеров.

На практике это означает, что если текущие тенденции усиления Востока и ослабления Запада не изменятся, то институты глобального развития и экономические сегменты с высокой добавленной стоимостью и поло-

жительной отдачей от масштаба, контролируемые в настоящее время США и их союзниками, сменят геолокацию, и глобальная экономическая власть переместится в новые финансовые и индустриальные центры развития Юго-Востока, в то время как страны Западной Европы и США, постепенно деиндустриализируются и дефинансиализируются и превратятся в страны догоняющего развития в глобальном экономическом пространстве или в лучшем, для них случае, лидеров локальных макрорегионов, если единое экономическое пространство распадется на отдельные регионы.

Естественно, возможны и другие сценарии мирового развития, поэтому приведенные выше размышления – это не более, чем правдоподобная гипотеза, хотя и базирующаяся на реальных тенденциях глобального развития, но кто реально выйдет победителем из нарастающего противостояния между регионами, странами и континентами: Европа или Азия, восточный или западный мир, Америка или Китай, или, может быть, Россия – не знает никто, но гипотетический сценарий, когда победитель получает все, вполне реалистичен.

Нас в этом контексте интересует другое: кем является Россия сейчас и кем она хочет и сможет стать в будущем? Поскольку ответ на эти вопросы предполагает ее позиционирование в будущем мироустройстве.

После развала СССР и краха социалистической модели хозяйствования новые власти России предприняли попытку встроиться в глобальный проект, используя выявленные ими сравнительные преимущества, в качестве которых ими рассматривались сырьевые ресурсы и продукты первого передела. Более высокотехнологичные, сложные производства, особенно производства, производящие продукцию двойного назначения, лишенные государственной поддержки (поддержки в широком смысле, а не только в виде государственных инвестиций) становились ненужными и объявлялись неконкурентоспособными, а их производство сворачивалось.

В результате такой трансформации экономики, в России происходила индустриализация наоборот, когда в структуре национальной экономики, стали преобладать добывающие отрасли и отрасли первичной переработки, с некоторыми вкраплениями высокотехнологичных сегментов индустриальной экономики (космос, ВПК, атомная промышленность), оставшимися как наследие от инновационной модели Советского Союза.

На наш взгляд, причиной такой разрушительной трансформации, стал неверный стратегический выбор развития страны, предложенный В. Мау и другими сторонниками этого подхода, основанный на попытке перехода в постиндустриальную стадию развития минуя стадию зрелой индустриализации [4].

Мы полагаем, что новые институты и акторы постиндустриальной экономики не возникают ниоткуда, а непосредственно формируются на

стадии индустриальной экономики, на базе материального производства. Без прохождения стадии зрелой индустриализации, в отрыве от материального производства, постиндустриальная экономика отдельно взятой страны, существовать не может, вне международной кооперации и международного разделения труда, и наличия стран, где эти реальные продукты производятся.

Более того, как показывает опыт развитых стран, материальная структура национальной экономики и производимые на ее основе продукты, и технологические решения, продолжают оставаться ключевыми факторами в конкуренции национальных экономик на глобальных рынках.

Промышленно-развитые страны мира, способные производить всю номенклатуру базовых продуктов (в терминологии проф. Д.Ю. Миропольского) [5] и имеющие преимущество в создании продуктов передовых технологических укладов (пионерных продуктов), задают глобальные тренды технологического и социально-экономического развития всего мира, формируют глобальные стандарты производства и потребления, новые технологии и способы производства, привлекают в конкурентной борьбе качественные экономические ресурсы (в том числе трудовые).

Доступ к технологиям и инвестициям, зачастую определяется не экономическими, а политическими мотивами и политической целесообразностью, как, например, первоначальная накачка западными странами, инвестициями и технологиями Южной Кореи, которые дали толчок ее развитию, в условиях ее противостояния с Северной Кореей.

Нетарифные ограничения, применяемые развитыми странами, ограничивают доступ на их рынки, а действующие запреты на трансфер технологий и принятые механизмы защиты интеллектуальной собственности не позволяют создавать потенциальную конкуренцию развитым экономикам в будущем [6].

Основная цель санкций, налагаемых на Россию, считает Е. Б. Ленчук, заключаться в том, чтобы нанести удар по стратегическим отраслям, «затормозить разработку и освоение ключевых технологий четвертой промышленной революции, таких как искусственный интеллект, квантовые вычисления, передовые преимущества России на формирующихся новых рынках» [7].

В досанкционные времена российская экономика развивалась по типу экспортно-сырьевой модели, в рамках которой в условиях благоприятной рыночной конъюнктуры и роста доходов от сырьевого экспорта наблюдался рост инвестиций не только в сырьевые отрасли, но и высокотехнологичные отрасли экономики (космос, атомную промышленность, отрасли ОПК), поддерживая количественный рост российской экономики в целом, за счет чего поддерживался приемлемый технологический уровень производства и потребления в Российской Федерации.

Однако в условиях нарастающих санкционных ограничений и глобального противостояния такая модель перестает работать. С одной стороны, общие доходы от экспорта торгуемых товаров в российской экономике сокращаются, а доступный импорт или не обеспечивает все потребности экономики, так как ассортимент производимой в дружественных странах продукции может быть недостаточен для закрытия потребностей российской экономики или ухудшает условия сделки, поскольку приобретение товаров по параллельному импорту связано со значительными рисками шантажа со стороны стран-партнеров, зачастую становящихся монополистами-посредниками на российском рынке. Также возрастает риск неполучения нужных товаров или услуг вовсе из-за введения против компаний-контрагентов из стран-партнеров вторичных западных санкций, в том числе в финансовой сфере из-за сотрудничества с Россией.

Причем страдают не только предприятия отраслей, глубоко интегрированных в зарубежные технологические цепочки, но и предприятия с высокой степенью локализации, если они используют уникальные компоненты, которые не могут быть заменены на продукцию других производителей [8].

Поэтому стратегический курс, выбранный российским руководством, направленный на обеспечение технологического суверенитета России, который определяется как способность государства обеспечить научно-технологическое и промышленное развитие для создания и поддержания собственных технологий, обеспечивающих независимость политики, экономики от иностранных технологий, представляется нам верным решением в современных условиях.

Проблемы, возникающие при обеспечении технологического суверенитета российской экономики, проистекают из длительного доминирования крупного западного бизнеса на российских внутренних рынках, что обусловило траекторию развития российских компаний до начала СВО и введения западных санкций. Доминирование западных компаний, в свою очередь, предопределило их способ встраивания в глобальные производственные и логистические цепочки, в основном за счет промышленной сборки или покупки российскими компаниями готовых изделий, а не технологий по их производству.

Так, например, в статье «Автомобильный рынок в новых условиях: состояние и перспективы», ее авторы отмечают, что основной особенностью российского автомобильного рынка за весь постсоветский период является его серьезная зависимость от условий импорта, причем здесь существенна как доля прямого импорта, так и локализованных производств, использующих импортные комплектующие, в частности в 2021 г. «17% продаваемых автомобилей были отечественных марок, 15% импортными и 68% иномарками, произведенными внутри России» из импортных комплектующих [9, с. 141].

Расчет доли импорта в промежуточном потреблении и конечном спросе, проведенный А.А. Шировым, показывает, что доля импорта для отдельных видов продукции продолжает находиться на недопустимо высоком уровне. Например, для продукции «Машины и оборудование», которая в значительной мере определяет уровень технологического развития страны, доля импорта составляет: в промежуточном потреблении – 50%; в потреблении населения – 49%; в инвестициях – 86% [10, с. 10].

В аналитической записке Банка России за июнь 2023 г. Д. Карпов при оценке импорта из стран, объявивших санкции в отношении России, отмечает, что согласно полученным результатам, доля импорта из этих стран составляет в среднем 8,1% в стоимости конечной продукции (как и прежде, больше всего от него зависят следующие отрасли: автомобилестроение (24,6%), производство резиновых и пластмассовых изделий (17,7%), прочих транспортных средств (15,6%)) [11].

Поэтому первоочередной задачей, стоящей перед страной, является создание собственной технологической базы производства, которая должна служить фундаментом высокотехнологичного сектора российской промышленности для обеспечения социально-экономического развития страны и укрепления национальной безопасности.

Использование информационных технологий и других технологий 6-го технологического уклада в промышленном производстве Российской Федерации может повысить производительность труда, изменить структуру занятости, сформировать новые стандарты производства и потребления, создав новую экономическую реальность.

Однако использование новых технологий по отдельным направлениям хозяйственной деятельности без создания системы стратегического планирования может дать некоторый положительный эффект для российской экономики, но будет, скорее всего, иметь случайный характер и не приведет к значимым системным сдвигам в ее структуре.

Новый этап научно-технологического прогресса сопровождается дальнейшим углублением процессов разделения труда на всех уровнях, что закономерно приводит к необходимости расширения рынков сбыта продукции и установлению контроля над ними, с целью накопления средств, за счет выручки от реализации товаров и услуг, позволяющих осуществить следующий технологический рывок. Формирование локальной монополии на рынке продукта, помимо расширения цепочки добавленной стоимости, сопровождается созданием новых инновационных продуктов в других секторах экономики, например, в финансовом секторе и торговле. В результате за счет удлинения цепочки добавленной стоимости происходит рост доходов экономических субъектов, которые при посредстве финансового рынка могут быть реинвестированы в сектор исследований и разработок, что необходимо для поддержания технологического лидерства отдельных компаний и национальной экономики в целом.

Поэтому, на наш взгляд, внедрению новых технологических решений, созданию новых производств и отраслей должна предшествовать программа стратегического планирования, включающая в себя первоочередное развитие информационного сектора российской экономики, который требует создания не только собственной элементной базы микроэлектроники, программного обеспечения, но и также полноценной цифровой экосистемы, включающей целые сектора промышленности, массово потребляющие микроэлектронику, а также сферу цифровых услуг (создаваемых, прежде всего, для бизнеса и промышленности), которые обеспечат доступность благ и рост спроса на производимую продукцию.

Литература

1. Блохин А.А., Кувалин Д.Б. Глобальные вызовы для системы стратегического планирования в России // Проблемы прогнозирования. 2023. № 3 (198). С. 24–41. DOI: 10.47711/0868-6351-198-24-41.
2. Глазьев С.Ю. Новый мирохозяйственный уклад. Модель для сборки // Научные труды Вольного экономического общества России. 2018. Т. 210. № 2. С. 240–246.
3. Дятлов С.А. Глобальная инновационная гиперконкуренция как фактор трансформации мировой экономики // Философия хозяйства. № 4. 2010. С. 113–131.
4. Мау В. Экономический рост и постиндустриальные вызовы // Экономический рост: после коммунизма: материалы Международной конф. / Ред. Н. Главацкая. М.: Ин-т экономики переходного периода, 2002. С. 272–281.
5. Миропольский Д.Ю. Очерки теории продукта: потенциальные формы капитала и плана эпохи до разделения труда. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015.
6. Лякин А.Н. Подходы к оценке экономического суверенитета / Государство и рынок: евразийская доминанта развития в условиях формирования многополярного мира: коллективная монография / под ред. д-ра экон. наук, проф. С.А. Дятлова, д-ра экон. наук Д.Ю. Миропольского, д-ра экон. наук, проф. Т.А. Селищевой. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2023. С. 144–152.
7. Ленчук Е.Б. Научно-технологическое развитие России в условиях санкционного давления // Экономическое возрождение России. 2022. № 3 (73). С. 52–59.
8. Ленчук Е.Б. Технологическая модернизация как основа антисанкционной политики // Проблемы прогнозирования. 2023. № 4 (199). С. 54–66. DOI: 10.47711/0868-6351-199-54-66.
9. Милякин С.Р., Скубачевская Н.Д., Валеев С.В. Автомобильный рынок в новых условиях: состояние и перспективы // Проблемы прогнозирования. 2024. № 2 (203). С. 138–151.
10. Широков А.А. Развитие российской экономики в среднесрочной перспективе: риски и возможности // Проблемы прогнозирования. 2023. № 2 (197). С. 6–17. DOI: 10.47711/0868-6351-197-6-17.
11. Банк России Зависимость России от импорта промежуточной продукции и внешнеторговые шоки: Аналитическая записка [Электронный ресурс]. – URL: https://www.cbr.ru/content/document/file/149496/analytic_note_20230628_dip.pdf (Дата обращения: 20.07.2024).

Н.В. Мышкина

*Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: nadmyshkina@mail.ru*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОПОРЦИЙ РЕАЛЬНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ (НА ПРИМЕРЕ СТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ)

Аннотация. В статье рассматривается актуальность мер государственного регулирования экономики для успешной трансформации структуры экономики. В связи с тем, что пропорции реального сектора определяют тип хозяйственной системы, товарность или планомерность, меры государственного регулирования меняют пропорции реального сектора. Административно-правовые и экономические меры составляют набор инструментов экономической политики, которые могут спланировать успешную трансформацию экономики. При наличии теоретической возможности использовать строительную отрасль как локомотив изменения структуры экономики, предпринимаемые меры экономической политики в строительстве оказались неэффективны. В статье произведена оценка мультипликативных эффектов влияния выручки фирмы на развитие отрасли и ВВП государства на основе инструментария, предложенного Камышовой А.Б. в работе «Государственное регулирование структуры реального сектора экономики России», и проведен анализ влияния отдельной единицы в строительстве на отрасль и ВВП с демонстрацией эффекта мультипликатора. Соответственно, теоретически продуманные меры поддержки строительной отрасли могут способствовать росту ВВП с учетом мультипликационного эффекта.

Ключевые слова: структура экономики, государственное регулирование, эффект мультипликатора, базовый продукт строительной отрасли.

N. V. Myshkina

*St. Petersburg State University of Economics
Saint Petersburg, Russian Federation
E-mail: nadmyshkina@mail.ru*

STATE REGULATION ON THE PROPORTIONS OF THE REAL SECTOR ON THE EXAMPLE OF THE CONSTRUCTION

Abstract: The article discusses the relevance of measures of state regulation of the economy for the successful transformation of the structure of the economy. In connection with that the proportions of the real sector determine the type of economic system, marketability or regularity, government regulation measures change the proportions of the real sector. Administrative, legal and economic measures constitute a set of economic policy tools that can plan a successful transformation of the economy. In case of theoretical capacity of using the construction as a locomotive for changing the structure of the economy, the economic policy measures taken in construction have proved ineffective. The article evaluates the mul-

tiplicative effects of the company's revenue on the development of the industry and the GDP of the state based on the tools proposed by Kamyshova A.B. in the work "State regulation of the structure of the real sector of the Russian economy" [1], and the analysis of the impact of a single unit in construction on the industry and GDP was carried out, demonstrating the multiplier effect. Accordingly, theoretically thought-out measures to support the construction industry can contribute to GDP growth, taking into account the multiplier effect.

Keywords: the structure of the economy, government regulation, multiplier effect, basic product of the construction industry

В 2022–2023 годах в связи с началом Специальной военной операции и ужесточением экономических санкций против России, существенно изменились условия существования российской экономики. Экономика впервые за долгое время столкнулась с настолько массовыми внешнеторговыми и финансовыми ограничениями. Государство ответило на вызовы и стало активно заниматься экономической политикой для сохранения национального суверенитета. Началась и активно масштабируется трансформация российской экономики. Российским компаниям пришлось в очень короткий период времени перестраивать свою производственную, торговую, логистическую, финансовую деятельность, искать новых поставщиков, новые рынки сбыта, вносить изменения в производство, ассортимент, цены. Бизнес начал подстраиваться под меняющиеся условия экономической среды.

В связи с тем, что основной задачей государства было и остается поддержание трансформации экономики, экономический рост, снижение масштаба экономических потерь, увеличение потенциала экономики, то для расширения производственных возможностей реального сектора необходимы институциональные изменения, подготовленные меры структурной и бюджетной политики, направленные на развитие инициативы, поддержку и внедрение инноваций, развитие рынка труда, общие предсказуемые условия ведения экономической деятельности. Любимые изменения, поддерживаемые государством, меняют соотношение между плановым и рыночным в экономике.

В соответствии с теорией альтернативных хозяйственных систем ведущими факторами, который определяют и последовательно формируют тип хозяйственной системы, основу которой, в свою очередь, составляют товарность (или рынок) и планомерность (или план), являются пропорции реального сектора экономики. Меры государственного регулирования меняют пропорции реального сектора экономики.

Административно-правовые меры государственного регулирования представляют собой такие действия государства в экономике, которые носят предписывающий характер и ставят целью формирование институциональной структуры экономики. Данные меры основаны на силе государственной власти, на законе, и основанных на нем мерах разрешения, принуждения и запрета, на стандартах и нормах. Нормативно-правовые ин-

струменты создают нормативно-правовое поле, в рамках которого действуют экономические субъекты.

Экономические меры государственного регулирования могут быть выражены в прямой форме – в полном подчинении предприятий государству посредством увеличения государственной собственности, работой с использованием государственного заказа, целевыми программами – и косвенной форме – создании предпосылок развития экономики таким образом, чтобы непосредственные решения экономических агентов коррелировали с мерами экономической политики, обычно выражается в виде денежно-кредитной, налоговой, бюджетной, внешнеэкономической политики.

Совокупность административно-правовых и экономических мер представляет собой набор инструментов экономической политики, которые при правильном использовании могут спланировать успешную трансформацию экономики, и переход экономики в новое состояние равновесия с достижением ключевых показателей.

Развитию строительства способствовали: развитие нормативно-правовой базы и институтов, переход на проектное финансирование с использованием счетов эскроу, утверждение соответствующих государственных программ и национальных целей. Результаты государственного регулирования оказались неэффективны.

В такой ситуации актуальной становится оценка эффективности государственного сектора с точки зрения рационального выполнения государством своих обязанностей, при оптимальном использовании ресурсов общества и государства, с достижением поставленных целевых результатов. Например, факт выполнения адресной программы капитального строительства 2021 года составляет 63,5%, что демонстрирует неэффективность государственной строительной политики по объектам капитального строительства. В наличии субъектов государственного управления много объектов долгостроев, находящихся на обслуживании федерального бюджета.

В России исторически сложилось, что строительная отрасль в числе немногих отраслей российской экономики, являлась локомотивом экономики и способствовала выходу экономики из кризисных состояний. Строительство обычно способствовало выходу смежных отраслей: производства строительных материалов, энергетики, ЖКС, частично информационных технологий и связи, сельского хозяйства, части отраслей промышленности. В свою очередь, активный рост производства строительных материалов приводит к развитию дорожного строительства, строительства железных дорог, к развитию газовой и нефтяной промышленности, содействует развитию ЖКХ, сельского хозяйства, других отраслей.

Рост строительства развивает импортозамещение, содействует увеличению внутреннего спроса и способствует созданию новых рабочих мест.

При успешном внедрении и работе меры государственного регулирования должны были изменить пропорции реального сектора. В строитель-

стве произошли существенные изменения в нормативно-правовом регулировании, использовании экономических мер в виде целевых программ. Но фактически, если рассматривать статистические показатели, то изменения структуры ВВП не происходит. Изменение доли строительства в структуре ВВП (данные по доле отрасли в структуре ВВП), данные по объему работ по виду деятельности «Строительство» в процентах к предыдущему году (в сопоставимых ценах), изменение ввода в действие жилых домов показано в таблице.

Динамика развития строительной отрасли России за 2018–2022 годы

Показатель	2018	2019	2020	2021	2022
Изменение доли строительства в структуре ВВП	5,60%	5,40%	5,40%	4,90%	5,20%
Индекс изменения объема работ по виду деятельности «Строительство» в процентах к предыдущему году (в сопоставимых ценах)	106,3	102,1	102,1	107,0	105,2
Индекс ввода в действие жилых домов, в процентах к предыдущему году	95,5	106,2	100,2	112,7	111,0

Показатели ввода в эксплуатацию жилья не соответствуют статистическим данным по изменению доли строительства в структуре ВВП по виду деятельности «Строительство». Проблема может состоять как в особенностях сбора статистических данных по ОКВЭД «Строительство», так и связана со спецификой самого продукта строительной отрасли.

Обратим внимание на продукт строительной отрасли. Продукт строительной отрасли имеет двойственную природу. Аналогично золоту, базовый продукт строительной отрасли является инвестиционным активом, на нем зарабатывают на длинных позициях на рынке, во-вторых, он является спекулятивным активом, на котором часто зарабатывают на коротких позициях при кризисном рынке, в-третьих, он несет в себе тезаврационную функцию, функцию сохранить свои сбережения «на черный день». Соответственно, динамика цен на строительном рынке является показателем состояния экономики. В связи с зарегулированностью финансовых рынков базовый продукт строительной отрасли отражает дефляцию в экономике и снижение покупательной способности национальной валюты. Количественное ослабление выпуска национальной валюты приводит к росту спроса на инструменты хеджирования для возможной защиты от нестабильности, дефляции и последующей дефляции на фоне роста денежной массы. На постиндустриальной стадии, при переходе в информационную экономику, экономика меняется, и макроэкономические регуляторы, которые ранее показывали информацию о состоянии экономики, перестают ра-

ботать, необходимы разработка и внедрение новых показателей, работающих для информационной экономики, и принятие государственных решений на этой основе.

Вторая составляющая продукта – это товарность и использование непосредственно в потреблении как жилая недвижимость – потребление домашними хозяйствами, как коммерческая недвижимость – использование в качестве средств производства.

По показателям динамики доли строительства в структуре ВВП не отслеживается связь между активными мерами государственного регулирования и изменением структуры экономики. Развитие отрасли строительство происходило только на рыночной (товарной) основе как преимущественно базового продукта [2, с. 177]. Базовый продукт – это продукт, который производится традиционным способом и удовлетворяет жизненно-важные потребности, без которых человек в данном своем качестве существовать не может [2, с. 177]. Обоснование процессов базовости и пионерности подробно изложено авторами в рамках концепции альтернативных хозяйственных систем [2]. Используя выводы о том, что товарность (рынок) возникают там, где в продукте преобладает базовость, выдвигаем гипотезу, что потенциал строительного рынка и его возможности для структурного развития экономики и преодоления кризисных явлений не используются.

По показателям остро ощущается необходимость качественного обдуманного планирования, учет знаний экономической теории, а именно системность и научный подход в планировании государственной программы в отрасли строительства. Кроме того, доказано, что строительство обладает самым большим мультипликатором с точки зрения развития внутреннего спроса в экономике – одно рабочее место в строительстве обеспечивает пятью рабочими местами смежные отрасли. В связи с этим интересен расчет мультипликатора в строительстве на основании реальных данных, и анализ, возможно ли использовать аналогичный инструментарий для выполнения государственных программ.

В работе Камышовой А.Б. «Государственное регулирование структуры реального сектора экономики России» [2] была произведена оценка мультипликативных эффектов влияния выручки фирмы на развитие отрасли и ВВП государства. Опираясь на предложенный в статье инструментарий, проведем анализ влияния отдельной средней по целевым показателям фирмы, являющейся застройщиком проекта по функционалу, реализующей проект по строительству жилого дома, общая площадь 28500 кв. м, объем 111 000 куб. метров, общая площадь квартир 18000 кв. м, на показатели отрасли и на показатели народного хозяйства.

Основные параметры: разрешение на строительство получено в 2018 году, соответственно, проектирование и сбор документов для получения разрешения на строительство 2016–2017 годов, завершение строительства –

2023 год, основной объем выручки признан в 2022 году в сумме 1047,15 млн руб. (выручкой признается экономия застройщика).

Выручка 2022 года в пересчете в цены 2021 года 9– 35,458 млн руб. Выручка отрасли строительство в 2021 году – 11 047 948,2 млн руб., выручка отрасли строительство в 2022 году – 13 149 369,5 млн руб., в 2022 году в пересчете на цены 2021 года – 11 746 801,4 млн руб. Прирост 698 853,2 млн руб. ВВП 2021 год – 135 773,8 млн руб., ВВП 2022 год – 155 188,9 млн руб., ВВП 2022 года в пересчете в цены 2021 года – 138 635,8 млн руб.

$$\begin{aligned}r \text{ проекта} &= 698\,853,2/935,458 = 747,07; \\m \text{ отрасли} &= 138\,635,8/698\,853,2 = 0,1984; \\m \text{ эф} &= 138\,635,8/935,458 = 148,20.\end{aligned}$$

В данном случае внутриотраслевой мультипликатор проекта r проекта = 747,07 показывает прирост объема конечного продукта отрасли в стоимостном выражении вследствие реализации 1 дополнительной единицы конечного продукта проекта.

Мультипликатор отраслевых эффектов m отрасли показывает, что в данном периоде прирост объема ВВП вследствие прироста объема конечного продукта в отрасли на одну единицу не существенен и составляет 0,1984. Мультипликатор эффекта инвестиционных проектов m эф = 148,2 показывает, что прирост объема ВВП как результат прироста конечного продукта проекта на одну единицу оказывает существенное позитивное влияние на ВВП и составляет 148,2. Внутриотраслевой мультипликатор проекта показывает прирост объема конечного продукта отрасли в стоимостном выражении вследствие реализации 1 дополнительной единицы конечного продукта проекта.

Данный мультипликатор полезен для того, чтобы адекватно понимать влияние строительной отрасли на экономику и доказывает влияние одной конкретной строительной единицы на рынок и ВВП с учетом эффекта мультипликатора. Соответственно, обдуманые меры поддержки строительной отрасли могут существенно способствовать увеличению ВВП в краткосрочном и среднесрочном периоде.

С учетом понимания эффекта мультипликатора есть возможность корректно устанавливать количественные параметры для измерения целей госпрограмм, связанных с улучшениями жилищного фонда, и определять инструменты государственного регулирования: оценивать необходимое финансирование, рассчитывать влияние льгот с учетом длительного цикла в строительстве, от покупки земельного участка и отработки финансирования данной покупки банками, через стадию проектирования, получения необходимых разрешений, самого строительства и сдачи объекта городу, с учетом необходимого временного интервала в достижений целей госпро-

граммы. Эффект от реализации мер по развитию строительного рынка будет проявляться в будущем, но, как показывает мультипликатор, он будет ощутим для экономики и ее структурной перестройки.

Литература

1. Камышова А.Б. Государственное регулирование структуры реального сектора экономики России // Проблемы современной экономики. 2023. № 2 (86). С. 45–49.
2. Евразийская политическая экономия : учебник / под ред. И.А. Максимцева, Д.Ю. Миропольского, Л.С. Тарасевича. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2016. 767 с.
3. Leventsov V., Gluhov V., Kamyshova A., Skripnichenko D. Specifics of forming an innovation sector when developing Industry 4.0 technology // Lecture Notes in Computer Science. 2022. Т. 13158 LNCS. С. 179–190.
4. Сакс Дж.Д., Ларрен Ф.Б. Макроэкономика. Глобальный подход. М., 1996.
5. Герсонская И.В. Виды эффективности государственного сектора экономики и их классификация // Современная экономика: проблемы и решения. 2020. № 5 (125). С. 8–17.
6. Бочарова Е., Глагольева Н., Здоровина И., Коваленко Л., Тальская М. Деньги для модернизации // Банки и деловой мир. 2012. № 4. С. 46–67.
7. Распоряжение Правительства РФ от 10.05.2016 № 868-р (ред. от 23.11.2016) «О Стратегии развития промышленности строительных материалов на период до 2020 года и дальнейшую перспективу до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 20, ст. 2863.
8. Распоряжение Правительства РФ от 31.10.2022 № 3268-р (ред. от 29.11.2023) «Об утверждении Стратегии развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2035 года» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 45, ст. 7815.

УДК 332.1

Е.Е. Павлова

*Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: pavleniar@mail.ru*

САНКЦИИ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. Статья представляет собой попытку осмыслить санкции не просто как инструмент внешнеэкономического давления, а как характеристику современного глобального миропорядка. Комплексный подход к изучению санкций как с экономической точки зрения, так и с точки зрения влияния на политические и культурные связи между странами и регионами обуславливает необходимость глубокой теоретической проработки данной темы и позволяет распространить понятие «санкционная экономика» на мировой уровень.

Ключевые слова: мировая экономика, глобальная экономика, санкции.

SANCTIONS AS AN INTEGRAL PART OF THE MODERN ECONOMY

Annotation. This article is an attempt to understand sanctions not just as an instrument of foreign economic pressure, but as a characteristic of the modern global world order. An integrated approach to the study of sanctions both from an economic point of view and from the point of view of the impact on political and cultural ties between countries and regions necessitates a deep theoretical study of this topic and allows us to extend the concept of "sanctions economy" to the world level.

Keywords: world economy, global economy sanctions.

Любое экономическое исследование или даже любой экономический обзор последнего времени так или иначе затрагивает современную геополитическую обстановку. Как показала практика, чисто экономической науки, не подверженной влиянию политических сил, интересов, амбиций и устремлений, не существует. И когда экономисты говорят о наличии тех или иных внешних сил, которые оказывают влияние на экономическую систему, модель или процесс то, скорее всего, подразумевают именно политические факторы. В настоящий момент такие политические факторы воздействуют как на микро-, так и на макроуровень. И влияние это, разумеется, не одностороннее, каждый отдельный хозяйствующий субъект сталкивается с теми или иными последствиями политических решений: санкции и ограничения, накладываемые на экспортно-импортные потоки приводят к необходимости искать новых партнеров, новых контрагентов, новые материалы, новые технологии, новые рыночные ниши и т. д. Изменения, которые происходят в каждом хозяйствующем субъекте, в свою очередь, определяют организацию хозяйствования на макроуровне в рамках отдельной страны, отдельной экономической системы, накладывают отпечаток на особенности функционирования интеграционных группировок и союзов и, в конечном итоге, влияют на формирование всего экономического миропорядка.

Конец эпохи монополярного мира многие исследователи также связывают не только с экономическими тенденциями, такими как, например, ослабление позиции ведущих мировых валют, ситуация на мировом рынке энергетических ресурсов, цифровизация экономики, а, скорее, с политическими, а порой, военно-политическими изменениями на карте мира.

Характеризуя современное состояние мировой экономики, довольно часто используют термин «глобальная экономика», подразумевая все более

тесное взаимопереплетение и взаимозависимость отдельных стран и регионов. Экономическая теория часто связывает эволюцию мировой экономической системы, в том числе со все большим вовлечением тех или иных сфер человеческой деятельности в международное сотрудничество. Товарное хозяйство, выйдя за пределы отдельной страны или региона, породило международную торговлю, мобильность факторов производства, в том числе труда и капитала, дало толчок формированию мирового хозяйства. Создание надгосударственных институтов регулирования экономики и финансовой сферы после Второй мировой войны, таких как Всемирный банк, Международной валютный фонд, Всемирная торговая организация и другие, дополнили архитектуру мировой экономики. Дальнейшая эволюция отдельных секторов мировой экономики продемонстрировала примеры стирания границ между национальными экономика, образование единых валютных и хозяйственных союзов. Но такая тенденция, которая зачастую и обозначается термином «глобализация», представляет собой лишь вершину айсберга. Аккумуляция мировых экономических ресурсов в руках отдельных стран порождает многочисленные контртенденции. В XX веке мы наблюдали несколько достаточно показательных примеров неповиновения монополярному миру. Это и свержение колониальных режимов на африканском континенте, энергетические кризисы семидесятых годов, которые привели к резкой трансформации структуры мирового нефтяного рынка. С этим же периодом связывают возникновение так называемых новых индустриальных стран, которые являются весомой силой в мировом хозяйстве. Развал социалистической системы хозяйствования, образование множества независимых государств, отказавшихся от жесткой административно-командной экономики, также повлияли на эволюцию мирового экономического миропорядка. Перечень значимых изменений можно продолжать, но в любом случае везде мы найдем политическое решение и политические интересы. И основная проблема, которая лежит в основе большинства потрясений последних десятилетий, связана с фундаментальной проблемой экономики: безграничные потребности сталкиваются с ограниченными ресурсами, потребности растут, а доступные и дешевые ресурсы сокращаются.

С глубокой древности борьба за территории, борьба за ресурсы велась с использованием военной силы. Вмешиваясь во внутренние конфликты или провоцируя внутренние конфликты, третьи страны зачастую преследовали не гуманистические цели, связанные с торжеством справедливости и поддержкой демократических режимов, а отталкивались исключительно от собственных интересов, связанных с доступом к источникам сырья, рынкам сбыта и новым сферам влияния. Наличие потенциального врага само по себе являлось сильнейшим локомотивом для развития крупнейших эконо-

мик XX века, не теряет эта тенденция своей силы и в настоящий момент времени. Традиционные первичная – добывающая промышленность, вторичная – обрабатывающая промышленность и третичная сфера – сфера услуг экономики дополнилась и четвертым сектором – военно-промышленным комплексом.

Если проанализировать статистику, то несложно заметить, что за последнее десятилетие военные расходы росли практически во всех странах мира. Причем прирост исчислялся в десятках процентов. Так, например, в Китае прирост составил 60%, в Индии – 44%, в Германии – 48% в Соединенных Штатах Америки – около 10%, но это объясняется скорее весомой долей расходов США в области военной техники и вооружений в мире – около 37% и по абсолютному значению США остаются лидером по этой статье с большим отрывом [1].

Однако если локальные военные конфликты в тех или иных странах и регионах зачастую воспринимаются мировой общественностью с определенной долей неизбежности, то к открытым военным соприкосновениям, способные вовлечь страны в очередной мировой конфликт, многие не готовы. В ход идут иные инструменты борьбы за политическую и экономическую гегемонию. Во второй половине XX века весьма эффективным инструментом давления на неудобные страны становятся санкции.

Санкции – это инструмент давления. Санкции могут накладываться на физические лица, компании, страны с целью повлиять на их деятельность, на их решение. В международной практике под экономическими санкциями подразумевается система мер, запрещающих в стране, против которой они введены, а в ряде случаев и странам, поддерживающим ее, ввести ту или иную деятельность на мировом рынке. То есть можно сказать, что санкции – это элемент блокады отдельных видов экономической активности.

Однако санкции – это не изобретение XX века. Первое использование санкций приписывают древним грекам, а в отношении России многие историки находят элементы санкционной политики еще в глубоком Средневековье. Считается, что первые санкции против Российского государства были применены еще в 1548, тогда санкции коснулись приглашенных из Европы по поручению Ивана Грозного мастеров различных специальностей [2].

Однако до последнего времени санкции как инструмент давления не носили массового характера, а применялись скорее в отношении отдельных стран, а если говорить о экономической составляющей, то касались отдельных отраслей или продуктов. Можно утверждать, что такой инструмент внешнеэкономической политики как квотирование, и его самый жесткий вариант – эмбарго, также может расцениваться как инструмент санкцион-

ной политики. Более того, можно утверждать, что политика протекционизма может рассматриваться как инструмент санкционной политики.

Исходя из такого видения, анализ санкционной политики, ее причин, свойств и последствий приводит к нас к следующему термину – «санкционная экономика». Причем, говоря о санкционной экономике, подразумеваем не только страну, против которой введены санкции. Санкционной экономикой можно назвать современный этап функционирования мирового хозяйства всей глобальной экономической системы.

Как показывает практика, в настоящий момент практически все страны мира так или иначе подвергаются воздействию санкций со стороны других стран. Примечательный момент, что впервые за долгую историю политической и экономической гегемонии санкции вводятся и против Соединенных Штатов Америки.

Изучение санкционной экономики в глобальном масштабе только начинается. Одни исследователи полагают, что санкционный режим конечен и среднесрочной перспективе эскалацией конфликта сойдет к минимуму. Другие придерживаются мнения что санкции настолько прочно вошли в экономические реалии современной экономики, что отказаться от них практически невозможно, и санкционная война, наряду с информационной войной, может рассматриваться как ведущий инструмент передела мирового господства. Однако большинство исследователей уже сейчас предполагают, что российский опыт существования в условиях санкций будет представлять собой уникальный пример мобилизации скрытых ресурсов экономики и обретения отдельно взятой страной специфического конкурентного преимущества.

В настоящий момент делаются попытки подвести промежуточные итоги влияния санкций на экономику России. Оценки подвергаются такие показатели, как темпы изменения валового внутреннего продукта, объемы и направления экспортно-импортных потоков. Оценка касается рынков природных энергетических ресурсов, труда, валютного и финансовый рынков. Бесспорно, что санкции способствует становлению и развитию уникальной экономической системы России. А санкционная мировая экономика обретает своеобразные черты, к которым придется приспособливаться всем участникам экономической и политической жизни, всем странам мира.

В заключение хочется сказать, что данную статью мы расцениваем как попытку обозначить актуальность исследование проблемы санкций в общемировом масштабе, показать, что санкции настолько прочно вошли в мировое хозяйственную практику, что дальнейшее изучение мирового хозяйства будет связано именно с изучением санкционной мировой экономики.

Литература

1. Как ведущие армии мира увеличивают свои военные расходы. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/27/06/2023/64999a879a79473511b33183> (Дата обращения: 28.08.2024).
2. От Древней Греции до холодной войны: краткая история экономических санкций [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.vokrugsveta.ru/articles/ot-drevnei-grecii-do-kholodnoi-voiny-kratkaya-istoriya-ekonomicheskikh-sankcii-id733523/> (Дата обращения: 28.08.2024).

УДК 338.1

С.Н. Пшеничникова,

А.И. Лукьянова,

Е.А. Титова,

*Санкт-Петербургский государственный
экономический университет*

Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: sveta_nikolaevna@list.ru

ВЛИЯНИЕ ПРЯМЫХ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ПРИНИМАЮЩЕЙ СТОРОНЫ

Аннотация. В статье обосновано как положительное, так и отрицательное влияние прямых иностранных инвестиций (ПИИ) на экономику Российской Федерации. Авторами проанализирована динамика ВВП, стоимости основных фондов и инвестиций в основной капитал России за период 2013–2023 гг., выявлена их корреляция. Построены прогнозные оценки величины прямых иностранных инвестиций, исследована взаимосвязь между ПИИ и основными макроэкономическими показателями.

Ключевые слова: прямые иностранные инвестиции, внутренний валовой продукт, инвестиции, основной капитал, тренд.

S.N. Pshenichnikova,

A.I. Lukyanova,

E.A. Titova

St. Petersburg State University of Economics

Saint Petersburg, Russian Federation

E-mail: sveta_nikolaevna@list.ru

THE IMPACT OF FOREIGN DIRECT INVESTMENT ON THE ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A HOST COUNTRY

Abstract: The article substantiates both the positive and negative impact of foreign direct investment (FDI) on the economy of the Russian Federation. The authors analyzed the dy-

namics of GDP, the value of fixed assets and investments in fixed assets in Russia for the period 2013-2023, and revealed their correlation. Forward-looking estimates of the value of foreign direct investment have been constructed, and the relationship between FDI and key macroeconomic indicators has been studied.

Keywords: foreign direct investment, gross domestic product, investments, fixed capital, trend.

Привлечение иностранных инвестиций как прямых, так и портфельных, в национальное хозяйство положительно влияет на социально-экономическое положение страны и динамику ее макроэкономических показателей. Для экономики Российской Федерации роль иностранных вложений также достаточно велика [1].

При этом для стран, принимающих зарубежный капитал, положительный эффект ПИИ может заключаться в следующем:

- повышение загрузки производственных мощностей, а также возможность создавать дополнительные рабочие места;
- в результате увеличения факторов производства возникают потенциальные и реальные возможности достижения положительного экономического роста в целом в экономике, и в реальном секторе, в частности;
- усиление кооперационных связей между странами и регионами;
- передача определенных компетенций в области создания новых технологий, материалов, продуктов, организационных новаций;
- рост производства отечественных товаров и услуг способен обеспечить возрастание внутреннего спроса, а также рост экспорта;
- рост совокупных расходов приведет через определенный временной промежуток к росту совокупных доходов;
- в связи с этим возможен рост доходов населения и повышение уровня жизни;
- рост совокупных доходов приведет к росту прибыльности предпринимательского сектора;
- рост налоговых поступлений в бюджет страны;
- усиление участия и роли национальной экономики в международном разделении труда;
- активизация деятельности сферы НИОКР на уровне межгосударственного сотрудничества.

Но здесь следует отметить наличие достаточно широкого спектра угроз, потенциально инициируемых рисками применения зарубежного капитала:

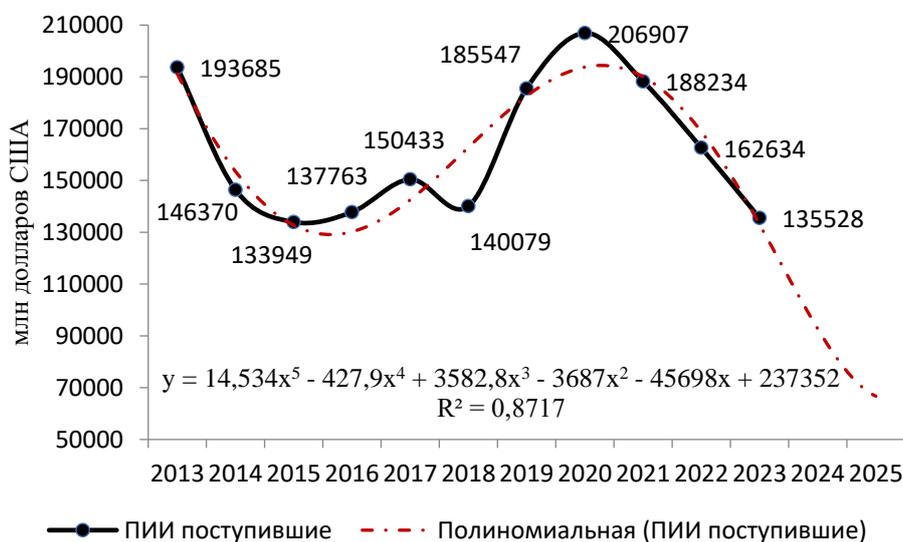
- зависимость отечественных производителей от иностранных технологий, квалифицированных специалистов, комплектующих и др.;
- снижение уровня экономической и технологической безопасности страны;

– возможность недостаточной активности отечественных производителей, что приведет к замедлению экономического роста и инвестиционного процесса по причине занятия рыночных ниш иностранным производителем и капиталом;

– угрозы вытеснения с рынка местных производителей.

При существовании множества определений понятия «прямые иностранные инвестиции (ПИИ)» считаем необходимым выделить дефиницию данного термина в редакции Л.В. Московцевой: «Прямая иностранная инвестиция – это вложения в реальный сектор экономики, сопряженные с определенным уровнем риска и неопределенности» [2].

Проанализируем динамику поступивших ПИИ в российскую экономику за период 2013–2023 гг. и их тренд (рис. 1).

Построено авторами по [5].

Рис. 1. Динамика поступления ПИИ в Российскую Федерацию за период 2013–2023 гг.

Из рис. 1 видно, что в рассматриваемый временной интервал пик поступления ПИИ в отечественную экономику отмечен в 2020 г. в размере 206,907 млрд долл., затем отмечается устойчивое снижение показателя по годам, вплоть до 2023 г. Это в большей степени объясняется расширением пакета антироссийских санкций, на текущий момент их уже более 15 тысяч. Полиномиальная линия тренда – это кривая линия, которая используется при изменении данных.

Прогнозные оценки поступления ПИИ, соответствующие тренду, отражают дальнейшее снижение показателя вплоть до 70 млрд долл. к 2025 г.

(Прогноз сделан с помощью трендовой модели, построенной средствами в MS Excel), адекватность которой подтверждается высоким значением коэффициента детерминации, составляющим 0,8717.

В контексте изучения воздействия прямых иностранных инвестиций на экономическое развитие России целесообразно исследовать в динамике основные макроэкономические показатели страны.

Валовой внутренний продукт Российской Федерации в 2023 г. по сравнению с 2013 г. (в сопоставимых ценах 2021 г.) увеличился на 9%, в том числе за текущий год произошел рост на 3,6%. При этом ВВП в расчете на душу населения в текущих ценах за анализируемый период возрос с 14,6 тыс. долл. в 2013 г. до 15,1 тыс. долл. в 2023 г. Однако в пересчете на российский рубль рост составил 2,3 раза: 507, тыс. руб. в 2013 г. и 1176,6 тыс. руб. в 2023 г. Стоимость основных фондов увеличилась за исследуемый период 2013–2023 гг. в 3,5 раза, а инвестиции в основной капитал в фактических ценах всего и в расчете на душу населения возросли соответственно на 53,1 и 48,6% (таблица).

Анализ динамики макроэкономических показателей Российской Федерации за период 2013–2023 гг.

Год/Параметр	ВВП		Стоимость основных фондов, млрд руб.	Инвестиции в основной капитал	
	в ценах 2021 г., млрд руб.	на душу населения (в текущих ценах), тыс. руб.		в фактических ценах, млрд руб.	на душу населения (в фактических ценах), руб.
2013 г.	124 320,3	507,530	133521,5	13 450,2	93 725
2014 г.	125 235,6	539,424	146359,4	13 557,5	92 802
2015 г.	122 765,0	565,361	160725,3	13 897,2	94 922
2016 г.	123 002,8	580,916	183403,7	14 748,9	100 555
2017 г.	125 249,7	621,870	194649,5	16 027,3	109 146
2018 г.	128764,6	702,627	210940,5	17 782,0	121 106
2019 г.	131595,0	741,097	349731,1	19 318,8	131 631
2020 г.	128102,9	728,860	362191,7	20 393,7	139 245
2021 г.	135295,0	922,264	400243,4	23 239,5	159 323
2022 г.	132494,8	1057,767	427401,3	27 865,2	189 929
2023 г.	135553,0	1176,687	471108,2*	34 036,3	232 998
2023 г. в % к:					
2013 г.	109,0	231,8	352,8	253,1	248,6
2022 г.	102,3	111,2	110,2	122,1	122,7

* данные расчетные

Источник: [4; 5].

Приведем графическую иллюстрацию изменения индекса физического объема ВВП (в расчете на душу населения) и темпов роста прямых иностранных инвестиций в России. Из рис. 2 видно, что индекс физического объема ВВП превышает 100%-ный уровень (горизонтальная линия) в 2017 г., 2018 г., 2019 г., 2021 г. и в 2023 г. В остальное время этот параметр варьируется на уровне 97–99%. Отметим, что в условиях экономических санкций национальное хозяйство нашей страны «претерпевает определённые изменения, которые отражаются и на динамике, и на объеме, и на структуре ВВП, однако существенного снижения ВВП в текущих ценах не произошло» [3].

Построено авторами по [5].

Рис. 2. Динамика индекса физического объема ВВП на душу населения и темпов роста прямых иностранных инвестиций в Российской Федерации за период 2014–2023 гг., %

Наиболее высокий темп роста прямых иностранных инвестиций отмечен в 2019 г., затем наблюдается постоянное уменьшение показателя. Так, в 2023 г. темп роста ПИИ составил 83,3% по сравнению с предыдущим годом, что означает уменьшение объема ПИИ на 16,7%.

В завершение рассмотрения проблемы влияния ПИИ на экономику Российской Федерации как принимающей стороны, отметим следующее:

– динамика темпов роста ПИИ более резкая, чем динамика индекса физического объема ВВП на душу населения, что объясняется не только эффектом мультипликатора инвестиций, но и эффектом акселератора, приводящего к более неустойчивой динамике инвестиций и ВВП, что

и подтверждается макроэкономическими параметрами российской экономики;

– снижение темпов роста прямых иностранных инвестиций тесно коррелирует с введением санкций и ограничений, что относится к экзогенным факторам, идущим со стороны внешней среды (внешнеэкономической и внешнеполитической);

– активная инвестиционная политика страны, которая принимает зарубежный капитал, не в полной мере способствует активизации инвестиционного процесса со стороны отечественных фирм и даже вызывает «бегство капитала», решающую роль в данном процессе играет инвестиционный климат в национальной экономике;

– ПИИ могут вызывать вытеснение отечественных инвестиций по причине более больших возможностей транснациональных корпораций в части конкурентных преимуществ (издержки, цена, технологии);

– целесообразно государственное регулирование процессов иностранного инвестирования ресурсов в отечественную экономику.

Статья выполнена в рамках инициативной НИР Санкт-Петербургского государственного экономического университета «Государство и рынок: евразийская доминанта развития в условиях формирования многополярного мира».

Литература

1. Буневич К.Г., Мутовкина А.Е. Влияние прямых иностранных инвестиций на макроэкономические показатели и международный рейтинг России // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2018. № 3 (26). С. 7–15.

2. Московцева Л.В., Кисова А.Е., Митрофанова О.Н. Роль иностранных инвестиций в устойчивом развитии экономики России // Экономика, предпринимательство и право. 2022. Т. 12. № 10. С. 2795–2806.

3. Пшеничникова С.Н., Наумова Е.С. Регулирование экономики России: анализ количественно-качественных факторов, влияющих на динамику ВВП // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2023. № 3 (69). С. 127–133.

4. Федеральная служба государственной статистики. Валовой внутренний продукт [Электронный ресурс]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (Дата обращения: 21.08.2024).

5. Федеральная служба государственной статистики. Регионы России. Социально-экономические показатели. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (Дата обращения: 20.08.2024).

6. Дятлов С.А. Дятлов С.А. Информационные аспекты анализа экономических явлений // Экономика образования. Кострома. 1999. № 3. С. 31–44.

С.Н. Пшеничникова,

А.И. Молодцова,

Д.А. Магомедов

*Санкт-Петербургский государственный
экономический университет*

Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: sveta_nikolaevna@list.ru

ГРАВИТАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ РОССИИ С ДРУЖЕСТВЕННЫМИ СТРАНАМИ

Аннотация. Гравитационная модель внешней торговли иллюстрирует взаимосвязь торговых потоков между двумя странами на основе их основных экономических параметров функционирования и расстояния между ними. Она основывается на Законе всемирного тяготения И. Ньютона, который утверждал, что сила притяжения между двумя телами зависит от их массы и расстояния между ними. В данной статье рассматривается применение гравитационной модели по отношению к торговле между Россией и некоторыми дружественными странами с целью установления степени и уровня их сотрудничества.

Ключевые слова: внешняя торговля, гравитация, национальная экономика, ВВП, объем торговли.

S.N. Pshenichnikova,

A.I. Molodtsova,

D.A. Magomedov

St - Petersburg State University of Economics

Saint Petersburg, Russian Federation

E-mail: sveta_nikolaevna@list.ru

GRAVITATIONAL MODEL OF RUSSIA'S FOREIGN TRADE WITH FRIENDLY COUNTRIES

Abstract. The gravity model of foreign trade is an economic model that explains trade flows between two countries based on their economic size and the distance between them. It is based on Newton's law of universal gravitation, which states that the force of attraction between two bodies depends on their mass and the distance between them. This article examines the application of the gravity model in relation to trade between Russia and some friendly countries in order to establish the degree and level of their cooperation.

Keywords: foreign trade, gravity, size of economy, GDP, amount of trade.

В статье рассматривается способность гравитационной модели объяснять и прогнозировать объемы торговых потоков между странами на основе их экономической мощи, определяемой основными макроэкономическими параметрами и расстоянием между ними. Гравитационная модель

используется для оценки потенциала торговых связей между странами, а также для анализа влияния различных факторов на объемы торговли, таких как тарифы, квоты, изменения валютных курсов. Она также позволяет определить наиболее важных торговых партнеров для каждой страны, выявлять потенциальные риски и возможности для развития торговых отношений. По своей сущности она представляет собой эконометрическую модель, которая описывает торговые взаимоотношения между двумя странами на основе Ньютоновского закона гравитации.

Первооткрывателем и исследователем гравитационной модели для использования в экономике стал Ян Тинберген в 1962 г. Его концепция основана на предположении, что объем экспорта и импорта между двумя произвольными государствами находится в зависимости от размеров их экономик и территориальной близости между ними [4; 5]. Следовательно, вероятность зарождения торговли между двумя странами вырастает при наибольшей экономической мощи национальной экономики и наименьшем расстоянии между ней и страной-партнером.

Как было сказано ранее, именно классическая теория тяготения И. Ньютона дала начало гравитационной модели экономики. Впервые гравитационная модель была сформулирована в XVII в. и выражалась формулой: $F = Gr (m_1 * m_2) / r^2$, где F – гравитационное притяжение между двумя телами, которое прямо пропорционально произведению масс m_1 и m_2 двух тел и обратно пропорционально квадрату их расстояния r ; G – гравитационная постоянная [1].

Гравитационная модель мировой торговли, по существу, основана на допущении, что, при прочих равных условиях во внешнеторговой деятельности страны:

1. Динамика торговли совпадает с динамикой валового внутреннего продукта (ВВП).
2. Увеличение территориального расстояния между национальными экономиками оказывает на динамику взаимной торговли негативное влияние.

Первое допущение исходит из предположения о том, что с ростом ВВП увеличивается экспорт и импорт товаров между странами. Так, более что большой объем валового внутреннего продукта ведет к тому, что возрастают экспортно-импортные возможности стран. ВВП двух национальных экономик, согласно этому, является репрезентативным индикатором величины заграничного спроса и предложения этих стран на товары и услуги друг друга. Согласно второму допущению, возможен рост транзакционных издержек, связанных с внешней торговлей между странами. Транзакционные издержки повышаются в зависимости от географического расстояния между странами и, таким образом, могут снижать потенциальные

возможности объема экспорта и импорта. Так, интерпретация параметра расстояния заключается в том, что оно является мерой издержек на преодоление затрат по внешней торговле.

В свою очередь, для построения гравитационной модели внешней торговли для дружественных стран (в нашем случае для России это Аргентина, Беларусь, Бразилия, Венесуэлла, Индия, Иран, Китай, КНДР, Молдавия, Сербия) были собраны данные официальной статистики об экономической мощи каждой из выбранной страны. Для измерения расстояния между этими государствами были взяты координаты их столиц. После аккумулирования и обработки статистических данных, возможно непосредственно приступить к построению гравитационной модели. Для этого была использована формула: $T = A (Y_1 * Y_2) / D$, где T – объем торговли между двумя странами за 2021 г., A – коэффициент пропорциональности, Y_1 и Y_2 – ВВП каждой страны за 2021 г., D – расстояние между столицами стран.

В табл. 1 представлены исходные данные о ВВП дружественных России стран за 2021 г., расстоянии от их столиц до Москвы и объеме торговли между ними и Россией в 2021 г. ВВП России в 2021 г. составил 1778,78 млрд долл.

Таблица 1

Исходные данные для гравитационной модели [2; 3]

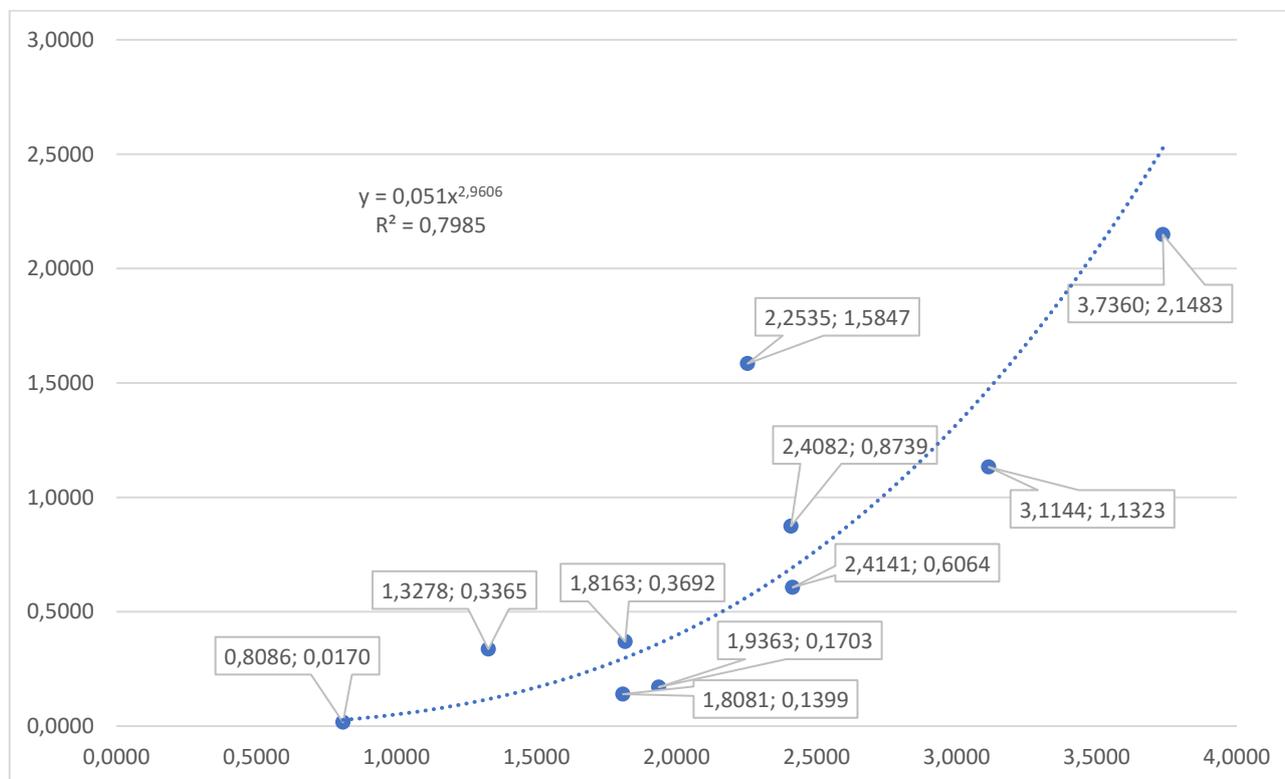
Страна	ВВП за 2021 г., млрд долл.	Расстояние между столицами, км	Объем торговли за 2021 г., млрд долл.
Аргентина	487,23	13 483,00	1,38
Беларусь	68,02	675,00	38,43
Бразилия	1 608,98	11 181,00	7,48
Венесуэла	482,36	9 936,00	1,48
Индия	3 176,30	4 342,00	13,56
Иран	359,71	2 466,00	4,04
Китай	17 734,06	5 794,00	140,70
КНДР	23,90	6 606,00	1,04
Молдавия	13,68	1 144,00	2,17
Сербия	63,08	1 713,00	2,34

После сбора исходных данных было рассчитано значение $Y_1 * Y_2 / D$ для каждой страны, а затем полученные значение и исходные данные были прологарифмированы. Получившиеся значения представлены в табл. 2.

**Прологарифмированные данные по объему торговли
и значения Y_1*Y_2/D для анализируемых стран**

Страна	Объем торговли, млрд долл., 2021 г.	$\log(Y) + \log(Y_i) - \log(D)$
Аргентина	0,1399	1,8081
Беларусь	1,5847	2,2535
Бразилия	0,8739	2,4082
Венесуэла	0,1703	1,9363
Индия	1,1323	3,1144
Иран	0,6064	2,4141
Китай	2,1483	3,7360
КНДР	0,0170	0,8086
Молдавия	0,3365	1,3278
Сербия	0,3692	1,8163

Степенная линия тренда была выбрана на основе значения R^2 – величины достоверности аппроксимации, которая, при использовании степенной функции, является максимальной.

Зависимость значений Y_1*Y_2/D от фактического объема торговли
России и дружественных стран, линия тренда

Исходя из расчетов, итогового графика и линии тренда, видно, что, так как коэффициент достоверности аппроксимации получился достаточно высоким ($R^2 = 0,7985$), то можно сделать вывод, что гравитационная модель внешней торговли (в нашем случае, торговля России с дружественными странами) относительно достоверно описывает реалии товарооборота между исследуемыми странами в зависимости от объема производимого ими ВВП и расстояния между столицами. Полученная линия тренда (наша степенная функция) отражает зависимость объема торговли России и страны-партнера от произведения их ВВП и обратного расстояния между ними. Гравитационная модель позволяет рассчитать ожидаемый («трендовый») товарооборот между Россией и произвольно взятой страной, подставив соответствующие значения в степенную функцию.

По полученным в результате логарифмирования данным был построен график, на котором представлено распределение зависимости значения Y_1*Y_2/D от фактического объема торговли, а также линия тренда, которая, в данном случае является степенной (рисунок).

Статья выполнена в рамках инициативной НИР Санкт-Петербургского государственного экономического университета «Государство и рынок: евразийская доминанта развития в условиях формирования многополярного мира».

Литература

1. Ньютон И. Математические начала натуральной философии = Philosophiæ Naturalis Principia Mathematica : [пер. с лат.] / Исаак Ньютон ; ред. и предисл. Л.С. Полака ; пер. и комм. А. Н. Крылова. М. : Наука, 1989. 688 с.
2. Троекурова И.С., Пелевина К.А. Гравитационные модели внешней торговли стран БРИКС [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gravitatsionnye-modeli-vneshney-torgovli-stran-briks/viewer> (Дата обращения: 01.09.2024)
3. Чернов Н.А. Внешняя торговля России: гравитационный подход [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnyaya-torgovlya-rossii-gravitatsionnyu-podhod/viewer>. (Дата обращения: 3.09.2024)
4. Anderson J.E., van Wincoop E. Gravity with Gravitas: A Solution to the Border Puzzle // American Economic Review. 2003. Vol. 93. P. 170–192.
5. Carrère Céline, Mrázová Monika, Neary J. Peter. Gravity without Apology: The Science of Elasticities, Distance, and Trade, 2020.

РЫНКИ УГЛЕРОДНЫХ ЕДИНИЦ В МИРЕ И ЕВРАЗИЙСКОМ РЕГИОНЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. Необходимость снижения климатических рисков в мировой экономике для устойчивого развития человечества обеспечивает важность и неотложность декарбонизации, одним из важнейших инструментов которой являются рынки углеродных единиц (УЕ). Цель исследования: проанализировать текущее состояние рынка углеродных единиц в мире и ЕАЭС для выявления проблем и перспектив его развития в Евразийском регионе. В условиях отсутствия глобального рынка формирование общего рынка УЕ ЕАЭС может стать эффективным механизмом привлечения и распределения финансовых ресурсов для сокращения эмиссии парниковых газов.

Ключевые слова: рынки углеродных единиц, системы торговли квотами, Евразийский экономический союз.

N.V. Spiridonova

PhD, Associate Professor

SPbSU, Saint-Petersburg

E-mail: Sp_nv@mail.ru

CARBON CREDITS MARKETS IN THE WORLD AND THE EURASIAN REGION: PROBLEMS AND PROSPECTS

Abstract. If you choose sustainable development, you are obliged to reduce climate risks, which is transformed into the need for decarbonization, where the Carbon credits (CC) market is the most important tool. The purpose of the study: to analyze the current state of the carbon units market both in the world and the EAEU in order to identify the problems and prospects for the development of this market in the Eurasian region. Since the global CC market is absent for now, the formation of a common CC market and the EAEU can become an effective mechanism for attracting and distributing financial resources to reduce greenhouse gas emissions.

Key words: carbon credits, emissions trading systems, Eurasian Economic Union.

Климатические риски остаются в последние годы основными глобальными рисками мировой экономики. Необходимость их снижения для устойчивого развития человечества обуславливает актуальность и неотложность декарбонизации для всех стран и регионов, несмотря на существующие проблемы, санкционные ограничения, сложившиеся условия неопределенности. Более 60 стран мира добровольно поставили цели по сокращению нетто-выбросов CO₂ и других парниковых газов (ПГ) в атмо-

сферу на период до 2030 г. Ряд стран и объединений, например, Европейский союз (ЕС), Армения, Кыргызстан, планируют достичь нулевых выбросов к 2050 г., Казахстан и Россия – к 2060 г. Для достижения этих целей требуются большие инвестиции. Только для региона Европы и Центральной Азии (ЕЦА) в период с 2023 по 2060 г. они (по базовому сценарию) составляют 4,7 трлн долл. США (3,9% регионального ВВП) [1, р. 15]. Поэтому анализ рынков углеродных единиц (УЕ) в мире и странах ЕАЭС как одного из активных инструментов для реализации политики низкоуглеродного развития, весьма актуален. Развитие рынков УЕ позволит получить дополнительные инвестиции в «зеленую экономику», энергосберегающие технологии, что повысит эффективность использования природных ресурсов, качество природной среды, благосостояние населения и в итоге глобальную конкурентоспособность стран, регионов. Цель исследования: проанализировать текущее состояние рынка УЕ в мире и ЕАЭС, для выявления проблем и перспектив его развития в евразийском регионе.

Международные режимы снижения климатических рисков являются результатом международных соглашений, предлагают механизмы политических и управленческих решений их преодоления. Начало формированию углеродного рынка положил Киотский протокол к Рамочной конвенции ООН об изменении климата (участвовали 192 страны) и Парижское соглашение по климату 2015 г. (195 стран). Участники конференции ООН по климату COP26 в Глазго в ноябре 2021 г. подписали соглашение, согласно которому, почти 200 стран, которые вместе производят около 94% мировых выбросов ПГ, применяют статью 6 Парижского соглашения. Она позволяет участникам добиваться своих климатических целей, покупая компенсационные УЕ, которые представляют собой сокращение выбросов ПГ другими государствами, что может обеспечить рост инвестиций в проекты и технологии, направленные на предотвращение выбросов в лесном хозяйстве и землепользовании, возобновляемые источники энергии и т.п. Если количество приобретенных компенсационных единиц равно углеродному следу покупателя, он считается углеродно-нейтральным [2. с.7].

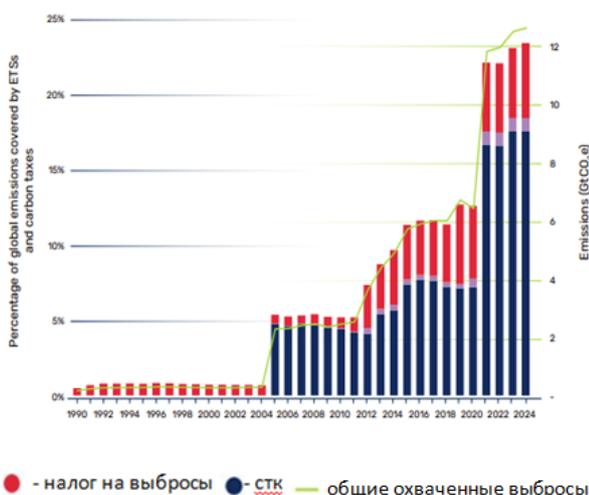
Углеродный рынок – это рыночный инструмент сокращения выбросов ПГ, торговая система, которая обеспечивает механизм формирования цены УЕ, предложение и спрос УЕ, Это рынки, на которых определенное количество ПГ (измеряется в тоннах эквивалента CO₂) продается либо как торгуемая единица, либо как квота на выбросы, выдаваемая в рамках системы ограничения и торговли квотами, либо как выдаваемый подтвержденный кредит на сокращение/удаление выбросов [3].

Рынок УЕ может быть обязательным или регулируемым (например, с использованием углеродных налогов и системы торговли выбросами, где

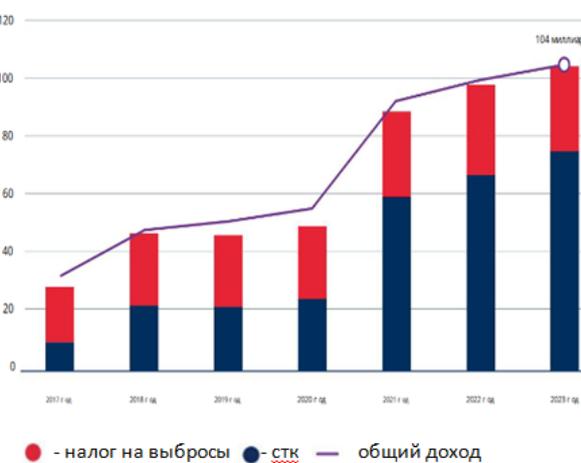
регулирующий орган определяет разрешенный максимальный уровень выбросов ПГ («предел») для определенной группы субъектов (стран, компаний или объектов), которое затем делится на отдельные квоты на выбросы, распределяемые между регулируемыми организациями) или добровольным, где с помощью финансовых инструментов, например, «углеродных кредитов», можно компенсировать выбросы углерода посредством ряда проектов по снижению воздействия на окружающую среду. При этом обязательные и добровольные инициативы могут действовать одновременно, дополняя друг друга.

Разработка механизма регламентации торговли квотами на выбросы началась в мире с 2000-х гг., но первая полноценная система торговли квотами (СТК) появилась только в 2005 г. в ЕС. С 2005 по 2023 г. мировой объем торговли выбросами ПГ вырос, доля глобальных выбросов, покрываемых торговлей квотами увеличилась в 3 раза и составила более 17%. По данным ICAP, с 2008 г. государства во всем мире заработали более 224 млрд долл. от продажи квот на выбросы.

Глобальные выбросы парниковых газов, охватываемые СТК и налогами на выбросы углерода

Эволюция глобальных доходов (в постоянных ценах 2023 г., млрд. долл. США,) с 2017-2023 гг.

Источник: [5, с. 22, 29].

Глобальные выбросы ПГ, охватываемые СТК и налогами на выбросы углерода и эволюция глобальных доходов (в постоянных ценах 2023 г., млрд долл. США) с 2017 по 2023 г.

Только в 2022 г. было получено рекордных 63 млрд долл., из которых почти 2/3 приходится на (СТК) ЕС [4, с.8,9]. На сегодняшний день в мире действует 75 схем налогообложения выбросов углерода (39) и СТК (36). Цены на выбросы углерода чаще всего устанавливаются в энергетике, промышленном и транспортном секторах (например, авиация и морской транспорт).

Инструменты ценообразования на выбросы углерода охватывают около 24% мировых выбросов или 13 Гт. эквивалента углекислого газа. По данным Всемирного банка (ВБ), только в 2023 г. общие доходы от налогов на выбросы углерода и СТК составили 104 млрд долл. США. На долю СТК приходится основная доля выброса углерода и большая часть доходов от торговли выбросами (рисунок). Несмотря на то, что доходы от цен на выбросы углерода на текущий момент достигли рекордно высокого уровня, их вклад в национальные бюджеты остается низким. Удельные цены остаются ниже уровней, необходимых для достижения целей Парижского соглашения. По оценкам Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК), предельные затраты на снижение выбросов для ограничения потепления до 1,5 °С составляют от 170 до 290 долл. США за т эквивалента CO₂ (от 226 до 385 в долл. 2024 г.) [5, с. 25, 26]. Эксперты ВБ считают, что в 2022 г. общее воздействие рыночных инструментов на изменение климата замедлилось в результате снижения цен на выбросы углерода, вследствие установления более жестких ограничений на выбросы, отказа от других рыночных инструментов, роста локальных региональных конфликтов и цен на энергетические ресурсы [5, с. 53, 82].

Значение стран ЕАЭС в мировой экономике (ВВП, 3,67%) существенно меньше, чем их доля в мировых объемах выброса ПГ (5,94%). Вследствие специфики отраслевой структуры, высокой доле производств, связанных с первичной переработкой сырья (см. подробнее [6, 10, с. 516]) РФ является основным нетто-эмитентом углекислого газа (5,06%). На втором месте – Казахстан (0,64%), прежде всего, из-за большой доли энергосектора, работающего на угле. В этих странах (в Казахстане 15,72, в России 16,18) выбросы ПГ на душу населения существенно превышают среднемировое значение (4,7) (таблица). Доля энергетики в выбросах ПГ Беларуси и России составила 48,6 и 44,1% соответственно. Выбросы в сельском хозяйстве имеют большое значение для Кыргызстана (40,4% всех выбросов), Беларуси – 30,7%, а в транспортном секторе значимы и для Беларуси (18,4%) и для Армении (21%) [7, с. 6, 7].

Углеродное регулирование в странах ЕАЭС находится на начальной стадии формирования (таблица). На региональных рынках УЕ существует определенная неясность правовой природы УЕ и углеродных кредитов. Национальная СТК на выбросы действует пока только в Казахстане (с 2013 г.) и охватывает более 220 промышленных предприятий, с выбросами более 20 тыс. т эквивалента CO₂ в год и средней стоимостью углеродного кредита в 1 долл. за т [7, с. 9]. Текущая климатическая политика России направлена на формирование добровольного рынка на национальном уровне, что не исключает развитие обязательных рынков. В России действует СТК в рамках регионального эксперимента в Сахалинской области.

Пороговое значение для попадания в субъекты СТК в России и в Казахстане одинаковое – 20 тыс. т CO²-экв. в год. Отличием можно считать применение в Казахстане метода определения квот через бенчмаркинг – более близкого к современным практикам, чем исторический подход [8, с. 3].

Общая характеристика рынка углеродных единиц в ЕАЭС

Страна	Общий объем выбросов CO ₂ , 2020	Доля в мире, 2020	Общие выбросы на душу населения (т CO ₂ -экв./чел., 2020)	Правой статус UE	Национальный реестр UE	Нормативно-правовое регулирование, национальные проекты
Российская Федерация	2,332	5%	16.18	UE имеют имущественную ценность, статус законодательно и окончательно не определен	Есть	ФЗ 296 «Об ограничении выбросов парниковых газов», ФЗ 34 «О проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах РФ. Стратегия социально-экономического развития с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 г.
Казахстан	295	0,6%	16	UE товар, облагается НДС	Есть	Стратегия достижения углеродной нейтральности Республики Казахстан до 2060 г.
Беларусь	88	0,2%	9	Не определен	Есть	Стратегия низкоуглеродного развития Республики Беларусь до 2030 г.
Кыргызская Республика	16	0,03%	2,5	Не определен	Нет	Инструменты климатического регулирования отсутствуют
Армения	10	0,02%	3,5	Не определен	Нет	Инструменты климатического регулирования отсутствуют

Составлено автором по [1, 2, р. 82, 6, 8].

Отметим, что в Российской Федерации сформирована основная нормативно-правовая база, регулирующая выпуск UE, с сентября 2022 г. функционирует реестр UE. Реестр UE – это стандартизированная электронная

база данных для обеспечения точного учета, введения в обращение, хранения, получения, передачи, приобретения, аннулирования и изъятия из обращения УЕ. На сентябрь 2024 г. в реестре было зарегистрировано 38 климатических проектов, находится в обращении 32407300 УЕ [9].

В условиях отсутствия глобального рынка УЕ «зеленый» переход превращается в инструмент давления развитых стран на развивающиеся [10, с. 519–520], альтернативой может быть формирование региональных рынков УЕ.

Несмотря на существующие проблемы и ограничения на международном и региональном уровнях, на евразийском направлении продолжается деятельность по борьбе с изменением климата, по сокращению выбросов ПГ, одним из инструментов которого является развитие рынка УЕ. Несмотря на то, что интеграция стран ЕАЭС на климатическом направлении находится на начальном этапе [см. например 10, с. 510, 528].

В рамках «Евразийской зеленой повестки» в настоящее время продолжается разработка планов по декарбонизации экономик, разработка концепции союза по внедрению принципов «зеленой» экономики, без ущерба для экономического благополучия стран-участниц. Кроме задачи развития национальных рынков УЕ, для стран ЕАЭС сохраняется перспектива формирования общего регионального евразийского углеродного рынка. Для достижения поставленных задач необходимо формирование единой институционально-правовой базы, определение и аккредитация органов по валидации и верификации для управления реестром обеспечения торговых операций; создание единой информационной платформы или общего реестра, увязанного с национальными реестрами стран ЕАЭС, разработка единых методологических подходов, стандартов рынка УЕ. Необходимо продолжать работу по повышению качества, уровня прозрачности базовой информации, продуктов и проектов рынка УЕ, по совершенствованию нормативно-правовой базы.

Нельзя не отметить глобальный потенциал природно-климатических проектов евразийского региона. Например, только в России, он оценивается более 400 млн т CO₂ в год. Общий углеродный рынок ЕАЭС может быть эффективным механизмом привлечения и распределения финансовых ресурсов для сокращения эмиссии ПГ, погашения собственного углеродного следа в рамках торговых отношений ЕАЭС.

Литература

1. Net zero energy by 2060 Charting the Path of Europe and Central Asia Toward a Secure and Sustainable Energy Future, World Bank [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099022124142035945/pdf/>, (Дата обращения: 15.08.2024).

2. Key sustainability trends that will drive decision making in 2023. S&P Global [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https:// spglobal.com](https://spglobal.com) (Дата обращения: 15.07.2024).

3. Betz R., Michaelowa A. and etc.. The Carbon Market Challenge: Preventing Abuse Through Effective Governance (Elements in Earth System Governance). Cambridge: Cambridge University Press, 2022.

4. Углеродная нейтральность: спасение планеты или экономическое оружие? Росконгресс. 2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://roscongress.content.rcmedia.ru/upload/medialibrary/790/gyz17rr7wirzgzd1drc7zz52q0p25rnc/Uglerodnaya-nei_tralnos-.pdf (Дата обращения: 15.07.2024).

5. State and Trends of Carbon Pricing. World Bank, 2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hdl.handle.net/10986/415443>. (Дата обращения: 15.08.2024).

6. Селищева Т.А., Структуры экономик стран-членов ЕАЭС и инвестиционные возможности их модернизации // Проблемы современной экономики. 2022. № 3. С. 6–12.

7. Винокуров Е. Альбрехт К. и др. Глобальная зеленая повестка в Евразийском регионе. Евразийский регион в глобальной зеленой повестке: Доклады и рабочие документы 23/2. Алматы: Евразийский банк развития, 2023.

8. Выводы исследования инфраструктуры углеродного регулирования государств-членов ЕАЭС и их основных международных партнеров / ЦМСПИ, 2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://esg-library.mgimo.ru/upload/iblock/c86/.com> (Дата обращения: 15.08.2024).

9. Реестр углеродных единиц. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://carbonreg.ru/ru/> (Дата обращения: 05.09.2024).

10. Государство и рынок: евразийская доминанта развития в условиях формирования многополярного мира: коллективная монография / под ред. С.А. Дятлова, Д.Ю. Миропольского, Т.А. Селищевой. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2023.

УДК 331.2

Н.Э. Русина

*Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: rusinanataliaa@gmail.com*

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ОТЧЕТНОСТИ ОБ УСТОЙЧИВОМ РАЗВИТИИ ГРУППЫ «ГАЗПРОМ ЭНЕРГОХОЛДИНГ»: ЦЕЛИ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Аннотация. В статье исследуются вопросы формирования отчетности по экономическому направлению устойчивого развития группы «Газпром энергохолдинг». На основе сопоставления рекомендуемых показателей и включаемых в отчетность группой в разные периоды делаются выводы о направлениях ее развития.

Ключевые слова: устойчивое развитие, информация, отчетность, экономическое направление.

N.E. Rusina

*St. Petersburg State University of Economics
Saint Petersburg, Russian Federation
E-mail: rusinanataliaa@gmail.com*

THE ECONOMIC DIRECTION OF REPORTING ON THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF GAZPROM ENERGOHOLDING GROUP: GOALS AND RESULTS

Abstract: The article examines the issues of reporting on the economic direction of sustainable development of Gazprom Energoholding Group. Based on the comparison of recommended indicators and those included in the group's reports in different periods, conclusions are drawn about the directions of its development.

Keywords: sustainable development, information, reporting, economic direction.

Вторая половина XX века – время зарождения концепции устойчивого развития (sustainable development), которая определяет направления функционирования социально-экономических систем всех уровней, включая хозяйствующих субъектов различных организационно-правовых форм, не только в настоящее время, но и на перспективу достаточно отдаленную. Смысловое содержание концепции устойчивого развития определяется согласованием интересов поколений: существующего и будущих. Данный подход к осуществлению деятельности активного поколения сформулирован в предисловии Руководства по отчетности в области устойчивого развития: «удовлетворения потребностей нынешнего поколения без ущерба для возможности будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [1]. И поскольку функционирование экономических систем затрагивает три основные сферы жизнедеятельности человека (экономическую, социальную и экологическую), нормативными актами регламентировано трехмерное измерение их устойчивого развития в соответствии с данными направлениями.

Экономическое измерение должно отразить устойчивый экономический рост хозяйствующего субъекта, создание рабочих мест, распределение доходов; социальное – доходы сотрудников, предоставление возможности сотрудникам и жителям региона, где расположен субъект, получения образования, услуг здравоохранения; экологическое – сохранение природных ресурсов и биоразнообразия, снижение негативного воздействия на окружающую среду и природу, борьбу с изменением климата, использование энергии, управление отходами. Неразрывная связь и баланс между этими тремя измерениями играют существенную роль в обеспечении устойчивого развития, которая зафиксирована как принцип концепции в Руководстве по отчетности в области устойчивого развития. Л.А. Миэринь и Л.В. Хорева отмечают, что синергетический эффект устойчивого развития может быть обеспечен только за счет увязки социальных инноваций с управленческими и экологическими корпоративными решениями. «Отсутствие или уменьшение хотя бы одного из компонентов в триаде ESG-критериев в принимаемых стратегических решениях, очевидно, приведет к негативным

последствиям, т.к. не позволит реализовать те возможности, которые продуцирует разворачивающаяся новая реальность» [2, с. 59].

Эффективность информационной поддержки принятия стратегических и тактических управленческих решений определяется возможностями информационной среды, включающей отчетность в области устойчивого развития. Н.В. Долматович под отчетностью в области устойчивого развития понимает «добровольно раскрываемую информацию, комплексно отражающую подходы и эффективность работы организации, включающую экономические, экологические и социальные аспекты» [3, с. 128].

Отчетность по устойчивому развитию российские предприятия стали составлять с начала XXI века. Инициативность как в составлении отчета об устойчивом развитии, так и в раскрытии информации в нем не исключает, а даже предполагает формирование регламентированных ориентиров. Поэтому в 2021 году на Международной конференции ООН по торговле и развитию, проходившей в Женеве, был определен базовый состав основных показателей отчетности предприятий о вкладе в достижение целей устойчивого развития по данным направлениям и закреплён в Руководстве. Данный состав является рекомендуемым к раскрытию информации об устойчивом развитии предприятий, но определяет целевые ориентиры их функционирования в данной парадигме.

Группа «Газпром энергохолдинг» размещает отчет об устойчивом развитии в библиотеке корпоративных нефинансовых отчетов Российского Союза промышленников и предпринимателей с 2012 года. В 2020 году в связи с усилением информационной безопасности такая отчетность не публикуется. Сопоставление состава показателей, характеризующих экономическое направление устойчивого развития, представленных в Руководстве и показателями отчета по устойчивому развитию, составляемому менеджерами Группы «Газпром энергохолдинг» (таблица) позволяет сделать три основных вывода о содержании и развитии отчетности.

Состав показателей экономического направления отчета по устойчивому развитию

Показатель	Источник		
	Руководство по основным показателям отчетности предприятий о вкладе в достижение целей устойчивого развития	Отчет об устойчивом развитии группы «Газпром энергохолдинг»	
		2012–2013	2020
Выручка	✓	✓	✓
Добавленная стоимость	✓		
Чистая добавленная стоимость	✓		

Показатель	Источник		
	Руководство по основным показателям отчетности предприятий о вкладе в достижение целей устойчивого развития	Отчет об устойчивом развитии группы «Газпром энергохолдинг»	
		2012–2013	2020
Налоги и другие отчисления государству	✓	✓	✓
«Зеленые» инвестиции	✓	✓	✓
Инвестиции в сообщества	✓	✓	✓
Общие расходы на исследования и разработки	✓		✓
Процентная доля местных закупок	✓	✓	✓
Прибыль		✓	✓
ЕБИТДА		✓	✓
Показатели производственной эффективности		✓	✓
Рентабельность			✓
Общая стоимость активов		✓	✓
Доход от финансовых инвестиций		✓	✓
Списочная численность сотрудников		✓	✓
Чистый оборотный капитал			✓
Оборачиваемость запасов			✓
Операционные затраты		✓	✓
Заработная плата и другие выплаты и льготы сотрудникам		✓	✓
Предельный темп роста заработной платы			✓
Выплаты поставщикам капитала		✓	✓
Экономическая стоимость		✓	✓
Объем заемного и собственного капитала		✓	

Источник: составлено автором на основе [1, 4, 5].

Во-первых, менеджмент группы в отчетность об устойчивом развитии включает все рекомендуемые Руководством показатели, за исключением двух показателей: чистая добавленная стоимость и добавленная стоимость, что компенсируется включаемым показателем экономической стоимости.

Во-вторых, состав показателей, характеризующих экономическое направление устойчивого развития группы, намного шире (более чем в 2 раза) рекомендуемых Руководством, что может свидетельствовать о реализации принципа содержания отчетности - полноты.

В-третьих, состав показателей является динамичным. На основе восьмилетнего опыта составления отчетности менеджментом группы было при-

нято решение о замене показателей объема заемного и собственного капитала на показатель чистого оборотного капитала и включении дополнительных аналитических показателей: оборачиваемости запасов, рентабельности.

Следует отметить, что устойчивость развития любой экономической системы зависит от внутренних и внешних факторов, которые носят не только позитивный, но и деструктивный характер. «Важнейшей, но не последней группой в карте стратегических рисков выступают риски, определяемые неправильным взглядом на формирующиеся угрозы, как внешние, так и внутренние» [6, с. 244]. Это обстоятельство обуславливает необходимость включения в отчетность информации о угрозах функционирования хозяйствующего субъекта. Группа «Газпром энерггохолдинг» в отчет об устойчивом развитии включает описательный характер рисков их деятельности. Однако Н.Н. Карзаева и Е.В. Каранина справедливо отмечают, что показатели, включаемые в нефинансовую отчетность, не отражают угрозы и риски деятельности хозяйствующих субъектов [7, с. 61]. В связи с этим необходимы индикаторы, отражающие уровень идентифицированных менеджментом угроз и рисков.

Литература

1. Руководство по основным показателям отчетности предприятий о вкладе в достижение целей устойчивого развития // Конференция Организации Объединенных Наций по торговле и развитию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://unctad.org/system/files/official-document/diae2019d1_ru.pdf (Дата обращения: 18.06.2024).
2. Миэринь Л.А., Хорева Л.В. Стратегии социальных инноваций и риски их игнорирования // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2022. № 3 (66). С. 51–62.
3. Долматович Н.В. Отчетность в области устойчивого развития как ключевая новация в системе стратегического менеджмента: сборник научных статей XI Международного форума молодых ученых / под науч. ред. Н.В. Кузнецова. Гомель: Изд-во Белорусского торгово-экономического университета потребительской кооперации, 2022. С. 128–133.
4. Отчет об устойчивом развитии группы «Газпром энергохолдинг» за 2012–2013 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rspp.ru/tables/non-financial-reports-library> (Дата обращения: 08.06.2024).
5. Отчет об устойчивом развитии группы «Газпром энергохолдинг» за 2020 год. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rspp.ru/tables/non-financial-reports-library> (Дата обращения: 08.06.2024).
6. Петров А.Н., Миэринь Л.А. Формирование эффективной стратегии инновационного развития предприятия и стратегические риски в новых социально-экономических условиях: сборник научных трудов по итогам IV Международной научно-практической конференции. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2021. С. 237–245.
7. Карзаева Н.Н., Каранина Е.В. К вопросу об информативности социальной отчетности хозяйствующих субъектов о сложившихся в них социально-трудовых отношениях // Экономика и управление: проблемы, решения. 2022. № 3 (123). С. 55–62.
8. Дятлов С.А. Социально-экономическая трансформация хозяйственной системы России: Коллективная монография. СПб., 1997.

Н.В. Сопина

*Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: nsopina@mail.ru*

ПРОБЛЕМА НЕХВАТКИ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ В РОССИЙСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о нехватке трудовых ресурсов, которую испытывают промышленные предприятия России. Приводятся статистические данные, отражающие количественные характеристики нехватки трудовых ресурсов, размер медианной заработной платы в отрасли. В качестве примера рассмотрена судостроительная отрасль и причины, которые привели к наличию кадрового голода в ней.

Ключевые слова: рынок труда, безработица, судостроительная промышленность, промышленность, нехватка кадров.

N.V. Sopina

*St. Petersburg State University of Economics
Saint Petersburg, Russian Federation
E-mail: nsopina@mail.ru*

THE PROBLEM OF LABOR SHORTAGE IN THE RUSSIAN INDUSTRY

Abstract: the article examines the issue of the shortage of labor resources experienced by industrial enterprises in Russia. Statistical data reflecting quantitative characteristics of the shortage of labor resources and the size of the median salary in the industry are presented. And as an example, the shipbuilding industry is given and the reasons that led to the presence of a personnel shortage in it are given.

Keywords: labor market, unemployment, shipbuilding industry, industry, shortage of personnel.

Вопрос нехватки трудовых ресурсов в последнее время является наиболее острым. Рассмотрим, как с ним обстоят дела в российской промышленности.

В 2023 году промышленное производство России показало высокий результат: по сравнению с 2022 годом в 2023 году оно выросло на 3,5%, а по сравнению с 2021 годом на 4,2% [1]. Наибольший вклад наблюдается со стороны обрабатывающей промышленности, пророст которой составил 7,5% по отношению к 2022 году. Что касается добывающей промыш-

ленности, то она показала отрицательный результат, падение производства по сравнению с 2022 годом составило 1,3%, что связано с добровольным снижением добычи нефти и металлов [1]. Однако показатели добычи угля выросли на 1,1%, а предоставление услуг в области добычи полезных ископаемых на 1%. Динамика показателей работы металлургического комплекса по итогам года показала прирост 9,3%. Поэтому для дальнейшего сохранения положительного роста в отраслях необходима достаточная обеспеченность предприятий промышленного комплекса трудовыми ресурсами.

Внедрение автоматизации, искусственного интеллекта, Интернета вещей позволяет оптимизировать производство и повысить его эффективность, но также требует наличия квалифицированных кадров на предприятиях, что выступает одной из причин нехватки специалистов в отраслях промышленности.

В целом по итогам 2022 года можно было наблюдать по всем отраслям промышленности незначительный прирост среднегодовой численности работников [2]. Но, согласно проведенным исследованиям, в середине 2023 года на нехватку сотрудников указали 42% промышленных предприятий, участвовавших в опросе, этот показатель стал рекордным, начиная с 1996 года, а в начале 2024 года об этом говорили уже 53% работодателей [3]. Кадровый голод усиливается и на фоне рекордно низкой безработицы, которая по итогам 2023 года составила 3,2%. Таким образом, получается, что трудовые резервы почти полностью вовлечены в производственные процессы.

Следует отметить, что нехватка трудовых ресурсов, низкая безработица отрицательно сказываются экономике в целом и могут сдерживать экономический рост в стране на фоне роста заработных плат в ряде отраслей. В условиях нехватки персонала работодатели готовы идти на любые меры, чтобы заполучить нужного работника.

По данным компании НН, в 2023 году количество вакансий в сфере промышленности увеличилось на 28%, а число резюме на 18%. Работодатели размещали вакансии на инженерные профессии, такие как инженер-конструктор, сервисный инженер и др., а также специалистов среднего звена. Но также наблюдался спрос на работников, которые обладают развитыми *hard-skills* [4].

Что касается заработной платы, то она за 2023 год выросла в среднем на 11 000 рублей, и как говорят эксперты, работодатели повышают оплату труда как новым работкам, так и тем, кто в штате (табл. 1).

Показатель уровня конкуренции в сфере производства отражает дефицит соискателей и составляет 3 резюме на вакансию при умеренном уровне конкуренции от 40 до 7,9 резюме на вакансию (табл. 2).

Таблица 1

Медиана предлагаемой заработной платы по ключевым специализациям, востребованным в промышленности в 2023 году, руб. [4]

Регион	Инженер-конструктор	Слесарь	Машинист	Электро-монтажник	Сервисный инженер Инженер-механик
Россия	78 900	59 900	119 200	63 000	69 800
Москва	108 200	66 900	102 400	74 300	86 900
Санкт-Петербург	90 200	66 200	93 700	69 900	77 600
Дальневосточный ФО	83 300	73 900	142 900	82 700	91 200
Уральский ФО	72 000	61 800	125 200	63 000	69 400
Центральный ФО (без Москвы и МО)	71 400	58 200	74 100	59 100	65 200
Сибирский ФО	69 900	53 800	131 800	65 900	72 700
Северо-Западный ФО	69 200	64 300	97 800	61 400	65 900
Южный ФО	68 900	50 800	103 400	51 500	59 500
Приволжский ФО	65 500	58 000	113 700	57 500	59 800
Северо-Кавказский ФО	60 000	46 600	117 300	47 300	50 200

Таблица 2

Уровень конкуренции в сфере производства [4]

Профессия	Уровень конкуренции
Механик	8,7
Метролог	5,6
Технолог	4,5
Инженер по охране труда, инженер-эколог	4,4
Инженер ПТО	3,7
Оператор производственной линии	3
Машинист	2,8
Электромонтажник	2,4
Слесарь	1,8
Токарь, фрезеровщик	1,1

Рассмотрим какие проблемы с кадрами существуют в судостроительной отрасли Санкт-Петербурга.

Что касается обеспеченности отрасли кадрами, можно сказать следующее. На сегодняшний день численность занятых в отрасли составляет порядка 200 тыс. человек, причем более 80% работников заняты в промыш-

ленном производстве. Следует отметить, что численность промышленного персонала с каждым годом увеличивается. Согласно данным Минпромторга, в 2017 году численность, занятых в промышленном секторе отрасли составляла 156 тыс. чел., а в 2021 году уже 164 тыс. человек [5]. Но, несмотря на это, вопрос нехватки персонала остается острым. В 2023 году предприятиям отрасли требовалось дополнительно 20 тыс. работников, что превышало показатели 2022 года на 23% [6].

Нехватка трудовых ресурсов в Санкт-Петербурге составляет 25% от общего числа рабочих, здесь он является самым значительным по отрасли. В Удмуртии нехватка работников составляет 10%, в Приморском крае – 7%, на Москву и Челябинск приходится по 6% [6].

Если обратиться к структуре трудовых ресурсов, то в первую очередь работодатели предъявляют спрос на представителей рабочих специальностей: токари и фрезеровщики (10%), слесари (7%), сварщики (6%). Но также предприятия испытывают нехватку в инженерах и управленческом персонале [6].

Нехватка специалистов в области IT, менеджмента приводит к тому, что работодатели нанимают на работу персонал на условиях частичной занятости, удаленной работы и предлагают удобный сменный график. В 2023 году число таких возможностей для трудоустройства превысило 100% по сравнению с 2022 годом.

По данным аналитиков, медианная заработная плата в отрасли в 2023 году составляла 85 тыс. руб. Но представители профессии, в которых отрасли испытывают существенную нехватку, имели заработную плату на порядок выше, например, сварщик – более 160 тыс. руб., токарь – 120 тыс. руб. [6].

Проблема усугубляется еще тем, что нехватку рабочего персонала испытывает вся российская промышленность, и у работника существует большой выбор среди имеющихся предложений, соответственно, он выберет того работодателя, который предлагает хорошую заработную плату и гибкие условия труда. В связи с этим у судостроительных предприятий конкуренция за работника возникает не только внутри отрасли, но и с предприятиями других отраслей. И нередко в силу перечисленных выше причин предприятия судостроения уступают своим конкурентам. Среди главных причин дефицита кадров эксперты называют следующие [6]:

- неконкурентный уровень заработной платы;
- слабое развитие бренда работодателя;
- непривлекательные условия труда.
- недостаточное число средних специальных образовательных учреждений;
- демографический спад.

Статья выполнена в рамках инициативной НИР Санкт-Петербургского государственного экономического университета «Влияние цифровых технологий на трансформацию отраслей экономики России: основные направления, противоречия, эффективность».

Литература

1. О динамика промышленного производства. Итоги 2023 года [Электронный ресурс]. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/fb0c841a059708b397b444a18ee41ffb/o_dinamike_promyshlennogo_proizvodstva_itogi_2023_goda.pdf. (Дата обращения: 14.06.2024).
2. Промышленное производство 2023 год [Электронный ресурс]. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Prom_proiz-vo_2023.pdf (Дата обращения: 14.06.2024).
3. Уровень кадрового голода в промышленности установил новый рекорд. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rbc.ru/economics/03/08/2023/64ca54369a7947ee430b0975?ysclid=lxedjnm2p228163800> (Дата обращения: 14.06.2024).
4. Итоги 2023 года в промышленной сфере по версии hh.ru [Электронный ресурс]. – URL: <https://spb.hh.ru/article/32231> (Дата обращения: 14.06.2024).
5. Перспективы развития судостроительной промышленности в России в современных условиях. Меры государственной поддержки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.yarregion.ru/depts/> (Дата обращения: 14.06.2024).
6. Итоги 2023 года в судостроительной отрасли страны по версии hh.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.murman.ru/news/2024/02/02/2057> (Дата обращения: 14.06.2024).

УДК 331.1

Т.Л. Судова

*Санкт-Петербургский государственный
педиатрический медицинский университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: s_tl@mail.ru*

ИНВЕСТИЦИИ ВО ВНУКОВ

Аннотация. Инвестирование в человеческий капитал детей связано с затратами денег и времени родителей и прародителей, определяющими являются именно их решения. При такой специфике семейных инвестиций в человеческий капитал сохраняются общие закономерности, а именно сопоставление ожидаемых издержек и выгод инвестирования. Должны учитываться как денежная, так и неденежная формы издержек и выгод.

На инвестиционные решения влияют образовательный уровень и социальное положение родителей и предшествующих поколений, количество детей, продолжительность отношений и другие факторы; поведение инвесторов рассматривается как альтруистическое.

Решения об инвестициях принимаются на микроуровне с учетом макроэкономических рисков: политической и экономической стабильности, социальной политики

государства, распределения ответственности. Значительная масса выгод от инвестиций в будущий человеческий капитал детей лежит вне рыночной сферы.

Ключевые слова: человеческий капитал, инвестиции в человеческий капитал, инвестиции в детей, межпоколенческая трансмиссия человеческого капитала.

T.L. Sudova

St. Petersburg State Pediatric Medical University

Saint Petersburg, Russian Federation

E-mail: s_tl@mail.ru

INVESTING IN GRANDCHILDREN

Abstract: Investing in children's human capital involves the expenditure of parents' and grandparents' money and time; therefore, it is their decisions that are determinative. With such specificity of investments in human capital at the family level, the general patterns remain, namely the comparison of expected costs and benefits of investment. Both monetary and especially non-monetary forms of costs and benefits must be taken into account.

Investment decisions are influenced by the educational level and social status of parents and previous generations, the number of children, the duration of the relationship, etc.; parental behavior is considered altruistic.

Investment decisions are made at the micro level with consideration of macroeconomic risks: political and economic stability, social policy of the state, distribution of responsibility. Much of the benefits of investing in children's future human capital lie outside the market sphere

Keywords: human capital, investment in human capital, investment in children, intergenerational transmission of human capital

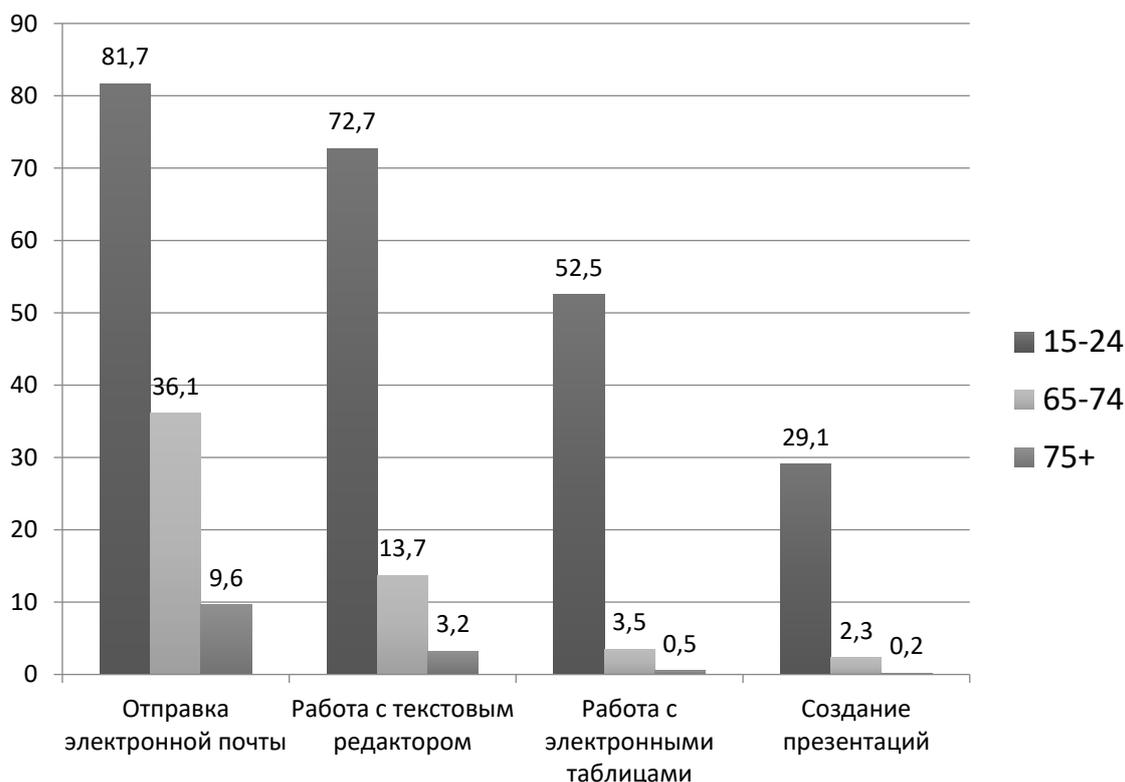
Исследования инвестиций в человеческий капитал детей обычно концентрируются на процессе приобретения в детстве знаний и опыта, которые имеют измеримые последствия в период зрелости. Применительно к инвестициям в детей концепция сопоставления издержек и выгод нуждается в некоторой модификации, а именно в понимании того, что инвестор и бенефициар являются разными людьми, а выгоды, получаемые бенефициаром в зрелом возрасте, могут быть не только экономическими.

Инвестируя в образование как основную форму накопления человеческого капитала, домохозяйства (семьи) получают значительную часть выгод, не связанных с рыночной деятельностью. Нерыночные эффекты образования исследуются в экономической науке продолжительное время [1, 2, 3, 4, 5]. Выявлена корреляция между школьным образованием детей, родителей и предшествующих поколений, между образованием и здоровьем, рождаемостью, социальным капиталом и др.

Как правило, инвесторами в человеческий капитал детей являются представители двух поколений – родители и прадеды (дедушки и бабушки). Роль последних в формировании человеческого капитала младших членов семьи изучена недостаточно. Прадеды могут инвестировать во внуков и деньги, и время. С учетом занятости родителей особенно ценными

представляются временные затраты, которые могут позволить себе вышедшие на пенсию бабушки и дедушки: передача системы ценностей, социальных и коммуникативных навыков, неcodифицированных знаний, формирование эмоционального интеллекта, понимание истории и традиций семьи, норм и правил. Эти отношения могут служить защитой от стресса и источником утешения в сложных ситуациях. Примеры растущего участия прародителей в формировании человеческого капитала детей можно найти во многих странах. Так, в Южной Корее с 2019 по 2023 год люди в возрасте 60+ на 80% чаще посещали детские кафе и площадки, на 115% увеличили расходы на покупку учебных материалов для детей [6].

Если рассматривать образование как элемент человеческого капитала, нетрудно увидеть взаимосвязь человеческого капитала прародителей и детей. Уместно говорить именно о взаимосвязи [7], так как трудно отрицать влияние внуков на бабушек и дедушек, например, при приобщении последних к достижениям ИКТ (рисунок).

Цифровые навыки населения по возрастным группам в 2022 г. (в процентах от общей численности населения соответствующей возрастной группы) [8, с. 158]

Понятно, что при таком уровне цифрового неравенства прародители будут обращаться к детям и внукам. Проведенные, например, в Беларуси, исследования показали, что при возникновении «цифровых» проблем обращаются за помощью к «детям» примерно 11% представителей поколения

«родители» и почти 56% представителей поколения «прародители» (респонденты возраста 45–64 года), для которых представители поколения «дети» уже являются внуками. «Значительная часть представителей младшего поколения оказывает помощь своим старшим родственникам в решении указанных проблем, что является показателем присутствия нравственной составляющей в отношениях молодежи к представителям старших поколений в семьях» [9, с. 267–268].

Стоит отметить, что роль бабушек и дедушек может меняться в зависимости от культурных, географических, демографических и семейных факторов; выявлена связь между образованием дедушек и бабушек и образованием внуков [10]; экономистами, социологами, историками исследуются отдельные аспекты родственного вклада в формирование человеческого капитала детей [11, 12, 13]. В целом исследование ненаблюдаемых возможностей семьи продолжает оставаться перспективным направлением.

Макроэкономические и глобальные социально-политические тренды могут способствовать созданию условий, препятствующих инвестированию прародителей в своих внуков. Повышение пенсионного возраста и сравнительно небольшой размер пенсии приводят к возврату на рынок труда до 63% пенсионеров [14]. Более 40% домохозяйств в России состоят из одного человека, а их доля удвоилась за последние 20 лет [15]. Растет возраст рождения первого ребенка (с 19,5 лет в 1995–1999 гг. до 26,75 2018–2022 гг.), а суммарный коэффициент рождаемости в 2023 г. составил всего 1,41 [16]. Очевидные результат – «дефицит внуков» [17].

Оценивать данные тренды как однозначно негативные не стоит. В значительной степени они формируются в русле общемировых процессов (старение населения, рост продолжительности жизни, снижение детской смертности, второй демографический переход, естественная и вынужденная децентрализация семей, появление возможности родительского выбора между количеством и качеством детей [18], изменение системы ценностей – не всегда в худшую сторону, усиление государственной поддержки). Понимание сути этих проблем может стать основанием для разработки и принятия мер, адекватных вечным ценностям.

Литература

1. Wolfe B.L., Haveman R.H. Schooling and Economic Well-Being: The Role of Non-market Effects July // *The Journal of Human Resources*. 1984. 19 (3): 377–407 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/46553172_Schooling_and_Economic_Well-Being_The_Role_of_Nonmarket_Effects (Дата обращения: 02.09.2024).

2. Grossman Michae, Chapter 10 Education and Nonmarket Outcomes, *Handbook of the Economics of Education* / Ed.(s): E. Hanushek, F. Welch, Elsevier, Volume 1, 2006, P. 577–633 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1574069206010105> (Дата обращения: 12.09.2024)

3. Brännlund A. Non-Market Outcomes of Education The long-term impact of education on individuals' social participation and health in Sweden Umeå, Sween 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:715410/FULLTEXT01.pdf>Erica (Дата обращения: 04.09.2024)
4. Heckman J.J., Humphries J.E., Veramendi G. The Nonmarket Benefits of Education and Ability // *J Hum Cap.* 2018. Summer; 12 (2): 282-304. doi: 10.1086/697535.
5. Wolfe B.L., Zuvekas S.H Nonmarket outcomes of schooling // *International Journal of Educational Research.* January 2000, 27 (6) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/23741621_Nonmarket_outcomes_of_schooling (Дата обращения: 15.09.2024)
6. Семейные инвестиции в бэби-бумеров [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gazeta-rk.ru/semejnye-investiczii-v-bebi-bumerov/> (Дата обращения: 15.09.2024).
7. Lundborg P., Majlesi K. Intergenerational transmission of human capital: Is it a one-way street? // *Journal of Health Economics.* 2018. Vol. 57. P. 206–220 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0167629617304034> (Дата обращения: 17.09.2024).
8. Индикаторы цифровой экономики: 2024 : статистический сборник / В.Л. Абашкин, Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневский, Л.М. Гохберг и др.; И60 Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. 276 с.
9. Цыбульская Н.В. Межличностные коммуникации молодежи в цифровой среде: этико-социологический аспект // *Социальное знание в современном обществе: проблемы, закономерности, перспективы: Материалы III Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 3–4 ноября 2022 г. /ред. колл.: Мысливец Н.Л (гл. ред.) [и др.]; НАН Беларуси, Ин-т социологии НАН Беларуси. Минск: Донарит, 2022. 398 с.*
10. Blau D. Effect of Income on Child Development // *Review of Economics and Statistics.* 1999. № 81-2 (May): 261–276.
11. Семенова О.В., Бутовская М.Л. Матрилатеральный родственный вклад во внуков в современной российской семье. Дискриминация потомков женского пола со стороны бабушек и дедушек // *Сибирские исторические исследования.* 2022. № 1. С. 138–155.
12. Янак А.Л. «Нереализованные» бабушки и дедушки: прародительская ресурсность VS прародительская депривация // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки.* 2021. № 1 (57). С. 54–69.
13. Шубат О.М., Багирова А. П. Продолжительность прародительства в России. Статистические оценка и возможности управления в рамках национального проекта «Демография» // *Вопросы управления.* 2020. № 6 (67). С. 142–155.
14. Голикова назвала долю пенсионеров, возвращающихся к работе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/25/04/2024/662a2ed5a79473e765ebc20> (Дата обращения: 12.09.2024).
15. Игнатова О. Число одиноких людей выросло в России в два раза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2023/08/21/ottorzhenie-braka.html> (Дата обращения: 13.09.2024).
16. Росстат [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/PublishData/Reports/Files/tab-21.pdf (Дата обращения: 17.09.2024).
17. Нехлебова Н. Внуки в дефиците [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4142388> (Дата обращения: 15.09.2024).
18. Gary S. Becker and H. Gregg Lewis On the Interaction between the Quantity and Quality of Children // *Journal of Political Economy.* 1973 Vol. 81. № 2. Part 2: New Economic Approaches to Fertility (Mar.-Apr., 1973): S279–S288.

Научное издание

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИКИ
ЕВРАЗИЙСКИХ СТРАН
В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Санкт-Петербург

15 апреля 2024 г.

*Под редакцией доктора экономических наук,
профессора Т.А. Селищевой*

*Редактор П.А. Тимачева
Верстка Л.А. Солдатовой*

Подписано в печать 16.10.2024. Формат 60×84 1/16.
Усл. печ. л. 12,25. Тираж 500 экз. Заказ 1101.

Издательство СПбГЭУ. 191023, Санкт-Петербург,
наб. канала Грибоедова, д. 30-32, лит. А.

Отпечатано на полиграфической базе СПбГЭУ